

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Дагестанский государственный педагогический университет
им.Р.Гамзатова»

На правах рукописи

Хачукаева Малика Яхьяевна

**ВОКАТИВЫ В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКОМ СЕМЕЙНОМ
ДИСКУРСЕ**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Научный руководитель –
Халидова Р.Ш.,
доктор филологических наук,
профессор

Махачкала – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЩЕНИЯ	14
В РАМКАХ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА	14
1.1. Понятие и термин «дискурс»	14
1.2. История изучения вопроса	27
1.3. Обращение как языковая единица.....	35
1.4. Функции обращения в речевом акте	37
Выводы к I главе.....	44
ГЛАВА II. ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ФУНКЦИИ ВОКАТИВОВ	47
2.1. Термины родства в функции средств адресации в семейном дискурсе.....	47
2.1.1. Вокативы, актуализирующиеся в коммуникации супругов между собой	50
2.1.2. Вокативы, функционирующие в общении детей и родителей.....	59
2.1.3. Вокативы, используемые в коммуникации детей между собой	78
2.1.4. Вокативы, применяемые в общении ближайших родственников между собой	81
2.2. Термины свойства в качестве вокативов	86
2.3. Структурная характеристика терминов родства, функционирующих в семейном дискурсе.....	90
Выводы ко II главе	95
ГЛАВА III. АНТРОПОНИМЫ, АНДРОНИМЫ, ЗОО- И ФИТОМОРФИЗМЫ В ФУНКЦИИ ВОКАТИВОВ	101

3.1. Антропоним как средство обращения в семейном дискурсе	101
3.2. Андронимы как средство обращения в семейном дискурсе	108
3.3. Зооморфизмы в функции вокативов в нахско-дагестанских языках.....	111
3.4. Фитоморфизмы в качестве вокативов в семейном общении в нахско- дагестанских языках.....	115
3.5. Эмоционально-оценочные аппеллятивы в качестве вокативов	117
3.6. Притяжательные местоимения в составе обращений	127
3.7. Вокативные междометия	131
Выводы к III главе	135
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138
СОКРАЩЕНИЯ.....	145
СПИСОК ИНФОРМАНТОВ:	147
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	148
СЛОВАРИ	173

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике имеется большое количество трудов, посвященных исследованию обращений (вокативов, апеллятивов) с точки зрения различных подходов, учений и теорий. Такой усиленный интерес именно к обращениям можно объяснить тем обстоятельством, что все виды вокативов являются важными (возможно, что и главными) единицами речевого акта. В нашем исследовании предпринята попытка – дать анализ обращений, используемых в нахско-дагестанских языках, бытовом общении членов семьи и родственников между собой.

Постоянно растущий интерес к социолингвистическим, этнолингвистическим и психолингвистическим проблемам обусловил появление целого ряда исследований, в том числе и фундаментальных, посвященных разговорной речи и различного рода дискурсам, в которых проблема обращения занимает ведущее место. Этим фактором объясняется **актуальность** данного исследования.

Актуальность исследования обусловлена еще и тем, что анализ формул речевого этикета может предоставить такой материал, который явится дополнительным подтверждением того, что язык наряду с функцией межличностного общения выполняет еще не менее важную функцию репрезентанта этнической культуры и является воплощением этнической субъективности.

Обращения, применяемые в общении членов семьи между собой, не получили в кавказоведении удовлетворительного освещения с точки зрения прагматического значения. Недостаточная изученность речевого этикета внутрисемейного общения, необходимость детального исследования национальной специфики языковых средств, используемых

в семейном дискурсе носителей нахско-дагестанских языков, также обуславливает актуальность исследования.

Объект исследования – речевые формулы, используемые в общении между членами семьи и близкими родственниками в функции обращения.

Предметом исследования стали коммуникативные функции обращений, используемых в бытовом дискурсе нахско-дагестанских языков и их прагматический и семантический потенциал.

Наша диссертация преследует **цель** – выявить общие и этноспецифические особенности в коммуникативной реализации обращений, применяемых в нахско-дагестанских языках в общении членов семьи между собой.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие исследовательские **задачи**:

1) представить семантический анализ речевых формул, используемых в общении между членами семьи и близкими родственниками в функции обращений;

2) дать анализ коммуникативно-прагматических функций эмоционально-оценочных обращений, используемых во внутрисемейном общении;

3) определить иллокутивные функции благопожеланий и злопожеланий, используемых в качестве обращений;

4) установить особенности вокативных употреблений терминов родства во внутрисемейном общении и за пределами семьи;

5) очертить отличительные признаки этикетных формул в нахско-дагестанском языковом сознании и коммуникативном поведении.

Научная новизна проведенного в данной диссертации исследования состоит в том, что сравнительному анализу подвергаются нахско-

дагестанские вокативы, используемые в общении членов семьи между собой.

Впервые в лингвистическом кавказоведении посредством прагматического и семантического анализа исследуется иллокутивная сила нахско-дагестанских вокативов семейного дискурса.

На материале дагестанских и нахских языков проблема выявления общих и этнокультурных особенностей в коммуникативной реализации вокативов, функционирующих в рамках семейного дискурса, рассматривается впервые, что также обуславливает научную новизну данной диссертации.

Степень изученности темы. Несмотря на то, что универсальные и уникальные характеристики вокативов семейного дискурса представляют научный интерес не только для лингвистов, но и этнографов, культурологов, фольклористов, специальных исследований, посвященных различным аспектам реализации основных коммуникативных функций обращения в нахско-дагестанских языках, еще не проводилось. Различные аспекты исследуемых проблем отражены в трудах И. Ю. Алироева [1975; 1978; 1990], в монографиях А.С. Куркиева [1979], А.Г. Мациева [1973], в статьях Н.В. Джавахадзе [1968], А.Д. Вагапова [2006], Р.О. Муталова [2022; 2023] в диссертациях Э.Г. Оздоевой [2007] и Б.А. Шавхелишвили [1978] и др.

Для решения поставленной цели и задач применялись следующие **методы исследования**: общенаучный метод непосредственного наблюдения за речевой практикой носителей исследуемых языков, описательный, структурно-семантический, прагматический методы, а также метод компонентного анализа.

Гипотеза исследования заключается в том, что сравнительный анализ вокативов во внутрисемейном общении носителей дагестанских и

нахских языков выявит признаки внутринациональных типов речевой культуры, обусловленные спецификой национального менталитета.

Теоретической базой диссертационного исследования является прагмалингвистический подход к исследованию языка, представленный следующими трудами зарубежных и отечественных ученых: Дж. Остина [Austin 1962], Дж. Серля [Searle 1986], А. Вежбицкой [1997], В.И. Карасика [1992; 2004]; в области теории речевых актов: М. Гейса [Geis 1995], Г.Г. Почепцова [1981; 1986]; в области семантического подхода к исследованию вокативов: Б.А. Серебренникова [1982], Ю.Н. Караулова [1987], В.Е. Гольдина [1987 и др.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что выводы и наблюдения, систематизированные в работе, будут способствовать дальнейшему изучению современной вокативной лексики нахско-дагестанских языков, обслуживающей семейный дискурс, и позволят расширить наши представления о нравах, мировоззрении, культуре и обычаях народов – носителей этих языков.

Исследование структуры терминов родства и передачи ими различных референтных взаимоотношений, их историко-генетический и функционально-семантический анализ представляют интерес не только для лингвистики, но и других смежных с лингвистикой наук.

Практическая ценность исследования определяется возможностью использования полученных данных диссертации в дальнейшем изучении различных средств адресации в сфере семейного дискурса. В практике вузовского преподавания работа может быть использована при разработке лекционных курсов по смежным с лингвистикой наукам и спецкурсов по лексической типологии.

В представленной работе проводится исследование различного рода обращений, применяемых во внутрисемейном общении носителей

дагестанских и нахских языков, с точки зрения прагматической лингвистики, которая рассматривает дискурс как совокупность функционально организованных единиц «языка в употреблении».

Предшественниками дискурсивного анализа по праву считаются американская этнолингвистика и чешская лингвистическая школа.

Семейный дискурс представляет собой неинституциональный дискурс. Как известно, все типы дискурсов делятся на две большие группы: институциональный и неинституциональный дискурсы. В.И. Карасик характеризует все институциональные дискурсы «как дискурсы, отражающие специфику соответствующего социального института, общение в которых является неотъемлемой частью их организации» [Карасик 2004, с. 278].

Неинституциональный дискурс представлен двумя разновидностями: бытийным и бытовым дискурсами. Несмотря на близость этих терминов, они принципиально различаются. Бытовой дискурс – это общение (неофициальное) в быту. Семейный дискурс является частью бытового дискурса.

Бытийный дискурс характерен исключительно для текстов художественных произведений всех жанров.

Институциональный дискурс представлен большим количеством дискурсов, число которых в каждом конкретном обществе зависит от количества социальных институтов в обществе.

В основе выделения институционального дискурса лежат два системообразующих признака: цель и участники общения. Участники политического дискурса – это политик, выдвигающийся на определенную должность в системе власти, и избиратель; участники педагогического дискурса – учитель и ученик; участники медицинского дискурса – врач и

пациент; участники религиозного дискурса – священнослужитель и прихожанин; участники спортивного дискурса – спортсмены и болельщики и т. д.

В современных лингвистических исследованиях выделяют два подхода к анализу институционального дискурса: дескриптивный и критический. Дескриптивный подход направлен на исследование речевого поведения коммуникантов в рамках определенного социального института (его лингвистических средств, риторических приемов и языковых стратегий), а также на анализ содержательной стороны институционального общения. Критический подход нацелен на выявление и изучение социального неравенства, выраженного в дискурсе. Следует отметить, что на сегодняшний день данное направление не получило должного развития в отечественной лингвистике.

Как отмечалось выше, семейный дискурс не относится к институциональному дискурсу. Участники семейного дискурса – все члены семьи: родители, дети, родственники. Репрезентируется семейный дискурс, как правило, через устную речь, реже – письменную.

Материалом исследования послужили данные лексикографических источников, а также образцы разговорной речи, полученные путем эlicitации у носителей нахских и дагестанских языков. В работе также используются примеры, рассмотренные при обсуждении аналогичных вопросов в цитируемой литературе. Исследование базируется на иллюстративном материале шести языков нахско-дагестанской группы. Из более тридцати дагестанских языков для исследования привлечен материал пяти литературных языков, которые располагают письменными традициями: аварского, даргинского, лакского, лезгинского и табасаранского. Из трех нахских языков привлечен материал чеченского

языка. Иногда для сравнения привлекается материал ингушского и бацбийского языков.

На защиту выносятся следующие основные положения диссертации:

1. Речевой этикет семейного общения базируется на таких универсальных общечеловеческих моральных и этических ценностях, как взаимное уважение, почитание старших, оберегание младших и т. д. В то же время каждый этнос структурирует семейный дискурс по-своему. Выбор речевых формул при внутрисемейном общении и манеры семейного общения носят национально-специфический характер, обусловленный как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

2. Внутреннее устройство нахского и дагестанского обществ основано на патриархальных отношениях с безусловным главенством мужчины, на приоритете старших членов семьи и прежде всего мужского пола. Эмоциональная сдержанность и безусловная вежливость являются основой, на которой зиждется семейное общение у нахско-дагестанских народов, и показателем внутренней культуры.

3. В семейном дискурсе исследуемых языков реализуются две основные, одна второстепенная и множество ситуативных функций обращений. К двум основным коммуникативным функциям обращений относятся вокативная и характеризующая. Социально-регулятивная функция представлена гораздо реже и носит второстепенный характер.

4. Существует множество факторов, влияющих на дифференцированное применение обращений в семейном дискурсе. Прежде всего, это: а) характер взаимоотношений коммуникантов; б)

статус коммуникантов в семейной иерархии; в) обычаи и нормы отдельно взятой семьи; г) традиции и условности лингвокультуры в целом.

5. Термины родства – аппеллятивы – нейтральны по своим оценочно-характеризующим показателям и выполняют главным образом вокативную функцию. Иллокутивная цель терминов родства совпадает с интенцией высказывания. Словообразовательные модели терминов родства во всех исследуемых языках являются едиными.

6. Использование антропонимов в вокативной функции представляет собой языковую универсалию. Фреквенталией является способность антропонимов образовывать от полного имени уменьшительно-ласкательную форму. Гипокористические антропонимы применяются преимущественно для поддержания позитивного контакта.

7. Личные имена в исследуемых языках могут выступать в базовых типах обращений вне зависимости от прагматических условий. В сочетании с диминутивными и гипокористическими суффиксами имя собственное придает соответствующему обращению дополнительный вокативный вес. При использовании личного имени в функции привлечения внимания оно всегда во всех исследуемых языках занимает препозицию. Препозитивное положение личного имени в качестве вокатива выполняет функцию привлечения внимания. В функции поддержания контакта имя собственное занимает постпозицию.

8. Применение пейоративно-коннотативной лексики исключается при обращении детей к родителям, младших к старшим, женщин к мужчинам. Семейный этикет всех исследуемых языков порицает такое применение пейоративов.

9. Притяжательные местоимения в нахско-дагестанских языках относятся к специальным маркерам вежливости, которые следует

применять для достижения запланированного перлокутивного эффекта. Использование притяжательных местоимений, как и других специальных «вокативизирующих средств», позволяет существенно расширить возможности лексем с низким вокативным потенциалом. Кроме того, притяжательные местоимения в сочетании с терминами родства компенсируют отсутствие в нахско-дагестанских языках уменьшительно-ласкательных суффиксов и довольно ограниченный набор политесных слов.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были апробированы на заседаниях кафедры дагестанских языков Дагестанского государственного педагогического университета, в докладах на научных конференциях различных уровней: V Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лингвистики и языкового образования» с международным участием, посвященная памяти докторов филологических наук, профессоров Рамазана Ибрагимовича Гусейнова и Магомеда Гамзатовича Исаева (Махачкала, 2017); V Международный симпозиум лингвистов-кавказоведов, посвященный 120-летию со дня рождения академика Арнольда Степановича Чикобава (Тбилиси, 2018); I Международная научная конференция «Языки и культуры народов России и мира» (Махачкала, 2019); Международная научно-практическая конференция «Сохранение и развитие языкового наследия в поликультурной образовательной среде» (Майкоп, 2021); Межвузовская студенческая научно-практическая конференция «Наука молодых: актуальные вопросы филологии» (Махачкала, 2024); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, посвященная 75-летию Адилова Ашурали Гаджибалаевича «Родные языки: проблемы и перспективы развития» (Махачкала, 2024).

По теме исследования опубликовано шестнадцать статей. Из них четыре статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной научной литературы и списка условных сокращений.

Объем диссертации – 175 страниц компьютерного набора.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЩЕНИЯ В РАМКАХ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

1.1. Понятие и термин «дискурс»

Функционально-семантический и прагматический анализ обращений, используемых в общении носителей нахских и дагестанских языков, является важной частью исследования языка как формы и среды жизнедеятельности носителей языка.

В последнее время возросший интерес лингвистов к исследованию разговорной речи в рамках прагмалингвистического подхода привел к тому, что вокативы (обращения) как лингвистический объект оказались в центре внимания многих лингвистов [Хачукаева, Халидова 2018, с. 77].

Одним из активно дискутируемых вопросов прагмалингвистики является проблема конкретизации термина и понятия «дискурс». Прежде чем приступить к исследованию семейного дискурса, следует определиться с понятием и термином «дискурс», выявить и описать присущие им характерные черты.

Как указывает В.В. Звягинцева, «прагмалингвистика не обошла стороной и вопрос, связанный с уточнением понятия “дискурс”. Определение дискурса как сферы анализа языковых явлений в определённом коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий/пишущий и слушающий/читающий и для характеристики которого важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения цели и ожидания (И.П. Сусов), позволило ученым использовать термин по отношению к

самым разнообразным сферам человеческой деятельности (дискурс СМИ, политический, медицинский дискурсы). Однако до сих пор в русской лингвистике не было дано точной дефиниции семейного дискурса. Остаются открытыми для исследования основные вопросы, касающиеся уточнения границ, характерных особенностей и субъектов взаимодействия семейного дискурса» [Звягинцева 2011, с. 2].

Термин «дискурс» происходит от французского слова *discours* (восходит к латинскому полисеманту *discursus* «рассуждение», «беседа, разговор», «довод», «бегание взад-вперед», «движение», «круговорот»). Это один из наиболее дискутируемых и неоднозначно трактуемых терминов современной лингвистики.

Во второй половине XX века в англоязычной, затем и во франкоязычной среде распространился в языкознании новый термин «дискурс». Со временем термин «дискурс» получил широкое применение в целом ряде гуманитарных наук: в лингвистике и в смежных науках (лингвокультуре, этнокультуре, социолингвистике), в философии, семиотике, этнологии, антропологии, психолингвистике, когнитивной психологии и в литературоведении как многозначное и многофакторное понятие.

Преобладающее большинство языковых единиц (фонем, морфем и лексем) существует в готовом виде и воспроизводится автоматически в процессе речевого взаимодействия. В отличие от этих (низших) языковых единиц, дискурс не существует в готовом виде. Любой дискурс, как правило, не воспроизводится подобно другим языковым единицам, а создается в речи.

Термин «дискурс» означает процесс языковой деятельности.

Раздел лингвистики, изучающий дискурс, также носит междисциплинарный характер и называется дискурсивным анализом (discourse analysis), который направлен на исследование коммуникативного взаимодействия адресанта и адресата.

Следует также отметить, что дискурсивный анализ является относительно новым научным направлением в науке о языке. Несмотря на относительно юный возраст, научная дисциплина «дискурсивный анализ» набирает силу и становится одним из наиболее приоритетных направлений в лингвистике и смежных науках.

Можно вполне допустить, что отсутствие единого общепризнанного определения термина «дискурс», охватывающего основные (характерные) случаи его употребления, способствовало его популяризации. Примечательно, что научное направление «дискурсивный анализ» утвердилось вопреки господствовавшей в лингвистике противоположной тенденции – борьбы за «очищение» науки о языке от исследования речи. Ф. де Соссюр и его последователи рассматривали в качестве объекта лингвистики языковую систему (в противоположность речи). Н. Хомский и его последователи придерживались мнения, что следует изучать только языковую «компетенцию» в отрыве от вопросов употребления языка.

Однако в настоящее время у большинства сторонников превалирует точка зрения, признающая, что те или иные явления в языке можно полноценно исследовать только при учете условий их функционирования.

Разные подходы к трактовке семантики и сущности термина «дискурс» обусловлены не в последнюю очередь многозначностью данного термина, что позволяет использовать его в различных областях гуманитарного знания. Как отмечает в этой связи Р.Ш. Халидова, «вполне естественно, что многозначность термина “дискурс” и его использование

в различных областях гуманитарного знания порождают разные подходы к трактовке значения и сущности данного понятия. Тем не менее, можно говорить о том, что благодаря усилиям ученых различных областей, теория дискурса оформляется в настоящее время как самостоятельная междисциплинарная область, отражающая общую тенденцию к интеграции в развитии современной науки» [Халидова 2023, с. 6].

Популярный ныне термин «дискурсивный анализ» («discourse analysis») впервые был введен в научный оборот основоположником трансформационного и дистрибутивного анализа в лингвистике, известным американским лингвистом Зеллигом Харрисом [Harris 1952]. Метод анализа связанной речи, применяемый для характеристики высказывания, для научной квалификации синтаксической единицы большей, чем фраза, в сочетании с другими языковыми единицами и бытовой ситуацией, Зеллиг Харрис сформулировал как discourse analysis «дискурсивный анализ». Этот метод основан исключительно на формальных процедурах выявления структурной организации текста. Слабым звеном данного метода является то, что он не учитывает семантику элементов, составляющих текст. Однако заслуга З. Харриса состоит в том, что он первый преодолел рамки грамматики предложения, казавшиеся незыблемыми, и вышел на уровень текста [Harris 1952]. Таким образом, коммуникативная лингвистика вышла на лидирующие позиции. Однако, «развитие коммуникативной лингвистики означало выход науки о языке из кризиса и возвращение в круг ее проблем самого человека, иначе говоря, признание ее гуманитарного характера. Но проблема онтологического конфликта в лингвистике осталась. Выход на лидирующие позиции коммуникативного языкознания, в частности

прагматический бум второй половины XX в., еще не означает принятия языковедами новой дискурсивной онтологии» [Макаров 2003, с. 23].

С уменьшением интереса к трансформационной грамматике увеличилась популярность и востребованность дискурсивного анализа. Интерес лингвистов перешел к коммуникативной функции языка. Как указывает М.Л. Макаров, «современное языкознание обратилось к деятельностному анализу реально функционирующего языка в широком социально-культурном контексте. Именно это позволяет некоторым социальным наукам в условиях *дискурсивного переворота* обратиться к дискурс-анализу как к модели и методу строительства новой парадигмы в целом. Лингвистика же получает новый стимул, новые цели и перспективы для приложения своих усилий к исследованию языкового общения людей» [Макаров 2003, с. 24].

Большинство исследователей трактуют дискурс как специфическое явление в языке, в котором находят отражение мировоззрение и общечеловеческие ценности. Н.В. Горохова [2014, с. 94], исследуя проблемы многозначности понятия «дискурс», характеризует его как «совокупность знаний в той или иной области общечеловеческой культуры, фиксируемую знаковыми системами» [цит. по: Халидова 2023, с.10–11].

Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”. Поэтому термин

“дискурс”, в отличие от термина ”текст” не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 136–137].

В русистике, как и в целом в отечественной лингвистике, термин «дискурс» является относительно новым явлением. Однако дискурсивные явления (хотя и без употребления данной терминологии) в русистике достаточно активно исследовались в 1970–1980-е годы Е.А. Земской и другими лингвистами в рамках проекта Института русского языка Академии наук СССР по изучению русской разговорной речи. Исполнители данного проекта записали в транскрипции и детально исследовали большой массив устных монологов и диалогов.

Е.А. Земская и ее соавторы выявили и описали целый ряд особенностей русской разговорной речи. Были определены и проанализированы многие принципиально важные явления устной русской речи. Особое внимание исследователей привлекла тенденция русской разговорной речи к фиксации рематических компонентов в начале синтагмы.

Несмотря на то, что дискурсивные исследования ведутся уже достаточно долго, современная лингвистика все еще не располагает однозначной трактовкой термина «дискурс». В науке о языке выделяется несколько подходов к определению термина «дискурс».

Наиболее востребованные подходы – это функциональный (или коммуникативный), структурно-синтаксический, структурно-стилистический и социально-прагматический.

Дискурс в коммуникативном (функциональном) аспекте представляет собой вербальное общение в форме диалога или беседы,

которые в отличие от повествования учитывают позиции говорящего и слушающего.

В аспекте структурно-синтаксического подхода дискурс состоит из сочетания двух и более предложений. Обязательным условием при этом является наличие смысловой связи между этими предложениями. Именно наличие этой связи и позволяет рассматривать создаваемый текст как дискурс. В рамках структурно-синтаксического подхода дискурс дается как некий фрагмент текста.

В аспекте структурно-стилистического подхода дискурс отличается стилистическими особенностями, характерными исключительно для разговорной речи с высокой контекстностью и наличием выраженных ассоциативных связей.

При социально-прагматическом подходе дискурс представляет собой текст вкупе с ситуацией общения, предполагает наличие в тексте побуждений, которые обладают прагматической силой. Представители прагмалингвистического направления не объясняют системные функции подобных элементов в дискурсе.

Учет всех этих подходов позволяет выявить тройственный характер онтологии дискурса, состоящей из самого текста, прагматической составляющей и ментальных процессов, происходящих в сознании коммуникантов.

Понятие «дискурс» как коммуникативное явление тесно связано с понятиями «речь» и «текст». Однако не любой текст может считаться дискурсом. Чтобы текст стал дискурсом, он должен дойти до адресата и проникнуть в его сознание. Это означает, что текст становится дискурсом, когда он воспринимается вместе с контекстом. Поэтому дискурс – это всегда «текст + ситуация» или «текст + контекст».

Прагматический и когнитивный подходы к исследованию дискурса характерны в большей степени для зарубежной лингвистики. Здесь имеет место «перенос центра внимания с формально-синтаксического и генеративно-семантического аспектов на прагматический аспект высказывания и дискурса. Теория речевых актов в ее классическом варианте, как теория с крайней прагматической направленностью, довольно безразлична к внутренней организации дискурса» [Халидова 2023, с. 22].

Коммуникативный подход предполагает не описание единиц сверхфразового уровня в тексте, а исследование самой текстовой деятельности в общественной практике. Он позволяет отграничить текст от таких грамматических категорий, как словосочетание или предложение и акцентировать внимание на самом процессе общения.

Все виды дискурсов В.И. Карасик [2004, с. 5] делит на два больших разряда, из которых к первому разряду он относит персональный (или личностно-ориентированный) дискурс, который в свою очередь состоит из двух разновидностей: бытового дискурса и бытийного дискурса. Бытовой дискурс иначе еще называется обиходным дискурсом [Карасик 2004, с. 208].

Бытовой дискурс характеризуется ярко выраженной субъективностью, спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, нарушениями логики и структурной организации высказываний.

Бытийный дискурс отличается от бытового тем, что бытийное общение, как правило, носит монологичный характер и представлено преимущественно произведениями художественной литературы и философскими трактатами. При всех различиях, существующих между бытийным и бытовым дискурсами, в одном очень важном качестве они

идентичны: и в том и в другом виде дискурсов имеет место активное восприятие, осмысление содержания речи воспринимающей стороной (адресатом). Это означает, что и в бытийном, и в бытовом дискурсе важное место занимает воспринимающая сторона, ее реакция на содержание текста или речи.

Объединяет бытийный и бытовой дискурсы «то, что они одинаково опираются на активное осмысление адресатом содержания речи. Бытийный дискурс представлен, как правило, произведениями художественной литературы. В бытийном дискурсе используются все формы речи на базе литературного языка, позволяющие раскрыть внутренний мир коммуникантов» [Халидова 2024, с. 11].

Институциональный дискурс, в отличие от персонального, представлен целым рядом подвидов, количество которых может постоянно пополняться. Сюда относятся следующие виды дискурсов: административный, дипломатический, политический, религиозный, мистический, военный, медицинский, научный, юридический, педагогический, масс-медийный, деловой, философский, спортивный, рекламный, гастрономический и т. д. Следовательно, в современном обществе представлены самые разнообразные виды институционального дискурса. Институциональный дискурс, в отличие от персонального, ограничивает общение в конкретных рамках статусно-ролевых отношений. Например, в медицинском дискурсе – это общение между врачом и больными, в педагогическом – между педагогом и учащимися, в спортивном – между спортсменами и болельщиками, в религиозном – между духовными лидерами и верующими и т. д.

В своей монографии «Основы теории дискурса» М.Л. Макаров выделяет следующие виды дискурса, исходя из их коммуникативных установок:

1) комплиментарный (дополнительная информация – установка на ее получение);

2) координирующий (установка – скоординировать всю информацию, чтобы получить истину);

3) компететивный (установка – переубедить друг друга, что-то доказать) [Макаров 2003].

Некоторые лингвисты противопоставляют дискурс vs. текст. Так, Л.М. Макаров рассматривает дискурс как исключительно «интерактивный способ речевого взаимодействия. В таком плане дискурс противопоставляется тексту, обычно принадлежащему одному автору. Такое противопоставление перекликается с традиционной оппозицией диалог vs. монолог» [Макаров 2004, с. 186]. Подобное разграничение довольно условно, так как только диалог может рассматриваться как естественное проявление языковой активности. Монолог отчасти тоже диалогичен, поскольку он всегда обращен к адресату, неважно – реальный это адресат или гипотетический, возможно это даже *alter ego* говорящего.

Раздел лингвистики, исследующий дискурс, получивший название «дискурсивный анализ», не появился на пустом месте. Ряд направлений в лингвистике послужили источниками и причинами появления данного направления. В отечественной лингвистике возникновению дискурсивного анализа предшествовали такие направления, как лингвистика текста и социолингвистика а в зарубежной лингвистике – разговорный анализ, теория речевых актов, лингвистическая прагматика, этнография коммуникации, интеракционная

социолингвистика, французский структурализм и когнитивная психология.

Представители лингвистической прагматики и теории речевых актов акцентируют внимание на целях высказывания и типах речевого поведения. Данное направление в языкознании получило развитие в 60–70-е гг. XX века. Наиболее яркие представители – Дж. Остин, Дж. Сёрл и др. – исследовали различные типы речевого поведения коммуникантов и прагматические пресуппозиции.

Направление социолингвистики с 60-х гг. XX века оказывало значительное влияние на развитие дискурс-анализа, особенно в вопросах исследования явлений влияния социально-бытовых факторов на речевую вариативность. Наиболее яркими представителями данного направления лингвистики являются С. Эрвин-Трипп, У. Лабов, В.И. Карасик и др.

Представители направления этнографии коммуникации исходили из необходимости учитывать не социальные параметры (класс, пол, этнический тип и т. п.), а культурные характеристики. Труды американских лингвистов Делла Хаймса и Джона Гамперца по этнографии устной речи (*ethnography of speaking*) и этнографии коммуникации (*ethnography of communication*) создали теоретическую базу для возникновения такого направления в языкознании, как дискурс-анализ.

Представители интеракционного социолингвистического направления – Эрвинг Гофман [Goffman 1967; 1971; 1972; 1974; 1981] и Джон Гамперц [Gumperz 1982] – исследовали особенности межэтнического общения в малых группах, состоящих из двух лиц (один – носитель исследуемого языка, второй – нет) или трех лиц (двое носители языка, третий – нет). Несмотря на то, что Дж. Гамперц придерживался принципа антропологизма в лингвистике, а Эрвинг Гофман – принципа

социологизма, они не противоречили, более того, взаимно дополняли друг друга.

Представители конверсационного анализа – Харви Сакс [H. Sachs 1974], Э. Шеглофф [Schegloff 1974; 1999], Г. Джефферсон [Jefferson 1974] и др. – занимаются исследованием повседневного бытового разговора, описанием его структурной организации. Теоретической базой создания данного направления послужила этнометодология.

Представителям французского структурализма, опираясь на нарративные исследования, удалось создать грамматику текста. На основе исследования грамматики текста наиболее известными учеными данного направления лингвистики (Я. Петефи, Т.А. ван Дейк, Ф. Данеш и др.) были установлены правила построения текста и определены критерии, характеризующие завершенность, целостность и связность текста. В лингвистике текста было постулировано существование текстового уровня, на основе чего разработана уровневая модель (фонемы – морфемы – слова – предложения – текст). Одновременно утверждалось, что текст не следует квалифицировать исключительно как языковой уровень; признавалась необходимость привлечения и внелингвистических критериев. В итоге оказалось невозможным определить правильность текста, используя одни только лингвистические критерии.

Значительный вклад в исследование текста внесли также представители когнитивной психологии. На основе исследования вопросов обработки текста человеком представители когнитивной психологии пришли к выводу, что человек преобразовывает всю информацию, полученную в процессе жизни в некие схемы, которые хранятся в ячейках памяти. В процессе познавательной деятельности эти схемы постоянно обновляются и при необходимости извлекаются из

памяти. Таким же образом человек хранит и извлекает информацию о тексте. Представители когнитивной психологии используют фреймы и сценарии в качестве средства восприятия, запоминания и воспроизведения текстовой информации.

В настоящее время дискурсивный анализ представляет собой хотя и междисциплинарное, но вполне самостоятельное научное направление со своим предметом и методами исследования. Имеются специальные журналы Text и Discourse Processes, посвященные исследованию дискурса с точки зрения психологии, социологии и других смежных дисциплин, в которых рассматриваются актуальные проблемы анализа дискурса из которых Discourse Processes («Дискурсивные процессы») – рецензируемый академический междисциплинарный журнал, который выходит каждые два месяца, а Text – международный электронный реферируемый журнал, публикуемый дважды в год и издается Australasian Association of Writing Programs (Австралийской ассоциацией писательских программ) [<http://www.aawp.org.au/>].

В настоящее время больше всего дискурсивных исследований проводится в США. Здесь находятся известные центры дискурсивных исследований: университет Калифорнии в Санта-Барбаре, университет Калифорнии в Лос-Анджелесе, университет Орегона в Юджине и Джорджтаунский университет.

В Европе наиболее известным центром дискурсивных исследований является Амстердамский университет.

В свою очередь, российская традиция дискурсивного анализа, опираясь на богатую базу отечественной психолингвистики и текстологии, развивается по своему уникальному пути. В фокусе внимания российских исследователей все чаще оказываются институциональные и персональные типы общения, среди

которых особое место занимает семейный дискурс как отражение базовых культурных ценностей общества. В качестве самостоятельного объекта исследования семейный дискурс представляет собой сложное социолингвистическое явление, отражающее систему ценностей, традиций и ролевых установок конкретного лингвокультурного сообщества.

Семейный дискурс представляет собой совокупность текстов, имеющих отношение к сфере семейных отношений. Семейный дискурс репрезентируется, как правило, через устную речь. Тема семейного дискурса всегда ограничена строгими рамками и не выходит за пределы семьи и семейных отношений. Среди всех типов дискурсов исследуемый в данной работе семейный дискурс является наиболее приближенным к разговорной речи.

1.2. История изучения вопроса

Лексический состав любого языка отражает специфические, характерные для носителей данного конкретного языка понятия, связанные с географическими, социально-экономическими, культурными, конфессиональными явлениями, традициями, обычаями и другими условиями жизни народа. В зависимости от дифференциации этих понятий весь лексический фонд языка делится на различные микросистемы, которые называются также «семантическими полями» или «понятийными сферами» (по терминологии Й. Трира, В. Порцига, Й.Л. Вайсгербера, Г. Ипсена, А. Йоллеса). Отдельную микросистему или семантическое поле образуют термины родства (как термины кровного родства, так и термины свойства или приобретенного родства).

Во всех языках базовые термины кровного родства, такие как *мать*, *отец*, *бабушка*, *дедушка*, *сын*, *дочь*, *брат*, *сестра*, составляют наиболее древний пласт лексики.

Термины родства и свойства в нахских языках исследуются в следующих трудах одного из основателей и руководителей Московского лингвистического кружка, известного специалиста по теоретической и прикладной лингвистике, кавказоведа Н.Ф. Яковлева: «Ингуши. Популярный очерк» [1925], «Современные термины родства у народов Северного Кавказа» [1930], «Термины “мать” – “отец”, “сестра” – “брат”, “дочь” – “сын” в северокавказских яфетических и некоторых других языках» [1930а]. По мнению Н.Ф. Яковлева, «современная терминология родства у народов Северного Кавказа является в настоящее время, главным образом, семейно-родственной терминологией; ее термины служат для обозначения различных степеней родства внутри семьи как производственной и социальной ячейки современного общества» [Яковлев 1930а, с. 156].

Представляет интерес семантическая интерпретация терминов родства в северокавказских языках, предложенная Н.Ф. Яковлевым на основе результатов палеонтологического исследования. Исследуя термины родства в нахских языках, ученый высказывает предположение, что нахские термины *во-ша* «брат» и *йо-ша* «сестра» содержат в своем составе общий (единый) компонент *-ша*. Общий термин *ша* употреблялся у нахских народов в эпоху дородового общества (до того, как образовались грамматические классы) по отношению к каждому члену общества (орды), вне зависимости от его биологического пола, как к мужчине, так и к женщине. Этот общий термин *ша* в тот период, как полагает Н.Ф. Яковлев, репрезентировал семантику «сородич»,

«clansman» или, вернее, «соордич» – «взрослый член орды, без различия пола» [Яковлев 1930а, с. 158]. Исследователь допускает общность происхождения грузинского термина *швили* «сын», аварских *вас* «сын», *йас* «дочь», *вацц* «брат», *йацц* «сестра». В качестве исходного корневых и формантных элементов *-ш-*, *-с-*, *-ц-*, *-ч-* Н.Ф. Яковлев выделяет консонант *-ш-*, к которому восходят также аварское *чи* «человек», «мужчина», андийское *ша* «человек», даргинское *ши* «селение» ← «община» [Яковлев 1930а, с. 164-165].

За пределы нахско-дагестанских языков выводит данную генетическую цепочку Б.Х. Балкаров [1969]. Он выделяет единый для нахских и черкесских терминов «брат» и «сестра» корень *-ш-*. Данный корень, как полагает Б.Х. Балкаров, репрезентировал семантику «член общего рода, независимо от пола» [Балкаров 1969, с. 169].

В известной монографии Ю.Д. Дешериева «Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов» [1963] при освещении вопросов древней истории горских кавказских народов, главным образом нахских, исследуется терминология родства в свете данных горских кавказских языков.

Различные аспекты интересующих нас проблем находят отражение в трудах И. Ю. Алироева. В частности его монографии «Нахские языки и культура» [1978] содержит семантический анализ словарного состава чеченского и ингушского языков, отражающий прогрессивное развитие материальной культуры чеченцев и ингушей.

В известном лексикографическом труде И. Ю. Алироева «Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов [1975] представлена отраслевая лексика

чеченского и ингушского языков в сравнении с лексикой бацбийского языка. В данном словаре активно привлекается материал и основных диалектов чеченского языка (чеберлойского, аккинского, кистинского и итумкалинского). Самостоятельную научную ценность представляет приложение к словарю, дающее ценную фонетико-морфологическую и семантическую характеристику отраслевой лексики нахских языков и диалектов, в том числе репрезентирующей родство и родственные отношения, и используемой в вокативной функции в семейном дискурсе. Данной работе предшествовала докторская диссертация на тему: «Сравнительно-сопоставительная отраслевая лексика в вайнахских языках», защищенная в Институте языкознания Академии наук Грузинской ССР в 1973 году.

В монографии А.С. Куркиева, посвященной основам лексикологии ингушского языка [1979], также анализируется лексика языка, обслуживающая семейный дискурс.

Внешняя структура терминов родства и репрезентация ими различных референтных взаимоотношений представляют научный интерес не только для лингвистов, но и исследователей смежных с лингвистикой наук, таких как этнография, история, социология, этнопсихология и др. Термины родства у горных ингушей через призму этнографии рассматриваются в одноименной статье Н.В. Джавахадзе [1968].

Термины родства, функционирующие в чеченском языке, с точки зрения этнографии исследуются в ряде статей С. А. Натаева [2007; 2008].

Лексика ингушского языка, обозначающая родство и родственные отношения, была предметом исследования в кандидатской диссертации Э. Г. Оздоевой [2007], в которой выделяются характерные черты терминов

родства ингушского языка. В работе активно привлекаются данные из других родственных языков, предпринимается попытка установить общекавказские параллели в структурной организации системы терминов родства и их социального содержания. Поднимаются и проблемы генезиса терминов родства. Исходя из морфемной структуры лексики, выражающей родственные отношения, Э.Г. Оздоева делит их на четыре группы: простые, сложные, составные и описательные. Исконные термины родства, как отмечает автор, представлены преимущественно простыми и сложными лексемами. Составные и описательные лексемы, по мнению исследователя, появляются в ингушском языке позднее простых и сложных терминов по причине отсутствия в языке специальных терминов для обозначения тех или иных родственных отношений. Большое место в работе отводится «выявлению связей терминов родства с особенностями социальной организации носителей ингушского языка и с нормами семейно-брачных отношений ингушей» [Оздоева 2007, с. 5].

Э.Г. Оздоева, исследуя семантику лексики, «обозначающей кровное и свойственное родство, разграничивает референтивные и вокативные термины. Вокативные термины родства применяются в качестве обращений к родственникам, например: *дада* “папа”, *нана* “мама”, *йиша* “сестра”, *воша* “брат” и т. д., а референтивные термины или термины номинации родства и свойства используются для наименования тех же родственников, но в разговоре с третьим лицом» [Оздоева 2007, с. 7].

В диссертации приводится значительный лексикографический материал, подтверждающий высокий аксиологический статус отца и кровных родственников по линии отца в системе ценностей рода (тейпа), хотя в работе этот вывод не содержится. На наш взгляд, Э.Г. Оздоева ошибочно указывает, что «в зависимости от **значения** (выделено нами. – М. Х.), термины родства

делятся на два вида: вокативные и референтивные» [Оздоева 2007, с. 81]. Не значение, а функция данных терминов является определяющим критерием при их разграничении на вокативные и референтивные. Не совсем верной является также точка зрения, высказанная автором, что «референтивная система основывается на вокативной, конкретизируя и дополняя ее» [Оздоев 2007, с. 85]. Как нам представляется, референтивная система первична, использование референтивных терминов в вокативной функции привело к образованию вокативной системы (подробнее об этом см. в исследовательской части данной работы).

Термины родства в нахских языках в описательном и сравнительном планах исследуются в кандидатской диссертации Б.А. Шавхелишвили «Термины родства в нахских языках» [Шавхелишвили 1978]. В работе задействован большой фактологический материал, предприняты попытки дать сравнительно-историческую характеристику каждому термину родства в близкородственных чеченском, ингушском и бацбийском языках, представлена также семантическая и структурная характеристика исследуемых терминов. В данной работе Б.А. Шавхелишвили не рассматриваются вопросы использования терминов родства в вокативной функции.

В статье А.Д. Вагапова «Этногенез чеченцев с точки зрения языкознания» [Вагапов 2006] рассматриваются некоторые вопросы структуры, семантики и функционирования отдельных терминов родства в чеченском языке.

Целый спектр вопросов семантики и структуры терминов родства чеченского языка исследовал А.Г. Мациев в монографии «Очерки лексикологии современного чеченского языка» [Мациев 1973].

Термины родства в чеченских паремиях анализируются в одноименной статье Р.Д. Шамилевой [Шамилева 2010].

Поскольку термины родственных отношений образуют отдельную лексико-семантическую группу в составе отраслевой лексики, то тот или иной аспект семантики, структуры и функционирования терминов родства нашел отражение во всех трудах, посвященных исследованию отраслевой лексики нахско-дагестанских языков. Среди них следует указать на «Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов» [Алироев 1975]; на монографии С.М. Темирбулатовой «Отраслевая лексика даргинского языка» [Темирбулатова 2012], Ф.А. Ганиевой «Отраслевая лексика лезгинского языка» [Ганиева 2012] и т. д.

Анализу различных аспектов терминов родства и свойства дагестанских языков посвящен специальный сборник статей под редакцией З.Г. Абдуллаева, изданный Дагестанским филиалом АН СССР [Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства 1985]. В нем представлены статьи, в которых на материале аварского, даргинского, лакского, лезгинского, табасаранского и других дагестанских языков рассматриваются термины родственных отношений в разных аспектах: в структурном, функционально-семантическом, историко-генетическом и т. д.

Формальная структура и семантика терминов родства и свойства аваро-андийских языков исследуются в статье П.А. Саидовой [Саидова 1985, с. 6–20], которая ограничивается сравнительным анализом первичной терминологии родства аварского и восьми андийских языков, без описательных оборотов. Широко привлекается диалектный материал, собранный автором во время лингвистических экспедиций. Анализируемый обширный языковой материал позволяет автору представить полное описание терминов родства и свойства, выявляя общее, характерное для всех аваро-андийских языков, и специфическое, для отдельных диалектов и языков. Сравнительно-

сопоставительный анализ образования терминов позволяет автору обнаружить исконный фонд и определить, что термины родства в аваро-андийских языках представляют определенное единство. Едиными являются также словообразовательные модели терминов родственных отношений. Расхождения в структурной организации исследуемых лексических единиц носят фонетический характер в преобладающем большинстве случаев.

В статье З.Г. Абдуллаева представлен историко-генетический анализ базовых терминов родства даргинского языка: «*неш*/мать» – «*дудеш*/отец», «*рузи*/сестра» – «*узи*/брат», «*рурси*/дочь» – «*уриши*/сын». Автор возводит корень терминов «мать» – «отец» к дейктонимическому корню лица -*д*- (→ -*т*-): «... даргинские формы термина “отец” *дудеш* и *ьада*, а также термин *ьадай* “мать” имеют единый источник своего происхождения – дейктонимический корень лица -*д*- (ср.: дарг. *ду* “я”, авар. *дун* “я”, анд. *дин/ден* ботл. *ден*, годоб. *ден*, карат. *ден*, ахвах. *дене*, багв. *де*, тинд. *де*, чамал. *ди*. цез. *ди*, хварш. *до*, гин. *де*, бежт. *до*, гунз. *да* “я”, кабард. *дэ* “мы”). С учетом категориальной реинтерпретации к этому дейктонимическому корню относятся и сравниваемые термины «отец» и «мать» и других родственных кавказских языков. Кстати, весьма убедительные соответствия корневых терминов родства «отец» и «мать» и дейктонимического корня лица -*д*- (→ -*т*-) обнаруживаются не только в кавказских языках, но и в индоевропейских, тюркских и др. Так что общность этих корневых терминов объясняется общностью источника происхождения дейктонимического корня лица -*д*- (→ -*т*-) [Абдуллаев 1985, с. 57]. См. об этом также в [Хачукаева 2017, с. 87–91].

Даргинскому термину родства *неш* «мать» З.Г. Абдуллаев также находит определенные соответствия в родственных кавказских языках. Дарг. *неш* «мать» имеет соответствия в лакском – *нину*, в рутульском – *нин*, в чеченском – *нана*,

в абхазском *ан* «мама», в кабардинском – *анэ*, в убыхском *нэ* «бабушка». В качестве генетического источника всех этих терминов З.Г. Абдуллаев рассматривает дейктонимический корневой согласный *-н-*, который наиболее отчетливо, по мнению автора, представлен лишь в двух языках – даргинском и лакском.

Семантико-стилистическая характеристика речевых формул установления контакта в ицаринском диалекте цудахарско-сирхинского языка (даргинская ветвь нахско-дагестанских языков) содержится в статьях Р.О. Муталова «Фатическая (контактоустанавливающая) функция речевых формул в ицаринском даргинском» [Муталов 2022, с. 79–80] и «Речевой этикет в ицаринском даргинском: формулы установления контакта» [Муталов 2022 а, с. 91–99]. Автор отмечает широкую распространенность в даргинских языках речевых формул, играющих важную роль в речевом этикете даргинцев. Эти речевые формулы принимают активное участие в формировании этнокультурной картины мира данного этноса и в установлении коммуникации между людьми. Р.О. Муталов выделяет четыре функции речевого этикета: фатическую, конативную, аппеллятивную, эмотивную. В статье [Муталов 2022, с. 79–80] исследуется фатическая или контактоустанавливающая функция речевого этикета. Автор совершенно справедливо отмечает широкую распространенность использования речевых формул с фатической функцией в виде благопожеланий в ицаринском диалекте. Можно было бы сказать также о том, что фатическая функция в бытовом дискурсе, как правило, сопряжена с вокативной. В речевом этикете всех кавказских языков благопожелания, как и злопожелания или проклятия, часто фигурируют в функции обращения.

1.3. Обращение как языковая единица

Обращение – это языковая единица, используемая для запланированного воздействия на адресата с целью привлечения его внимания и установления контакта с ним. В зависимости от тональности обращения, его семантическая оценочность проявляется в пейоративной, мелиоративной и нейтральной оценках. Обращение, выраженное одной и той же лексической единицей, в зависимости от стилистического тона высказывания может выражать различную семантическую оценочность и обладать различной иллокутивной силой.

Иллокутивная сила обращения зависит также от позиции обращения в высказывании. Например, препозиция обращения используется, как правило, для функции установления контакта, чтобы привлечь внимание адресата.

Исследуя обращения в семейном дискурсе русского и английского языков, В.В. Звягинцева отмечает, что «обращение выполняет основные и дополнительные функции в прямой зависимости от соотношения между иллокутивной силой обращения и интенциональностью всего высказывания. Удельный вес основных коммуникативных функций обращения в семейном дискурсе неодинаков: на первом месте выступает вокативная функция, далее представляется характеризующая функция, социально-регулятивная функция является второстепенной» [Звягинцева 2011, с. 9].

Обращения выполняют в высказывании (речевом акте) целый ряд разнообразных коммуникативных функций. Большинство исследователей выделяют три основные функции: вокативную, характеризующую, социально-регулятивную и множество дополнительных ситуативных функций. Функции, выполняемые обращением в процессе речевого акта, зависят, в основном, от двух взаимосвязанных и взаимозависимых

факторов: от иллокутивной силы обращения и интенциональности высказывания, вернее от соотношения между этими двумя факторами.

«Основной коммуникативной функцией обращения в семейном дискурсе является вокативная функция. На втором месте стоит характеризующая функция» [Звягинцева 2011, с. 9]. Третье место занимает социально-регулятивная функция, которая в семейном дискурсе носит второстепенный характер.

Наряду с этими тремя основными функциями исследователи выделяют следующие дополнительные (или ситуативные) функции обращения, такие, как упрек, удивление, восхищение, восторг, угроза и т. д. Ситуативные функции обращения в изолированном положении находятся в прямой зависимости от коммуникативной цели высказывания.

Эмоционально-оценочный характер обращений позволяет им не только выполнять функции прагматического оператора, но и указывать на отношение адресанта к адресату. Обращения, обслуживающие семейный дискурс, репрезентируют оттенки оценочности: гипокористический оттенок, одобрение, неодобрение, ирония, жалость, нежность, презрение. Вокативы, применяемые в семейном дискурсе, не выражают фамильярность.

В семейном дискурсе используются также обращения, не наделенные эмоционально-оценочным характером. Такие обращения, не содержащие в себе ярко выраженной семантической оценки, составляют группу нейтральных обращений.

Обращение, как любой речевой акт, обладает таким важным свойством, как интенциональность.

1.4. Функции обращения в речевом акте

Обращения занимают в речевом акте важное место, выполняя в речевом общении коммуникантов самые разнообразные коммуникативные функции, в зависимости от типа общения. Функция обращения в речевом акте зависит от нескольких факторов:

1) от иллокутивной силы (коммуникативной направленности) обращения, от которого напрямую зависит то, каким образом обращение будет воспринято;

2) от интенциональности (т.е. направленности действия на объект) высказывания.

Среди множества функций, выполняемых обращениями (вокативами) в процессе речевого общения, традиционно выделяют основные и дополнительные (второстепенные или ситуативные) функции. К основным относятся следующие функции: вокативная, характеризующая и социально-регулятивная.

Основной коммуникативной функцией обращения в семейном дискурсе является вокативная функция. Вокативная функция, или функция привлечения внимания коммуниканта с целью дальнейшего установления контакта с ним, получила, по мнению большинства исследователей теории речевого акта, наибольшее распространение в семейном дискурсе.

Обращение в вокативной функции в той или иной форме (в зависимости от ситуации) называет того, кому направляются дальнейшие коммуникативные действия, «выделяет адресата из среды «третьих лиц», заставляет его воспринимать направленную речь, подключать всевозможные способы ее восприятия, обработки и параллельно формировать ответную реакцию» [Рыжова 1982, с. 9]. Обращения в семейном дискурсе, как правило, представлены терминами родства и

свойства, антропонимами (личными именами), андронимами (именованиями жены по имени супруга), зооморфизмами, фитоморфизмами, названиями небесных светил, различных сладостей, драгоценных камней и металлов.

Второе место по значимости занимает характеризующая функция вокативов, которая информативно более насыщена чем вокативная, поскольку сочетает то или иное название адресата (коммуниканта) и его оценочную характеристику, выражающую субъективное отношение адресанта. С этой целью в составе обращения используются оценочные прилагательные, которые репрезентируют эмоциональное отношение к адресату речи, что делает общение коммуникантов выразительной и эмоционально насыщенной.

Эмоционально-оценочный характер обращений позволяет им не только выполнять функции прагматического оператора, но и указывать на отношение адресанта к адресату. Обращения, обслуживающие семейный дискурс, репрезентируют следующие оттенки оценочности: гипокористический оттенок, одобрение, неодобрение, иронию, жалость, нежность, презрение. Вокативы, применяемые в семейном дискурсе, как правило, не выражают фамильярность.

В семейном дискурсе используются также обращения, не наделенные эмоционально-оценочным характером. Такие обращения, не содержащие в себе ярко выраженной семантической оценки, составляют группу нейтральных обращений.

Обращение, как любой речевой акт, обладает таким важным свойством, как интенциональность, то есть, как указывает М. М. Бахтин, отбор адресантом всех языковых средств при порождении высказывания производится под большим или меньшим влиянием адресата и его предвосхищаемой ответной реакции [Бахтин 1979, с. 280]. Интенциональная структура высказывания

представляет собой весьма сложное явление и тесно связана с реализацией целого ряда функций языковых единиц. Удельный вес функций заметно разнится, когда речь идет об обращениях семейного дискурса.

Третье место в семейном дискурсе занимает социально-регулятивная функция вокативов, которая носит заметно ограниченный характер. Данная функция применяется при необходимости указания на разницу в статусе, например, при обращении младших членов семьи к старшим, невестки к свекру или свекрови, жены к мужу.

Когда речь идет о семейном дискурсе, то имеется в виду не социальный статус, который зависит от места занимаемого человеком в социальной иерархии (структуре), а аксиологический статус, который зависит от ценностных ориентаций и установок человека. Таким образом, можно утверждать, что социально-регулятивная функция в семейном дискурсе устанавливает аксиологический статус и социальную дистанцию между адресантом и адресатом.

Социально-регулятивная функция в семейном дискурсе подтверждается использованием в общении терминов родства (мама, папа, доченька, сынок), способствующих установлению контакта и управлению уровнем отношений коммуникантов. В данном случае следует говорить об обращении как об индикаторе межличностных отношений [Рыжова 1982, с. 3], обозначающем типовое положение адресанта и адресата относительно друг друга и социальной группы в целом.

Не только эти три основные функции используются в семейном дискурсе, но и целый ряд следующих дополнительных (или ситуативных) функций обращения, такие как: упрек, удивление, восхищение, восторг, угрозу и т.д. Ситуативные функции обращения в изолированном положении находятся в прямой зависимости от коммуникативной цели высказывания.

В.В. Звягинцева выделяет также «следующие дополнительные функции обращения:

1) инференционное прогнозирование высказывания (в случае, если в высказывании обращение находится в начальной позиции);

2) усиление иллокутивной силы высказывания (в случае ее совпадения с интенцией обращения);

3) ввод имплицитного значения (в случае несовпадения иллокутивной силы высказывания с интенцией).

В изолированном положении обращение может самостоятельно реализовывать ситуативные функции (упрек, восхищение, угрозу и т.д.), отражая коммуникативную цель высказывания» [Звягинцева 2011, с. 10].

Реализация интенции говорящего неизменно предполагает определенную модель его отношения к своему собеседнику. Она зависит от исходной установки говорящего, от степени его близости с адресатом, от отношений между коммуникантами семейного дискурса, которые могут быть как нейтральными, так и сугубо мотивированными. Это дает возможность говорить о наличии эмоционально-оценочного характера обращения и о его характеризующей функции в речи.

Эмоционально-оценочный характер обращений наиболее отчетливо проявляется в категории гипокористических обращений, которые широко функционируют в русском семейном дискурсе и не получили распространения в семейном дискурсе всех нахских и дагестанских языков.

Российская традиция дискурсивного анализа, опираясь на богатую базу отечественной психолингвистики и текстологии, развивается по своему уникальному пути. В фокусе внимания российских исследователей все чаще оказываются институциональные и персональные типы общения, среди которых особое место занимает семейный дискурс как отражение базовых культурных

ценностей общества. В качестве самостоятельного объекта исследования семейный дискурс представляет собой сложное социолингвистическое явление, отражающее систему ценностей, традиций и ролевых установок конкретного лингвокультурного сообщества.

Исследование повседневного бытового разговора во внутрисемейных отношениях относится к одному из видов конверсационного анализа. Семейный дискурс представляет собой совокупность текстов, имеющих отношение к сфере семейных отношений. Семейный дискурс репрезентируется, как правило, через устную речь. Тема семейного дискурса всегда ограничена строгими рамками и не выходит за пределы семьи и семейных отношений.

Среди всех типов дискурсов, исследуемый в данной работе, семейный дискурс является наиболее приближенным к разговорной речи. Теоретический фундамент для изучения дискурса и его типологии заложен в трудах ведущих зарубежных и отечественных лингвистов (Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, В. З. Демьянков, Т. А. ван Дейк, Э. Бенвенист и др.).

Вопросы семейного дискурса как самостоятельного коммуникативного феномена, его ценностной и функциональной специфики, хорошо исследованы на материале индоевропейских языков.

Что касается исследуемых нахско-дагестанских языков, то, несмотря на богатую историю их изучения, семейный дискурс не выступал в качестве изолированного объекта комплексного лингвистического описания. Научные изыскания в этой области велись преимущественно в рамках смежных направлений таких как:

1. Исследование терминологии родства и лексики семейного быта: структурно-семантические особенности этих пластов лексики в нахских и дагестанских языках описаны в трудах кавказоведов: А.А. Абдуллаева [1985],

З.Г. Абдуллаева [1985], С.С. Агашириновой [1980], Б.М. Алиевой [2009], И.Ю. Алироева [1978], Л.М. Бахаевой [2009], К.И. Гаруновой [1985], С.М. Гасановой [1985], Н.С. Джидалаева [1984], З.М. Маллаевой [2018], Х.С. Арсакаевой [2024].

2. Изучение речевого этикета и паремиологии: специфика кавказского коммуникативного поведения, гендерно-маркированные речевые запреты (табуирование имен в семье), а также репрезентация семейных ценностей в пословицах и поговорках аварского, чеченского, ингушского, лезгинского, даргинского, лакского и табасаранского языков исследовались в работах Г.А. Гюльмагомедова [1998], Р. О. Муталова [2022], [2023], З. М. Маллаевой [2012], Х.С. Арсакаевой [2018], и др.

3. Грамматический и дискурсивно-прагматический аспекты: в последние годы появились статьи, посвященные эмоционально-стилистическим особенностям вокативных форм (обращений), побудительных конструкций и императива, которые непосредственно функционируют в живом семейном общении исследуемых этносов А.С. Казаковой [2017], Б.М. Алиевой [2009], З.З. Багамаевой [2021] и др.

Тем не менее, до настоящего времени отсутствует целостное системно-описательное исследование, в котором семейный дискурс в нахско-дагестанских языках (включая аварский, чеченский, лезгинский, даргинский, лакский и табасаранский) был бы представлен как интегральное коммуникативное пространство, объединяющее в себе этнокультурные, прагматические и структурно-грамматические характеристики.

В представленной работе впервые в кавказском языкознании осуществлено комплексное многоаспектное описание семейного дискурса на материале нахско-дагестанских языков как целостного лингвокультурного и прагматического феномена.

Систематизированы структурно-семантические, грамматические и прагматические характеристики внутрисемейного коммуникативного взаимодействия в исследуемой группе языков.

Выявлена и описана специфика речевого поведения членов кавказской семьи с учетом традиционных этнокультурных доминант (факторов гендерно-возрастной субординации, речевого этикета и обычаев избегания/табуирования).

Разработана комплексная модель анализа семейного дискурса, интегрирующая в себе лексико-семантический (термины родства, паремиология) и грамматический (вокативы, императивные конструкции) уровни.

Введен в научный оборот новый эмпирический материал – образцы живой разговорной речи, репрезентирующие естественное функционирование аварского, чеченского, лезгинского, даргинского, лакского и табасаранского языков в сфере семейного быта.

Впервые исследован семейный дискурс как особый тип персонального (лично-ориентированного) общения в нахско-дагестанских языках. Особое внимание уделено структурно-семантическим, прагматическим и лингвокультурным особенностям реализации семейного дискурса в исследуемых языках.

Выводы к I главе

1. Проблема уточнения понятия и термина «дискурс» – наиболее дискутируемая проблема прагмалингвистики, поэтому в данной главе предпринята попытка определиться с понятиями и терминами, используемыми в диссертационной работе.

Первоочередной задачей коммуникативной лингвистики является уточнение интерпретации дискурса в отношении к таким смежным терминам, как «текст», «речь», «монолог» и «диалог».

2. Междисциплинарный раздел лингвистики, изучающий дискурс – дискурсивный анализ (discourse analysis), основное внимание уделяет устной коммуникации. Причиной становления дисциплины «дискурсивный анализ», как одного из наиболее востребованных направлений современной лингвистики, является точка зрения большинства исследователей, согласно которой те или иные явления в языке можно полноценно изучать только с учетом всех их дискурсивных аспектов.

3. Современная лингвистика не располагает однозначной трактовкой термина «дискурс». Назовем основные подходы к определению термина «дискурс»:

1) коммуникативный (функциональный) подход, при котором дискурс трактуется как вербальное общение (беседа) двух или более коммуникантов;

2) структурно-синтаксический подход, который под дискурсом понимает сочетание двух и более предложений. Обязательным условием при этом является наличие смысловой связи между этими предложениями. Именно наличие этой связи и позволяет рассматривать микротекст как дискурс. В рамках структурно-синтаксического подхода дискурс рассматривается как некий фрагмент текста;

3) структурно-стилистический подход, который рассматривает дискурс как разговорную речь с высокой контекстностью и выраженными ассоциативными связями;

4) социально-прагматический подход, который изучает дискурс как текст вместе с ситуацией общения, с наличием побуждений или эмоциональных оценок, обладающих прагматической силой.

4. Семейный дискурс представляет собой совокупность текстов, имеющих отношение исключительно к сфере семейных отношений, и является наиболее приближенным к разговорной речи.

5. Для воздействия на адресата с целью привлечения внимания, установления контакта и т. д. используется языковая единица, которая называется «обращением». Обращение, выраженное одной и той же лексической единицей, в зависимости от той или иной тональности произнесения и конкретной речевой ситуации реализует различную семантическую оценочность. Иллокутивная сила таких обращений, как и их семантическая оценочность, проявляется в пейоративной, мелиоративной и нейтральной оценках.

6. В зависимости от ситуации обращения выполняют в речевом акте различные коммуникативные функции: вокативную, характеризующую, социально-регулятивную и множество дополнительных ситуативных функций.

7. Гипокористические обращения в целом не характерны для семейного дискурса исследуемых в диссертации нахских и дагестанских языков и занимают в семейном дискурсе незначительное место.

ГЛАВА II. ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ФУНКЦИИ ВОКАТИВОВ

Быт, общение и поведение людей в любом социуме регламентируется целым рядом институтов. Одним из древнейших институтов, на которых базируется общество, его высшей ценностью является семья. Как мы уже отмечали в нашей статье, «на особенности общения в семейном кругу оказывает влияние целый спектр факторов. Прежде всего, общение в семье зависит от черт характера членов семьи и сложившихся в семье взаимоотношений. Большое значение имеет и тот факт, при каких условиях происходит процесс коммуникации: общаются ли члены семьи без свидетелей – с глазу на глаз или на людях. Последний фактор играет особо важную роль при общении супругов между собой. Важность или значимость условий, при которых происходит общение, обусловлена, в том числе и тем фактом, что для носителей всех нахско-дагестанских языков не характерно публичное проявление чувств» [Хачукаева, Халидова 2018, с. 87–88].

2.1. Термины родства в функции средств адресации в семейном дискурсе

В отраслевой лексике всех исследуемых языков значительное место занимают термины родства, которые представлены двумя лексико-семантическими группами: терминами кровного родства и терминами приобретенного родства, или терминами свойства. Все они в той или иной степени активности применяются в качестве обращений.

Термины кровного родства представлены следующими лексемами:

чеч. *да, дада, дади*; инг. *да, даа, дади*; бацб. *дад*; авар. *дада*; дарг. *дудеш, ада*; лак. *бутта, буттей, мамма, маммей*; лезг. *дах, буба, агъа «отец»*; таб. *адаш, даши, авай, аба «отец», «папа»*;

чеч. *нана, нани*; инг. *нани, нана*; бацб. *нан*; авар. *баба*; дарг. *неш, аба, адай*; лак. *нину, баба, бава, бабей*; лезг. *бах, диде, дада*; таб. *дада, ана «мать, мама»*;

чеч. *кІант, воІ*; инг. *воІ*; бацб. *вохІ*; авар. *вас*; дарг. *урши*; лак. *оърчІ*; лезг. *хва*; таб. *бай «сын»*;

чеч. *йоІ*; инг. *йоІ*; бацб. *йохІ*; авар. *йас*; дарг. *рурси*; лак. *душ*; лезг. *руш*; таб. *риш «дочь»*;

чеч. *ваша*; инг. *воша*; бацб. *вашоІ*; авар. *вацц*; дарг. *узи*; лак. *уссу*; лезг. *стха*; таб. *гъардаш «брат»*;

чеч. *йиша*; инг. *йиша*; бацб. *йишо*; авар. *йацц*; дарг. *рузи*; лак. *ссу*; лезг. *вах*; таб. *арчи «сестра»*;

чеч. *деда, ненада, воккха дада*; инг. *дади, даъ-да, наъна-да, воккха саг*; бацб. *бабо*; авар. *кІудада, дахІадада, дади* (андалальский диал); дарг. *хала дудеш, хала ада, ттуттеи, хула атта* (хайд.), *хаттий* (ицар.), *халадатте* (чираг.); лак. *ттатта, буттал ппу, ниттил ппу, хъуна татта*; лезг. *бубо, вах*; таб. *аба, ахю аба, аххи авай «дедушка»*;

чеч. *баба, нана, денана, ненанана*; инг. *нани, даъ нана, наъна нана*; бацб. *къайнан*; авар. *кІодоэбел, кІодо, дахІабаба, бабу, кІудай эбел* (андалальский диал.), *аттаэбел* (андалальский диал); дарг. *ада, хала неш, хала аба*; лак. *аму, гъану, хъунна баба, буттал нину, ниттил нину*; лезг. *чІехи диде, баде*; таб. *баб, ахю баб, аххи баб «бабушка»*;

чеч. *ваша, деваша, ненаваша*; инг. *воти, даъ воша, наъна воша*; бацб. *бидзи, нанваи «дядя по матери», дадваи «дядя по отцу»*; авар. *дацци*; дарг. *адзи, адавдзи, дудешла узи, нешла узи*; лак. *буттауссу «дядя по*

отцу», *ниттиуссу* «дядя по матери», *мямма* (балх.); лезг. *дайи, халу* «дядя по матери», *ими, амле* «дядя по отцу»; таб. *ими, эм* «дядя по отцу», *халу* «дядя по матери»;

чеч. *деца, неца, дейиша, ненайиша*; инг. *наъци, даъ йиша*; бацб. *дадеш, нанеш*; авар. *ада, ункъачо*; дарг. *зизи; дудешла рузи, нешла рузи*; лак. *ниттилссу, бутталссу*; лезг. *хала, эме*; таб. *халай, эмей, бажы, хала* «тётя».

Термины приобретенного родства (иначе – термины свойства) представлены следующими лексемами:

чеч. *майра, мар*; инг. *мар*; бацб. *мар*; авар. *росс, бетIергъанчи*; дарг. *мургул* (муг.; хайд.), *муръул* (урах.), *мурул* (акуш.), *тIуб* (кубач.), *амарсар* (мекег., губд., мурег.), *адме* (чираг.), *адими* (урк., кубач.); лак. *лас*; лезг. *итим, гъувл*; таб. *жилир, жилур, жви* «муж», «супруг»;

чеч. *зуда, сте*; инг. *сесаг*; бацб. *пстIу*; авар. *лълъади, чIчIужу*; дарг. *хъунул* (акуш., урах., губд., мурег.), *хъхъунул* (нац., щук.) *хъулун* (хайд.), *хъхъаде* (чираг., амух.); лак. *щар, щарсса, кулпат*; лезг. *паб*; таб. *шив, хпир* «жена», «супруга».

Названия лиц по степени родства в качестве средств адресации широко распространены в семейном дискурсе. Обширные лексико-семантические группы терминов родства служат лексической базой для образования обращений.

Термины родства в речевом акте, называя того, к кому обращена речь, выполняют функцию установления или поддержания контакта с адресатом. Термины родства в качестве средств адресации служат своего рода сигналом о начале речевого акта.

2.1.1. Вокативы, актуализирующиеся в коммуникации супругов между собой

Сфера функционирования семейного дискурса ограничена рамками бытовой коммуникации, что предполагает исключительно общение между членами семьи, прежде всего – непосредственное общение супругов между собой. В общении супругов друг с другом употребление терминов чеч. *майра*, *мар*; инг. *мар*; бацб. *мар*; авар. *росс*, *бетIергъанчи*; дарг. *мургул* (муг.; хайд.), *муръул* (урах.), *мурул* (акуш.), *тIуб* (кубач.), *амарсар* (мекег., губд., мурег.), *адме* (чираг.), *адими* (урк., кубач.); лак. *лас*; лезг. *итим*, *гъувл*; таб. *жилир*, *жилур* «муж», «супруг» в вокативной функции достаточно ограничено. Как отмечает в этой связи Л.М. Бахаева, «в чеченском языке муж не называет жену по имени, а жена – мужа, его родных и близких. Это явление возникло ещё в период язычества и до сих пор бытует в языке. В общении при табуировании имён используют следующие правила: муж о жене – *зуда* (жена), *хIусамнана* (хозяйка дома). При разговоре с другими, имея в виду жену, – *чуърниг* (та, что в доме), *тхайниг* (наша), *сте* – (жена); жена о муже – *стаг* (человек, муж), *къонах* (мужчина), *хIусамда* (хозяин дома).

При общении о нём с другими: *чуърниг* (тот, что в доме), *тхайниг* (наш); *майра* (муж); *мар* (муж), *цIийнда* (хозяин дома); *берийнда* (отец детей)» [Бахаева 2009, с. 34].

Интересную ситуацию выявляет в кубачинском диалекте даргинского языка С.М. Гасанова, опираясь на информацию с.н.с. ИИЯЛ М. Маммаева: «Любопытно, что в кубачинском диалекте муж при обращении к жене, не называет ее по имени, а употребляет вокативное междометие *ай* “эй” в сочетании со словом *уссе* “девочка”, “девушка”: *ай*

уссе “эй, девочка”, “эй, девушка”. Жена обращается к мужу таким же сочетанием вокативного междометия *ай* “эй” и слова *гал* “мальчик”, “парень”: *ай, гал* “эй, мальчик”, “эй, парень”. Видимо, это отголоски магии имен. Возможно и такое предположение, по которому считалось грубостью называть жене и мужу друг друга по имени» [Гасанова 1985, с. 83].

В некоторых диалектах аварского языка также встречаются такие формулы обращения, с той только разницей, что вокативные междометия в аварском языке гендерно маркированы: *йо (йу)* «эй» по отношению к женщине и *ле* «эй» по отношению к мужчине. В некоторых говорах анцухского диалекта – одного из реликтовых диалектов аварского языка – термин «муж» обозначается лексемой *чи* «муж». В литературном языке данное слово означает «человек, мужчина» и не имеет значения «муж». Как отмечает К.И. Гарунова, «в отличие от литературного языка, где для понятий “муж” и “жена” имеются специальные термины *росс* “муж”, *лълъади* “жена”, в исследуемых говорах (южного наречия. – М. Х.) не существует специальных названий, а используются общие термины, обозначающие мужчину и женщину вообще: “муж” – *росс \\ бетIергъанчи* ... понятие “жена” выражается термином *чIчIужо*, множественное число образуется супплетивно – *рущIабал*» [Гарунова 1985, с. 28].

Известный американский ученый, этнограф, социолог и историк, создатель научной теории первобытного общества Льюис Морган внёс большой вклад в теорию социальной эволюции, науки о родстве и семье. Исследуя пути человеческого прогресса от дикости к цивилизации, Л. Морган установил, что важнейшие учреждения человечества, в том числе и семья, возникшая в древности, постепенно развились до периода цивилизации [Морган 2014].

Наиболее распространенное обращение жены к мужу в дагестанских языках – это междометие (часто) или личное имя (реже).

В диалектах даргинского языка для обозначения термина «муж» используются различные лексемы, но ни одна из них не применяется в вокативной функции. Наибольшее распространение по диалектам получил термин *мургул* «муж» и его фонетические варианты: *муръул* и *мурул*. Термин *субI* «муж» представлен только в хайдакском диалекте даргинского языка и встречается исключительно в фольклорных текстах. В кубачинском диалекте функционирует термин *тIуб* «муж», сфера применения которого ограничена словосочетанием *тIубла аба* «свекровь», букв. «мужа мама». В мекегинском, губденском и мурегинском диалектах употребляется термин *амарсар* «муж», в чирагском диалекте применяется термин *адме* «муж», «мужчина». Похожий термин представлен и в кубачинском диалекте *адими* «муж», «мужчина». Как указывает С.М. Гасанова, «термины *мургул* (*муръул*>*мурул*), *адме*, *адими*, *амарсар* служат для выражения двух понятий – “муж” и “мужчина”. А термин *субI* (>*гъуб*>*тIуб*) выражает только одно понятие “муж”. Передача одним термином двух понятий “жена” и “женщина”, так же как и двух понятий “муж” и “мужчина” отражает ранний период моногамии» [Гасанова 1985, с. 83–84].

Слово *лас* «муж» в лакском языке употребляется в вокативной функции, чаще в сочетании с притяжательным местоимением *ттул лас* «мой муж», *ттул ххирасса лас* «мой дорогой муж», *ттул абзизсса лас* «мой любимый (дорогой, милый) муж», *ттул дакIнилсса лас* «мой душевный муж» и т. д. Такие обращения в целом не характерны для других нахско-дагестанских языков.

В ряде языков нахско-дагестанской группы до сих пор сохранился обычай табуирования имен, чаще всего имен, обозначающих мужа и родственников мужа, вне зависимости от их возраста.

В лезгинском языке наиболее распространенным является обращение жены к мужу: *я да* «эй, парень», *я итим* «эй, мужчина». В некоторых говорах лезгинского языка встречается вокатив *кьери* «старик». Жена к мужу никогда не обратится словом *гъувл* «муж», на это употребление по сей день действует строгое табу.

Термин табасаранского языка *жилир* «муж» содержит в структуре (в ауслауте) переменный классно-числовой показатель *-р*, который репрезентирует класс человека в единственном числе.

Примечательно, что в ингушском языке функционирует термин *нейц*, обозначающий мужей всех женщин рода, который содержит отпечаток родовых отношений.

В чеченском языке термин *зуда* применяется как для обозначения жены (*xIapa сан зуда йу* «это моя жена – женщина (есть)»), так и женщины (*и зуда тхан тайпанан йу* «это женщина нашего рода»). Термин *сте* применяется для номинации «человек женского пола», репрезентирует значение «женщина», например: *сте xIума чохь Iен йеза* «женщина дома сидеть должна».

«В ингушском языке для обозначения жены имеются два термина – *сесаг* и *уст*. *Се* обозначает вообще женский пол, а *саг* – человека, и производится соединением этих двух основ: *се* + *саг* – человек женского пола.

Термин *уст* употребляется только для образования терминов родства по линии жены: *уст-нана* «теща», *уст-да* «тесть» и др.

В ингушском языке часто встречаются случаи употребления сложных терминов родства, где один из компонентов, обозначающий название животного, выступает в функции полового детерминатива, например: *кхалсаг*

/истий/ й-б – “женщина” (<кхал “кобыла” + саг “человек”, букв. “кобыла-человек”); дзудсаг “женщина” (<дзуд “сука” + саг “человек”, букв. “сука-человек”). Часть же термина родства се // сте – “жена”, “женский” одинаково обозначает пол как людей, так и животных: сесаг //сиесаг – букв. “женщина-человек”; се борз //сие борз – букв. “самка-волк”; се пхъагал – букв. “самка-заяц”; се Iасилг – букв. “самка-теленки”. ЦIен-нана /цIен ноаной/ й-б – букв. “хозяйка дома”. Это сложное существительное образовано соединением двух основ:

- 1) цIен – существительного единственного числа, родительного падежа (дома) и
- 2) нана – существительного единственного числа, именительного падежа (мать), т. е. “мать дома” [Оздоева 2016, с. 121].

В очерке «Ингуши» Н.Ф. Яковлев пишет по поводу ингушских терминов сесаг «жена, женщина-человек», кхалсаг «кобыла-человек»: «Можно предположить, что, по крайней мере, у скотоводов и охотников терминология родства и половая терминология домашних животных возникали и развивались, воздействуя одна на другую на определенной стадии развития общества и хозяйства. Анализ рассматриваемой сложно-составной терминологии выводит нас опять-таки за пределы общества с производственно-половыми подразделениями в эпоху дородовую, когда термины животных, позднее использованные в качестве половых определителей, первоначально имели значение лишь возрастных детерминативов и в этом смысле применялись к социальным категориям» [Яковлев 1925, с. 43].

В чеченском языке цIен-нана (мн. ч. цIийнан наной) «хозяйка дома» – сложное существительное, образованное соединением двух основ: 1) цIийнан – существительного единственного числа, родительного падежа «дома» и 2) нана – существительного единственного числа, именительного падежа «мать», т. е. «мать дома».

Традиционное обращение мужа к жене и жены к мужу в чеченском семейном дискурсе – это сочетание вокативного междометия *xIей, хезий хьуна* «эй, ты слышишь». Муж обращается к жене также, используя вокатив *зуда* «жена, женщина», например: *Зуда, хи дан суна!* «Жена (женщина), принеси мне воды!». Обращение может стоять не только в начале предложения, но и в конце: *Хи дан суна, зуда!* «Принеси мне воды, женщина (жена)!».

Жена также может обращаться к мужу, употребив обращение *стаг* «мужчина, человек», например: *Стаг, гIо де суна!* «Мужчина (человек), помоги мне!» или: *ГIо де суна, стаг!* «Помоги мне, мужчина (человек)!»

Такие обращения не характерны для дагестанских языков, исключение составляет лакский язык. Лакский речевой этикет допускает использование термина *щарсса* «жена», «супруга» в вокативной функции при обращении мужа к жене. При таком употреблении слово *щарсса* «жена», «супруга» стоит в форме устаревшего вокативного падежа – *щарссай*, например:

Щарссай, дачу шардай! «Жена, иди домой!».

Щарссай, диша столланий дукра! «Жена, положи на стол еду!».

Щарссай, ттун щин дула! «Жена, принеси мне воды!».

Обращение *щарссай* также может стоять не только в начале предложения, но и в конце, например:

Ттун щин ласила, щарссай! «Принеси мне воды, жена!».

Нанула, ттучIа щядикIу, щарссай. «Идем, присядь ко мне, жена!».

Ина шардай най дурав, щарссай? «Ты домой идешь, жена?».

В лакско-русском словаре И.Х. Абдуллаев приводит также диалектную форму данного слова – *щарссару*, вокативную форму

щарссаруй «женушка» – уменьшительно-ласкательное обращение мужа к жене [Абдуллаев 1925, с. 882].

В отличие от других дагестанских языков, в лакском речевом этикете жена также может обращаться к мужу, употребив обращение *лас* «муж», например:

Лас, инара дуллалисса даву къуртал да! «Муж, заверши начатую тобой работу!».

Лас, хIакъину жуба шаппай наниссару. «Муж, сегодня мы идем домой».

Ттул чIарав щяикIу, лас! «Рядом со мной сядь, муж!».

Довольно большой разброс в наименовании жены наблюдается по диалектам даргинского языка. В преобладающем большинстве диалектов (акуш., урах., губд., мурег.) функционирует термин *хьунул* «жена», в мекегинском диалекте – его фонетический вариант – *гьунул* «жена». В хайдакском диалекте представлен термин *хьулум* «жена», в нацинском диалекте – *хьхьунул* «жена». Различия в обозначении термина, как видим, незначительные, все они сводятся только к фонетическим особенностям. Исключение составляет чирагский диалект, в котором функционирует термин *хьхьаде* «жена», отличный от всех остальных диалектных вариантов даргинского языка. С.М. Гасанова связывает чирагский термин *хьхьаде* с аварским *лълъади* «жена» и «указывает на материальную общность ауслаутных элементов *-де* и *-ди*, в то время как анлаутный элемент *хьхь* (*хь*) имеет общность с тем же даргинским *хьхь* (*хь*): *хьхьунул* (<*хьунул*). Что касается согласных даргинского элемента *н* и собственно аварско-чирагского *ɖ*, то они имеют также общее происхождение *ɖ > н*. ... Сохранение элемента *ɖ* в составе чирагского термина является еще одним подтверждением былой языковой общности на определенном этапе

общедагестанского единства при неолите, о чем свидетельствуют археологические данные. Чирагский диалект, получивший обособленное развитие вдали от массивов других даргинских диалектов, сохранил этот термин в своем более изначальном виде» [Гасанова 1985, с. 82–83].

В лезгинском языке термин родства *наб* «жена» в качестве вокатива функционирует, как правило, в сочетании с вокативным междометием *я* «эй»: *я наб* «эй, жена». Следует отметить, что в лезгинском языке подобная форма обращения не носит грубый оттенок, как в русском. Это вполне доброжелательная, стилистически нейтральная форма обращения. Имеются и другие формы обращения, выбор которых зависит от ситуации, например: *я руш* «эй, девушка», как правило, в присутствии посторонних людей; *я джан* «душа моя», *я рикI* «сердце мое» в присутствии очень близких людей, чаще – в отсутствии свидетелей.

В табасаранском языке термин *хпир* «жена», также как и термин *жилир* «муж», имеет в ауслауте показатель грамматического класса человека *-р*. Как и в большинстве нахско-дагестанских языков слово *хпир* в табасаранском языке имеет значение не только «жена», но и «женщина». Традиционное обращение мужа к жене – это сочетание вокативного междометия *я* «эй» и слова *риш* «девочка»: *я риш* «эй, девочка».

Термин родства *жена* в качестве вокатива в семейном дискурсе наибольшее распространение получил в лакском языке. Слово *щарсса* «жена» употребляется в форме вокатива *щарссей*. Это привычное для носителей лакского языка обращение мужа к жене.

Можно сказать, что особенностью лакского языка является употребление такого обращения к супруге, как *ххирей* «дорогая», «любимая» в присутствии посторонних. В остальных нахско-дагестанских

языках для обращения к жене предпочтительны вокативные междометия, реже – имена собственные.

В аварском языке, как отмечает Г.К. Казиев, для обозначения понятия «жена» «есть два синонимичных слова: *лълъади* и *чІчІужу*, первое из них является термином литературного языка, а второе с тем же значением выступает в селениях Казбековского и Буйнакского районов. Слово *чІчІужу* многозначно: женщина – *цo чІчІужу дандчІвана* “одна женщина встретила”, жена – *чІужу ячине* “женщину вести”, “жениться”. Добавлением заимствованного из арабского языка слова *гІада* “человек” образуется сложное слово *чІчІужугІада* “женщина”, букв. “женщина-человек”, обозначающее обобщенное понятие “женщина”: *лъаларей чІчІужугІада йигоан гъей* “незнакомой женщиной была она”. Этимология слов *лълъади* и *чІчІужу* видимо восходит к корням глаголов *йилъльине* “идти” и *чІчІезе* “стать, отдаться”.

Для образования второго слова возможен и другой путь: *чІчІезе* + *жо* – неопределенное указательное местоимение, употребляемое в разнообразных сочетаниях слов. В южном диалекте, например, в селениях тляртинского района женщину называют словом *цІцІуяй* “самка”. Трусливого мужчину в литературном языке также называют *цІцІуяв чи*, т.е. корень *цІцІу-* является более древним, поэтому можно предположить чередование *цІцІ-* и *чІчІ-* в слове *чІчІужу* [Казиев 1985, с. 33–34].

Использование терминов родства в коммуникации супругов в преобладающем большинстве рассматриваемых языков носит достаточно редкий характер.

2.1.2. Вокативы, функционирующие в общении детей и родителей

Обращения детей к родителям и родителей к детям в каждом этносе строго регламентированы. Употребление тех или иных вокативов может отличаться также в разных селах одного и того же этноса.

2.1.2.1. Вокативы, используемые детьми при обращении к родителям

Обращения детей к своим родителям выявляют заметные различия в зависимости от возраста детей. Взрослые дети и дети младшего возраста употребляют различные вокативы. Различаются также вокативы в семейном общении в разных этнических культурах.

В дискурсе родителей и детей в функции вокативов преобладают следующие термины родства: чеч.: *да, дада*; инг.: *да, даа, дади*; бацб.: *дад* «отец», «папа»; авар.: *дада* (диал. сев. наречия; карاخ. рис.; анц. том. бухн., анцр.); *инссо, энссо* (гид.); *диде* (анц. таш.), *дади* (андал. согр., бухт., шул.); *атта* (андал. шанг.), *деде* (анц. чад.; закат.) «папа»; дарг.: *дудеш, атта* (хайд.), *туттеш* (цудах.), *татте* (чираг.), *адай* (мегеб.), *адзи, ада* (урах.), *ттатти* (ицар.) «папа», «отец»; лак.: *пну* «отец», *бутта, буттей* «папа»; *мамма, маммей* «папа, дедушка»; лезг.: *дах* «отец», *буба* «папа», «отец», *агъа* «отец»; таб.: *адаш* «отец», *даши* «отец», «папа», *гага, авай, аба* «папа».

В нахско-дагестанских языках в терминах родства, обозначающих понятия «отец» и «мать», представлены многочисленные диалектные формы. В диалектах табасаранского языка функционирует большое

количество лексем, репрезентирующих понятие «отец», «папа»: *адаш*, *авай*, *аба*, *къадаш*, *даши*, *даха*, *гага*, *гагай*, *гагар*. Все эти лексемы употребляются в вокативной функции.

Термин *аба* «папа», «отец» в табасаранском языке выражает также значение «дед», «дедушка», как и в лакском *мамма*, *маммей* «папа, дедушка». При употреблении вокатива *аба* для обращения к дедушке, как правило, употребляют в препозиции прилагательное *аьхю* «старший», «большой», например: *аьхю аба* «дедушка», букв. «большой папа». Примечательно, что термин *аба* может применяться в вокативной функции вместо имени собственного в случаях, когда внуку дают имя покойного деда.

Лексему *гагай* «папа», «отец» табасаранский язык заимствовал из азербайджанского языка. Как полагают К.С. Кадыраджиев и К.К. Вазирова, «тюркское происхождение данной основы подтверждается и туркменскими параллелями: *кака* → *какай* “отец”. Производность туркменской основы подчеркивается не только собственно туркменским термином *кака* “отец”, но и ногайским *каькам* \ *каькаьм* “отец”, являющимся мягкорядным вариантом исходного *какам*. В современном цахурском языке представлен вариант *гыгый* “отец”, который отличается от табасаранского своим вокализмом» [Кадыраджиев, Вазирова 1985, с. 163].

Лексема *эмен* «отец» в закатальском диалекте аварского языка, как отмечает П.А. Саидова, «несет несколько иную семантическую нагрузку, обозначая понятие “отчим” [Саидова 1985, с. 7]. По говорам и диалектам аварского языка обращения к отцу достаточно разнообразны. В андалальском диалекте аварского языка аналогичную вокативную функцию выполняют лексемы *дади* (согратлинский и бухтинский говоры),

атта (шангодинский говор). Лексема *дади* в шангодинском говоре означает «дедушка».

Больше всего различий в названии отца наблюдаются в диалектах и говорах даргинского языка. В акушинском диалекте даргинского языка употребляется вокатив *дудеш* «папа», в цудахарском диалекте – его фонетический вариант *туттеш*, в кубачинском и хайдакском диалектах – вокатив *атта*. В нацинском и урганинском говорах в анлауте наращивается *т-*, например: *татта* «отец, папа». В чирагском диалекте даргинского языка представлен его фонетический вариант *татте*, в ицаринском диалекте – *ттатти*. В мегебском диалекте даргинского языка при обращении к отцу применяется вокатив *адай* «папа», «отец», в урахинском – *адзи*, *ада* «папа», «отец» [см. также: Гасанова 1985, с. 72].

В кюринском наречии лезгинского языка, преимущественно в речи маленьких детей функционирует форма *дах-ка* «папочка».

Многообразны также обращения детей к матери: чеч.: *нана*, *нани*; инг.: *нани*, *нана*; бацб.: *нан*; авар.: *эбел* (андал. салт., куяд.; анц. чад., тлян.), *ибел* (карах., в-карах.); *эбе* (гамс., кахиб., келеб.), *баба* (диал. сев. наречия, анц. чад.; н.-карах.), *буба* (анц. таш., бухн., анцр.), *бабу* (андал. бухт., сугр., шул.); дарг.: *неш*, *аба*, *баба*, *адай*; лак.: *нину*, *баба*, *бава*, *бабей*, *дада*, *дадей*, *ажа* (арак.); лезг.: *бах*, *диде*, *дада*; таб.: *дада*, *ана* «мать, мама». Термин *адай* в урахинском диалекте даргинского языка означает «мама», а в мегебском диалекте – «папа».

В говорах андалальского диалекта аварского языка имеет место употребление суффикса *-ка* в сочетании с термином *эбел* «мама» в вокативной функции, например: *эбел-ка* «мамочка», иногда наблюдается выпадение ауслатного согласного *-л*: *эбе-ка* «мамочка», «мамуля».

Примечательно, что одна и та же лексема *адай* в урахинском диалекте даргинского языка означает «мама», а в мегебском диалекте – «*nana*».

В аварском языке вокатив *эбел* употребляется параллельно с вокативами *баба, бабу, буба, ибел*. В обращениях маленьких детей можно встретить сокращенную форму с выпадением ауслаутного согласного *-л* – *эбе*. В последнее время исключительно среди городского населения употребляются ласковые формы *эбел-ка* и *эбе-ка* «мамочка», полученные путем сочетания основы слова *эбе(л)* с деминутивным суффиксом русского языка *-ка*.

Как указывает И.Х. Абдуллаев в «Лакско-русском словаре» [2018] лексема *бава* «мать», «мама», «мамаша» в лакском языке носит диалектный характер, но данная лексема часто встречается и в литературном языке. Сочетание вокатива *бава* с собственным именем приобретает ласково-уважительное значение «матушка», например: *Аьйша-бава* «матушка Айша», *Аминат-бава* «матушка Аминат», *Разият-бава* «матушка Разият». Вокатив *бава* может употребляться и в значении «бабушка», «бабуля», но гораздо реже, чем, например, лексема *дада* «мама», которая часто употребляется при обращении к бабушке. Лексема *бава* «мама» чаще используется в функции обращения к бабушке в форме сочетания *хъунна бава* «бабушка (букв. «большая мама»))».

В лакском языке имеются и другие лексемы с семантикой «бабушка» – литературные *аму* и *ада*, диалектные *гъану* (кулинск.) и *амIа* (вицхинск.), все они употребляются и в вокативной функции. Употребление лексемы *нину* «мать», «мама» в вокативной функции крайне ограничено и имеет место только в стилистически маркированном тексте для придания ситуации некой театральности, для возвышенного стиля.

В аракульском диалекте (говоре. – М. Х.) лакского языка функционирует лексема *ажса* «мать», «мама» – по всей видимости, заимствование из кумыкского языка. В сочетании с определением *хъун* «большой» образуется

лакско-кумыкская композита *хъунажа* «бабушка», букв. «большая мама» [Хайдаков 1966, с. 20].

Термины родства, употребленные в вокативной функции в начале предложения, как правило, сопровождаются во всех дагестанских языках заимствованным из арабского языка вокативным междометием *я* (в арабском языке оно квалифицируется как «частица привлечения внимания»), например:

таб. *Я дада, бицIидариз тув ипIруб.* букв. «**Мама**, накорми детей (букв. «детям дай съестное»))».

таб. *Я адаш, гъарах ипIруб ипIуз.* «**Папа**, иди кушать (букв. «еду есть»))».

Для придания вокативу – термину родства мелиоративного оттенка в табасаранском языке прибавляется компонент *джан* букв. «душа», например:

таб. *Джан адаш, гъарах ипIруб ипIуз.* «**Дорогой папа** (или **папочка**), иди кушать (букв. «еду есть»))».

Более распространенной является обращение:

Джан адаш, алахъ уъл дупIуз. «**Дорогой папа**, садись кушать хлеб (еду))». Данное обращение носит более мягкий, можно сказать «более теплый» характер, поэтому оно более предпочтительно в семейном дискурсе. словосочетание *уъл дупIуз* «хлеб поесть» используются вместе как устойчивое выражение для приема пищи.

таб. *Джан дада, бицIидариз тув ипIруб.* букв. «**Мамочка** (или **дорогая мама**) (букв. Душа мама), накорми детей (букв. «детям дай съестное»))».

Более естественной и распространенной является форма обращения:

«Джан дада, бицІидариз уъл тув». «Мамочка (или дорогая мама) (букв. Душа мама), дай детям поестъ (хлеба)».

таб. *Я джан дада, бицІидариз тув ипІруб.* букв. «Мамочка (или дорогая мама) (букв. О, душа мама), детям дай съестное».

«Дорогой папа, садись кушать хлеб (еду)».

таб. *Я джан адаш, алахъ уъл дупІуз.* «Дорогой папа (или папочка), садись кушать хлеб (еду)».

В лезгинском языке также лексема *ччан* «душа» десемантизируется в функции обращения, придавая сопутствующему термину родства мелиоративный оттенок, например: *ччан бах* или *ччан диде* «дорогая мама», «мамочка»; *ччан дах* или *ччан буба* «дорогой папа», «папочка», например: лезг.

лезг. *Ччан бах, чаз са махъар акъвай.*

«Дорогая мамочка, расскажи нам сказку».

лезг. *Я бах, чаз са махъар акъвай.*

«Мама, расскажи нам сказку».

лезг. *Дах, ща чахъгалаз къучейриз.*

«Папа, идем с нами гулять».

лезг. *Ччан дах, ша чахъгалаз къуъчейриз.*

«Дорогой папочка, идем с нами гулять».

лезг. *Ччан руш, заз са истмкан яд це.*

«Доченька, принеси мне стакан воды».

лезг. *Я руш, заз килиг.*

«Дочь (эй дочь), послушай меня».

лезг. *Ччан хъва, вуна вин тарсар гъазура.*

«Сынок, сделай, пожалуйста, свои уроки».

лезг. *Я хъва, вуна вин тарсар гъазура.*

«Сын, сделай, пожалуйста, свои уроки».

В последнем примере содержится семантика упрека:

«Сын, когда же ты, наконец, уроки сделаешь?».

В отличие от южных дагестанских языков несколько иная ситуация наблюдается в северных языках: аварском, лакском и даргинском. В этих языках нет такого вокативного междометия, как лезг. *ччан*, таб. *джан*. Это, вероятно связано с тем, что эти языки не контактируют с языком-донором, где есть это слово *джан*//*ччан*. Эти междометия в какой-то мере компенсирует отсутствие уменьшительно-ласкательных суффиксов, которые так необходимы при реализации языком вокативной функции.

Языки центрального и северного Дагестана, в отличие от языков южного Дагестана, довольно скупы на проявление нежности и многословия в общении. Многочисленные формулы вежливости, представленные в речевом этикете языков лезгинской группы, проникли в данные языки из соседнего азербайджанского языка. Под влиянием Азербайджана в эти языки вошло восточное сладкоречие, в целом не характерное для центрального и северного Дагестана. Восточное многословие и сладкоречие отразилось, в том числе и на вербальных формах проявления вежливости – формулах речевого этикета.

Исследуя этнолингвистическое многообразие как феномен Дагестана, З.М. Маллаева пишет: «Хотя Восток и восточные культуры имели большое влияние на дагестанские народы, восточное многословие (сладкоречие) дагестанская культура так и не приняла. Более того, горский этикет близок законам жизни древних спартанцев. Пожалуй, только на юге Дагестана получило распространение традиционное восточное сладкоречие, очевидно, под влиянием соседнего Азербайджана» [Маллаева 2015, с. 34].

Чтобы «смягчить» просьбу, что идеально достигается употреблением деминутивных суффиксов, каждый язык находит свои внутренние ресурсы. Так, например, в даргинском языке в препозиции к вокативам-терминам родства прибавляется определение *axIepci* «дорогой», «дорогая»:

дарг. *ДурхІни бахен, неш / Неш, дурхІни бахен*. «Накорми детей, мама».

ДурхІни бахен, axIepci неш. «Накорми детей, дорогая мама (мамочка)».

Дудеш, ваши укес. «Папа, иди кушать».

AxIepci дудеш, ваши укес. «Дорогой папа (папочка), иди кушать».

В чеченском языке, чтобы смягчить просьбу, перед вокативом ставится определение *сан дика* «моя хорошая», «мой хороший», например:

Бераш дузде, нана! «Накорми детей, мама».

Бераш дузде, сан хьоме нана! «Накорми детей, моя дорогая мама (мамочка)!».

Дада, xIума йаа схъавола! «Папа, иди кушать!».

Сан хьоме дада (да), xIума йаа схъавола! «Дорогой папа (папочка), иди кушать».

В лакском языке фразы «Папа, иди кушать» и «Дорогой папа (папочка), иди кушать» будут звучать одинаково: *Мяммай, ачу за дуکان*.

Иногда для «смягчения» просьбы к финитной форме глагола прибавляется формант *-ла*, например:

ОьчІан дукра дула, дадай. «Накорми детей, мама» (букв. «Детям еду дай, мама»).

ОьрчІан дукра дулала, дадай. «Накорми-ка детей, мама» (букв. «Детям еду дай-ка, мама»).

В аварском языке аналогичную функцию выполняет частица *-ха*, присоединяемая к финитной форме глагола, например:

Лъималазе квен кье, баба. «Накорми детей, мама» (букв. «Детям еду дай, мама»).

Лъималазе квен кьеха, баба. «Накорми же детей, мама» (букв. «Детям еду дай-ка, мама»).

Кваназе вачІа, дада. «Папа, иди кушать».

Кваназе вачІахха, дада. «Папа (папочка), иди кушать».

Частицу *-хха* З.М. Маллаева характеризует как «наиболее распространенную в аварском языке, особенно в разговорной речи. Частица *-хха* имеет самые разные значения в зависимости от того: 1) к какому члену предложения она присоединяется; 2) в предложении какого коммуникативного типа функционирует; 3) большое значение имеет также интонация предложения. Приглагольная частица *-хха* в побудительном предложении может передавать семантику побуждения, совета, смягченного требования» [Маллаева 2002, с. 78].

Отсутствие терминов родства – деминутивов нахско-дагестанские языки компенсируют отчасти использованием модальных частиц.

Термины родства с уменьшительно-ласкательными суффиксами, типа рус. *мамочка, мамуля, папочка, папуля* и т. д. составляют разряд мелиоративно-коннотативной лексики. Такая лексика используется в семейном дискурсе с целью создания комфортных условий речевого общения, для поддержания позитивного контакта. Кроме того, мелиоративно-коннотативная лексика придает речи эстетические качества.

Исследуя лексику родства в ингушском языке, Э. Г. Оздоева отмечает, что «на всей территории Ингушетии, кроме референтивного термина *нана* “мать”, используются термины *нана*, *мама*, *нани*. Так же обращаются к бабушке и свекрови. Полевой материал показал, что на территории республики, в частности, в некоторых горных селах для ласкового обращения к матери используется слово *аии*. Но в большинстве случаев эта лексема употребляется в детской речи как почтительное наименование бабушки» [Оздоева 2007, с.7].

В нахских языках, в отличие от дагестанских (в которых представлены достаточно разнородные термины), сохранились сходные формы, обозначающие понятие «мама»: чеч. *нана*, *нани*; инг. *нани*, *нана*; бацб. *нан*.

2.1.2.2. Вокативы, применяемые родителями при обращении к детям

В разных культурах, в разных этносах используются различные термины родства в качестве обращений к детям. Различаются также обращения родителей к своим детям в зависимости от их возраста и пола.

В обращениях родителей к детям функционируют следующие термины родства:

чеч. *кІант*, *воІ* (*воІ* – это устаревший вариант, его употребление крайне ограничено) «сын»; *йоІ* «дочь»;

инг. *воІ* «сын»; *йоІ* «дочь»;

бацб. *вохІ*, *кІант* «сын»; *йохІ* «дочь»;

авар. *вас*, *васав* «сын»; *яс*, *ясай* «дочь»;

лак. *арс*, *оьрчІ* «сын»; *душ* «дочь»;

дарг. *урши*, *дурхІаІ*, *гале* «сын»; *рурси*, *гисси* (хайд. диал.) «дочь»;

лезг. *гада*, *хва* «сын»; *руш* «дочь»;

таб. *бай* «сын»; *риш* «дочь».

Употребление данных терминов родства в вокативной функции имеет свои характерные особенности. Как правило, они сопровождаются вокативными междометиями, прилагательными качественной характеристики лица или притяжательными местоимениями, а также сочетаниями и тех и других, которые усиливают интенсивность побуждения или носят мелиоративный характер.

В лезгинском и табасаранском языках к ним прибавляется еще вокативное междометие лезг. *ччан*, таб. *джан* и вокативное междометие *я* «эй», например: лезг. *я, руш* «эй, дочка», *я, ччан руш* «доченька» (букв. «эй, душа дочка»); таб. *я, риш* «эй, дочка», *я, джан риш* «доченька» (букв. «эй, душа дочка») и т. д. В других дагестанских языках такие обращения не встречаются. Для наглядного сравнения вокативов, используемых родителями в нахско-дагестанских языках при обращении к детям в различных ситуациях, мы привели одни и те же примеры.

В чеченском языке терминам родства *кIант* «сын» и *йоI* «дочь», употребленным в вокативной функции, как правило, предшествуют притяжательное местоимение *сан* «мой», «моя», например:

Иадйита, сан кIант, и вон амал! «Оставь, **сынок** (букв. «**мой сын**»), это дурное поведение!».

Къамел ма де, сан кIант, урокехь! «Не разговаривай, **сынок** (букв. «**мой сын**»), на уроке».

ДIайаха, сан йоI, пхъегIаш стоъла тIера! «Убери, **доченька** (букв. «**моя дочь**»), посуду со стола!».

Карлайаха, сан йоI, хъайн урокаш! «Повтори, **доченька** (букв. «**моя дочь**»), свои уроки!».

Кроме притяжательных местоимений, к терминам родства *кІант* «сын» и *йоІ* «дочь», употребленным в вокативной функции, присоединяются прилагательные *дика* «хорошая», «хороший»; *хьоме* «дорогая», «дорогой»: *сан дика йоІ* «моя хорошая дочь»; *сан хьоме йоІ* «моя дорогая дочь»; *сан дика кІант* «мой хороший сын»; *сан хьоме кІант* «мой дорогой сын» и т. д.

В аварском языке термины родства *вас* «сын» и *йас* «дочь» в вокативной функции чаще всего функционируют с притяжательным местоимением *дир* «мой», «моя»: *дир вас* «мой сын», *дир йас* «моя дочь», например:

Те, дир вас, гьѣб квешаб гІамал! «Оставь, **сынок** (букв. «**мой сын**»), это дурное поведение».

Гаргадуге, дир вас, дарсида! «Не разговаривай, **сынок** (букв. «**мой сын**»), на уроке».

Нахъе босе, дир йас, цІарагІ столалдасса! «Убери, **доченька** (букв. «**моя дочь**»), посуду со стола».

Такрар гьаре, дир йас, дурго дарсал! «Повтори **доченька**, (букв. «**моя дочь**»), свои уроки!».

Поскольку все эти обращения к сыну или дочери носят характер назиданий, нравоучений, требований, частично и упрека, т. е. в целом имеют негативный характер, то употребление притяжательного местоимения в сочетании с вокативами несколько смягчает негативный оттенок.

Притяжательные местоимения в сочетании с прилагательными качественной характеристики лица (*берцинай* «красивая», *лълъикІай* «хорошая», *цІцІодорай* «умная», *лебалав* «храбрый», *цІцІодорав* «умный»,

лълъикIав «хороший» и др.) в препозиции к вокативам *вас* «сын» и *йас* «дочь» придают обращениям мелиоративный оттенок, например:

Нахъе босе, дир берцинай йас, цIарагI столалдасса! «Убери, доченька (букв. «моя красивая дочь»), посуду со стола».

Такрар гъаре, дир цIцIодорай йас, дурго дарсал! «Повтори, моя умница (букв. «моя умная дочь»), свои уроки!».

Те, дир лълъикIав вас гъеб квешаб гIамал. «Оставь, сынок (букв. «мой хороший сын»), это дурное поведение».

Гаргадуге, дир цIцIодорав вас, дарсида. «Не разговаривай, мой умница (букв. «мой умный сын»), на уроке».

В лакском языке термины родства *арс*, *оьрчI* «сын» и *душ* «дочь» в вокативной функции также, как правило, сопровождаются притяжательным местоимением *ттул* «мой», «моя»: *ттул оьрчI* «мой сын», *ттул душ* «моя дочь», например:

Къарити, ттул арс, му тIул дакъасса санят! «Оставь, сынок (букв. «мой сын»), это дурное поведение!».

Гъалгъа матIра, ттул арс, дарсирай! «Не разговаривай, сынок (букв. «мой сын»), на уроке!».

Дукъа, ттул душ, столлания тIахIни-кIичIу! «Убери, доченька (букв. «моя дочь»), посуду со стола!».

Такрал дува, ттул душ, вилла дарсру! «Повтори, доченька (букв. «моя дочь»), свои уроки!».

Для придания таким обращениям мелиоративного оттенка к вокативам добавляются еще и прилагательные качественной характеристики лица: *ххуйсса* «хорошая», *ялаххуймур* «красивая», *аькълу бусса* «умный», *виричусса* «храбрый», *ххирасса* «любимая», *ххирамур* «дорогой», например:

Дукъа, *ттул ххуй душ*, *столлания тIахIни-кIичIу!* «Убери, доченька (букв. «**моя красивая дочь**»)), посуду со стола!».

Тикрал дува, *ттул абьлукар душ*, *вилла дарсру*. «Повтори, **моя умница** (букв. «**моя умная дочь**»)), свои уроки!».

Къарити, *ттул ххуй оьрчI*, *му тIул дакъасса санят!* «Оставь, **сынок** (букв. «**мой хороший сын**»)), это дурное поведение!».

Гъалгъа *матIурда*, *ттул абьлубу оьрчI*, *дарсирай!* «Не разговаривай, мой **умница** (букв. «**мой умный сын**»)), на уроке!».

В даргинском языке термины родства *урши* «сын» и *рурси* «дочь» в вокативной функции, как правило, употребляются в сочетании с притяжательным местоимением *дила* «мой», «моя»: *дила рурси* «моя дочь», *дила урши* «мой сын», например:

Убасса, дила урши, *ил гIядат агарси тIабигIят!* «Оставь, **сынок** (букв. «**мой сын**»)), это дурное поведение!».

ГъаймайкIуд, дила урши, *дарсличи!* «Не разговаривай, **сынок** (букв. «**мой сын**»)), на уроке!».

Ураса, дила рурси, *къям-кIуцIул столличир!* «Убери, доченька (букв. «**моя дочь**»)), посуду со стола!».

Тикрардара, дила рурси, *хIела дурсри!* «Повтори, доченька (букв. «**моя дочь**»)), свои уроки!».

Качественные прилагательные *ахIерси* «дорогой», «дорогая», «родной», «родная», «любимый», «любимая», «милый», «милая», «ненаглядный», «ненаглядная», *жагаси* «красивый», «красивая», *гIяхIси* «хороший», «хорошая», *духуси* «умный», «умная» и др., добавленные к таким вокативам, придают им дополнительный мелиоративный оттенок, например:

Ураса, дила ахІерси рурси, къям-кІуцІул столличир! «Убери, доченька (букв. «моя красивая дочь»), посуду со стола!».

Тикрардара, дила духуси рурси, хІела дурсри! «Повтори, доченька (букв. «моя умная дочь»), свои уроки!».

Убасса, дила гІяхІси урши, ил гІядат агарси тІабІигІят!! «Оставь, сынок (букв. «мой хороший сын»), это дурное поведение!».

ГъаймайкІуд, дила духуси урши, дарсличи! «Не разговаривай, мой умница (букв. «мой умный сын»), на уроке!».

В лезгинском языке термины родства *хва* «сын» и *руш* «дочь» в вокативной функции имеют в препозиции притяжательное местоимение *зи* «мой», «моя»: *зи хва* «мой сын», *зи руш* «моя дочь», например:

Зи хва, жуван чІуру къиалихар тур! «Оставь сынок (букв. «мой сын») это дурное поведение».

Тарсара рахунар ийимир, зи хва! «Не разговаривай, сынок (букв. «мой сын»), на уроке»!

ЭкІя гъандилай къапар къахчу, зи руш! «Убери посуду со стола, доченька (букв. «моя дочь»))».

Тикрар ая жуван тарсар, зи руш! «Повтори свои уроки, доченька (букв. «моя дочь»))!».

За притяжательным местоимением *зи* в составе вокатива часто следует качественное прилагательное, например:

Зи иер руш, экІя гъандилай къапар къахчу! «Убери, доченька (букв. «моя красивая дочь»), посуду со стола»!

Тикрар ая, зи акъулла руш, экцван тарсар! «Повтори, доченька (букв. «моя умная дочь»), свои уроки!».

Жуван чІуру къилахар гадра, зи иер хва! «Оставь это дурное поведение, сынок (букв. «мой умный сын»))».

Тарсара рахунар ийимир, зи акьуллу хва! «Не разговаривай на уроке, мой умница (букв. «мой умный сын»)!»!

Зи акьуллу хва, жуван члуру гьерекабар акьвадра! «Оставь, сынок (букв. «мой умный сын»), это дурное поведение»!

В табасаранском языке термины *бай* «сын» и *риш* «дочь» в вокативной функции употребляются обычно с притяжательным местоимением *йиз* «мой», «моя» в препозиции: *йиз бай* «мой сын», *йиз риш* «моя дочь», например:

Му члуру гьиллихар гьит, йиз бай! «Оставь сынок (букв. «мой сын»), это дурное поведение».

Дарсариъ, йиз бай, гафар мапІан! «Не разговаривай, сынок (букв. «мой сын»), на уроке»!

Устлилан гьабар алдагъ, йиз риш! «Убери посуду со стола, доченька (букв. «моя дочь»)!».

Текрар апІин яв дарсар, йиз риш! «Повтори свои уроки, доченька (букв. «моя дочь»)!».

За притяжательным местоимением *йиз* «мой», «моя» в составе вокатива часто следуют качественные прилагательные, например:

Жан йиз уччвур риш, гьабар алдагъ устлилан! «Убери, доченька (букв. «моя красивая дочь»), посуду со стола»!

Жан йиз зигьим айи риш, яв (жвуван) дарсар текрар апІин! «Повтори, доченька (букв. «моя умная дочь»), свои уроки!».

Йиз ужур бай, гьит му члуру гьиллигъар! «Оставь, сынок (букв. «мой хороший сын»), это дурное поведение».

Жан йиз зигьим айи бай, гафар мапІан дарсариъ! «Не разговаривай, мой умница (букв. «мой умный сын»), на уроке»!

В аварском языке при обращении родителей к детям термины родства *вас* «сын» и *яс* «дочка» без сопровождающих слов практически не употребляются. Для оклика детей обычно применяются формы устаревшего вокативного падежа этих слов – *васав* и *ясай*.

В преобладающем большинстве нахско-дагестанских языков понятия «дочь» и «девочка», так же как понятия «сын» и «мальчик», передаются одной лексемой. Исключение составляют некоторые андийские языки, в которых понятия «дочь» и «девочка» дифференцированы. Так, в гакваринском диалекте чамалинского языка лексема *мачI* означает «дочь», а лексема *йагъ* – «девочка», «девушка». В гигатлинском диалекте чамалинского языка дочь – это *йаше*, так же как и в близкородственном тиндинском языке.

В качестве обращений к детям в дагестанских языках родители используют также ласковые обращения.

Чтобы передать более нежные отношения, применяют различного рода сочетания вокативов. Например, в табасаранском языке:

Я риш, йиз китаб ча!

«Дочка, принеси мою книгу!»

Джан риш, йиз китаб ча!

«Доченька, принеси мою книгу!»

Я бай, гьаму кагъаз урх!

«Сын, прочитай это письмо!»

Гьаму кагъаз урх, йиз бай!

«Прочитай это письмо, сыночек (букв. «мой сын»)!»

В лакском языке аналогичные обращения менее эмоциональны, например:

Душ, ттул лу ласи!

«Дочка, принеси мою книгу!»

Ттул лу ласила, ттул душ!

«Доченька, принеси-ка мою книгу!»

Арс, ва чагъар буккила!

«Сын, прочитай-ка это письмо!»

Ва чагъар буккила, мяммал (арс)!

«Прочитай-ка это письмо, сыночек (букв. «папин сын»)!»

В даргинском языке семантика и структура вокативных сочетаний почти такая же, например:

Рурси, дила жуз биха!

«Дочка, принеси мою книгу!»

Ва дила рурси, дила жуз биха!

«Дочка моя (доченька), принеси мою книгу!»

Урши, иш кагъар белчIен!

«Сын, прочитай-ка это письмо!»

Ва дила урши, иш кагъар белчIен!

«Прочитай это письмо, сыночек (букв. «эй, мой сын»)!»

В чеченском языке:

ЙоI, сан книга схъайан!

«Дочка, принеси мою книгу!»

Сан дика йоI, сан книга схъайан!

«Моя хорошая дочь (доченька), принеси мою книгу!»

Сан хаза йоI, сан книга схъайан!

«Моя красивая дочь (доченька), принеси мою книгу!»

КIант, дIадеша хIара кехат!

«Сын, прочитай-ка это письмо!»

Сан кIант, дIадеша хIара кехат!

«Прочитай это письмо, сыночек (букв. «мой сын»)!»

Аварские термины *вас* и *йас* различаются между собой только классными показателями: *в-* показатель первого (мужского) грамматического класса, *й-* показатель второго (женского) грамматического класса. В научной литературе существует мнение о том, что термины *вас* «сын», «мальчик» и *йас* «дочь», «девочка» произошли от одного общего термина [Панек 1954, с. 229]. Такую же структуру имеют и термины *вацц* «брат», *йацц* «сестра», которые различаются только классными показателями.

В чеченском языке *в-оI* «сын», *й-оI* «дочь», *в-аша* «брат», *й-иша* «сестра» также различаются только классными показателями: *в-* показатель первого (мужского) грамматического класса, *й-* показатель второго (женского) грамматического класса. Только анлаутными классными показателями различаются также термины родства *в-оI* «сын», «мальчик» и *й-оI* «дочь», «девочка», *ваша* «брат» и *йиша* «сестра». Генетически все перечисленные выше термины родства имеют единый источник.

Употребление терминов родства, обозначающих понятия «мать» и «отец» в качестве обращений, в речи молодого поколения дагестанцев, проживающих в городах, отличается от применения данных вокативов в речи сельского населения. Городские жители, особенно молодое поколение употребляют термины родства «мать» и «отец» в сочетании с деминутивным суффиксом *-ка*, заимствованным из русского языка, например: лак. *мяммей-ка* «папочка», *дадей-ка*, *бабей-ка* «мамочка»; лезг. *дах-ка* «папочка» и *бах-ка* «мамочка».

Анализ обращений, используемых детьми по отношению к родителям и родителями – к детям, позволяет сделать вывод о высокой эмоциональности дискурса родителей и детей.

Как отмечалось выше, в нахско-дагестанских языках не представлены словообразовательные средства, придающие коннотативную окраску стандартным обращениям, обслуживающим семейный дискурс. В лезгинском языке «единственный случай, когда используется уменьшительный суффикс, это обращение к маленькому ребенку, когда прилагательное *бицIи* «маленький» субстантивируется в существительное, и к его основе присоединяется уменьшительный суффикс *-(e)к* со значением «маленький»: *бицIек* – «малыш»» [Халимбекова 2012, с. 65].

В табасаранском языке от той же основы *бицIи* «маленький» присоединением уменьшительного суффикса *-хъ* образуется слово с уменьшительно-ласкательным значением *бицIи-хъ* «малыш», «малышок».

Аналогичное явление имеет место и в аварском языке: от прилагательного *гьитIинав* «маленький» посредством уменьшительного суффикса *-ч* образуется имя существительное *гьитIич* – «малыш», «малышок». Лакское *чIивитIуй* «малыш», «малышок» является производным от слова *чIиви* «маленький».

Следовательно, принцип образования данного термина во всех дагестанских языках один и тот же.

2.1.3. Вокативы, используемые в коммуникации детей между собой

При обращении старших братьев и сестер к младшим часто употребляются формы вокативов со значением «брат» и «сестра». Поскольку в исследуемых языках деминутивных и гипокористических

суффиксов практически нет, то ограничиваются кальками деминутивных и гипокористических суффиксов русского языка. Такие формы вокативов встречаются в дагестанских языках чаще, чем в нахских. Особенно сильное влияние русский язык оказывает на дагестанские языки, из-за их многочисленности и малого количества носителей некоторых языков. Поскольку общение между дагестанцами разных национальностей возможно только на русском языке, то они подвержены его влиянию. В этом отношении нахские языки, особенно чеченский, оказывается под меньшим влиянием русского языка. В связи с этим ни в чеченском, ни в ингушском языках, тем более в бацбийском, такие формы вокативов не представлены.

В нахско-дагестанских языках нет гипокористических обращений, таких как *доченька, дочурка, сыночек, сынуля* и т. п. От терминов родства с семантикой «сын» и «дочь» в нахско-дагестанских языках редко создаются уменьшительно-ласкательные формы. Поэтому, чтобы передать более нежные отношения, прибегают к различного рода сочетаниям вокативов.

В некоторых дагестанских семьях, живущих в городах, для придания соответствующим обращениям дополнительного вокативного веса и увеличения их иллокутивной силы употребляют заимствованный из русского языка уменьшительно-ласкательный суффикс *-ик*, например: авар. *вацц* «брат» – *вацц-ик* «братик», «братишка», *йацц* «сестра» – *йацц-ик* «сестренка», «сестричка».

В лакском и лезгинском языках в такой функции фигурирует тот же суффикс *-ка*, например: лак. *уссей* «брат» – *уссей-ка* «братик», «братишка»; лезг. *дах* «отец» – *дах-ка* «папочка», *бах* «мама» – *бах-ка*

«мамочка». Поэтому с помощью подобных форм вокативов формируются комфортные условия общения и поддерживают позитивный контакт.

В аварском языке существуют уменьшительно-ласкательные формы от слов *вацц* «брат» – *ваццако* «братик», «братишка», *йацц* «сестра» – *йаццако* «сестренка», «сестричка», которые являются исключением из общего правила.

В лезгинском языке при обращении младших по возрасту детей к старшим братьям и сестрам для выражения уважительного к ним отношения и подчеркивания их высокого статуса употребляются специфические сочетания, созданные по модели «личное имя + термины родства *бах* «мама» и *дах* «папа»: *Эминат-бах* «Эминат-мама», *Гюльнара-бах* «Гюльнара-мама», *Энвер-дах* «Энвер-папа», *Юсуф-дах* «Юсуф-папа» и т. д. Подобные вокативы демонстрируют вежливое, почтительное отношение младших членов семьи к старшим. Отчасти это свидетельствует и о высоком аксиологическом статусе матери и отца в системе семейных ценностей.

В остальных нахско-дагестанских языках такого рода вокативы не обнаружены. По всей вероятности, данные обращения возникли под воздействием азербайджанского языка, влиянию которого сильно подвержен лезгинский язык.

В нахских и дагестанских языках нет грубых обращений к родителям типа русских жаргонизмов: «пахан», «мамаша». Не употребляются также жаргонные слова для обращения к брату или сестре, типа русских жаргонизмов: «сеструха», «братан», «братуха» и т. д. Жаргонные слова в качестве обращений недопустимы во внутрисемейном общении, поскольку этническое сознание носителей нахско-дагестанских языков не допускает даже возможности их применения в семейном дискурсе.

Слова с низким вокативным потенциалом имеют ограниченные вокативные возможности. Однако каждый язык располагает рядом специальных «вокативизирующих средств», применение которых позволяет значительно расширить вокативные возможности лексем с низким вокативным потенциалом. Функцию вокативизирующих средств в нахско-дагестанских языках выполняют вокативные междометия, притяжательные местоимения, гораздо реже – деминутивный суффикс и политесные слова, типа: *дорогой, милая* и т. д.

Так, низкий вокативный потенциал терминов родства, обозначающих брата и сестру, в языках лезгинской группы повышается посредством употребления вокативного междометия *йа!* «эй!», например: лезг. *йа стха!*; таб. *йа чIве!*, *йа гъардаш!* «(эй) брат!»; лезг. *йа вах!*; таб. *йа арчи!* «(эй) сестра!».

Различные культуры располагают разным вокативным политесом. В процессе исторического развития обращения, обслуживавшие семейный дискурс, эту функцию могут утратить, а другие слова с течением времени могут превратиться в апеллятивы. Большое влияние на выбор обращений оказывают культурные традиции, учет которых в семантическом плане имеет большое значение при формировании обращений.

2.1.4. Вокативы, применяемые в общении ближайших родственников между собой

В нахских и дагестанских языках представлены разные референтивные и вокативные термины для номинации дяди со стороны отца и дяди со стороны матери и для обращения к ним.

В чеченском языке имеются референтивные термины для обозначения дяди со стороны отца – *ден ваша (деваша)* «отца брат» и дяди со стороны матери – *ненан ваша (ненаваша)* «мамин брат». В чеченском языке дядя и по отцу, и по матери может обозначаться одним термином *ваша, ваши*, без собственного имени. Наряду с ними функционируют аналогичной семантики вокативные термины: *неца* «тётя по матери» и *деца* «тётя по отцу». Воспринимаемые ныне как непроезводные термины чеченского языка *неца* «тётя по матери» и *деца* «тётя по отцу» исторически представляли собой сложные слова. Термин *ваша* также употребляется в чеченском языке при почтительном обращении к дяде, независимо от родства.

В ингушском языке имеется референтивный термин *воти*, который обозначает дядю как по отцу, так и по матери. Чаще всего этот термин употребляют с именем собственным. Например: *воти Муса, воти Султан, воти Амир*. При необходимости дифференцировать степень родства по отцу употребляют термин *даь воша* «отца брат», по матери – *ненан ваша* «мамин брат», *наьна воша* «мамин брат». Вокативный термин, используемый в ингушском языке для обращения к тете по отцу – *даьци*, к тете по матери – *наьци*.

Данные вокативные термины, как правило, употребляются с добавлением собственного имени – *наьци Фатима* «тётя Фатима (по матери)», *наьци Мадина* «тётя Мадина (по матери)», *наьци Аминат* «тётя Аминат (по матери)», *даьци Малика* «тётя Малика (по отцу)», *даьци Маржан* «тётя Маржан (по отцу)» и т. д.

В бацбийском языке представлен референтивный термин для обозначения дяди по отцу *дадвашо* «отца брат», букв. («отец + брат») и дяди по матери: *нанвашо* «мамин брат», букв. («мать + брат»). Вокативным термином –

бидзи «дядя» в бацбийском языке обозначают дядю вне зависимости от того, с какой он стороны – отцовской или материнской.

Аналогичную формальную структуру имеют вокативные термины, обозначающие дядю в лакском языке. Здесь референтивные и вокативные термины совпадают, например: *ниттиуссу* «дядя (мамин брат)», букв. («мать+брат») и *буттауссу* «дядя (папин брат)», букв. («отец+брат»).

В аварском языке имеются два референтивных термина *имгIал* «дядя» и *дацци* «дядя» как для номинации брата отца, так и для именованного брата матери. Вокативный термин для обращения к брату отца и к брату матери представлен только одной лексемой – *дацци* «дядя». Слово *дацци* в аварском языке функционирует также как имя собственное. Вокатив *дацци* «дядя» применяется также для вежливого обращения к посторонним мужчинам, употребляется обычно в сочетании с именем собственным, которое занимает препозицию, а термин *дацци* «дядя» – постпозицию, например: *МухIаммад дацци* «дядя Магомед», *ГIалисултан дацци* «дядя Алисултан», *ГIалимирза дацци* «дядя Алимирза» и т. д.

По наблюдениям З.М. Маллаевой и З.М. Рамазановой, «в большинстве дагестанских языков для обращения к дяде и тете применяются композиты, состоящие из сочетания терминов родства отец или мать в форме родительного падежа со словами «брат» или «сестра», например, в аварском языке: *инссул вацц* “дядя (по отцу)”, букв. “отца брат”, *инссул йацц* “тётя (по отцу)”, букв. “отца сестра”, *эбе(ла)лълъул вацц* “дядя (по матери)”, букв. “матери брат”, *эбе(ла)лълъул йацц* “тётя (по матери)”, букв. “матери сестра”; в даргинском языке: *дудешла рузи* “тётя (по отцу)”, букв. “отца сестра”, *нешла рузи* “тётя (по матери)”, букв. “матери сестра”, *нешла у(д)зи* “дядя (по матери)”, букв. “матери брат”, *дудешла у(д)зи*

“дядя (по отцу)”, букв. “отца брат” [Маллаева, Рамазанова 2018, с. 364-365].

В лезгинском и табасаранском языках имеются разные лексемы для номинации дяди со стороны отца и дяди со стороны матери. Брат матери в лезгинском языке как в референтивном, так и в вокативном значении – *халу* «дядя». В табасаранском языке также совпадают референтивные и вокативные термины, применяемые для номинации и обращения к брату матери – *халу* «дядя».

Как указывают З.М. Маллаева и З.М. Рамазанова: «Сестра отца и сестра матери также обозначаются разными терминами, в лезгинском и табасаранском языках тётя со стороны матери – это *хала*. Вокатив *хала* применяется также для обращения к посторонним взрослым женщинам. Тётя со стороны отца в лезгинском – *эме* (диал. *биби*), в табасаранском – *эм* (диал. *им*), употребляется исключительно при обращении к родной сестре отца. Это свидетельствует о высоком аксиологическом статусе ближайших родственников со стороны отца в системе семейных ценностей носителей лезгинских языков» [Маллаева, Рамазанова 2018, с. 365].

Мы уже отмечали, что андроцентризм в языках лезгинской группы проявляется и в том, что дядя со стороны отца и дядя со стороны матери называются разными лексемами. Брат матери – лезг., таб. *халу* «дядя». Брат отца – лезг. *ими*, таб. *им* “дядя”, обозначает только родственные отношения.

В вокативной функции слова лезг. *ими*, таб. *им* “дядя”, “дядя (брат отца)” употребляются только при обращении к родному дяде. Слово *халу* “дядя со стороны матери (брат матери)” может употребляться в функции вокатива как при обращении к родному дяде, так и при обращении к

постороннему мужчине, к любому взрослому мужчине. Тётя со стороны отца и тётя со стороны матери также представлены разными лексемами: лезг., таб. *хала* – «тётя стороны матери (сестра матери)» и лезг. *эме* (*биби*, *му́ма* – диал.), таб. *эм* – «тётя со стороны отца (сестра отца)» .

Вокатив *хала* “тётя” употребляется как обращение к родной тете или к любой взрослой женщине. Исключительно родственные отношения выражают лезг. *эме* (*биби*, *му́ма* – диал.), таб. *эм* “тётя (сестра отца)”, в вокативной функции употребляется только при обращении непосредственно к сестре отца.

На основании этого факта можно сделать вывод о значимости родства со стороны отца, высоком аксиологическом статусе родственников с его стороны. Достаточно ярко выражена гендерная асимметрия и в сфере речевого этикета. Система обращений, ориентированная на живых людей, основана на гендерных отношениях, которые и объясняют живую семантическую мотивированность выбора формы обращения.

Семантическая мотивированность «выбора вокативов рассматривается как типологически релевантный признак дагестанских языков» [Хачукаева 2017, с. 236].

Исследуя термины родства и свойства в табасаранском языке, К.Т. Шалбузов отмечает, что «в табасаранском языке, заимствованные из азербайджанского языка термины “дядя”, “тётя” имеют различные формы в зависимости от того, с чьей стороны – матери или отца – приходится родство. Дядя по матери называется *халу*, а тётя по материнской линии – *хала*. Дядя по отцовской линии называется *эм*, а тётя – *эме*.

Вокативы *халу*, *хала*, *эм* и *эме*, как правило, используются при вежливом обращении младшего к старшему, присоединяясь к имени

собственному. Как правило, если старший происходит родом из селения матери, то употребляется термин *халу* (к мужчине) и *хала* (к женщине). Если же старший по возрасту, к кому обращаются, происходит родом из селения отца, к имени собственному добавляются слова *даха*, *даши*, *эм* (к мужчине), при обращении к старшей женщине присоединяются термины *бажи*, *хала*» [Шалбузов 1985, с. 193], [см. также: Халидова 2023, с. 83]. На основании анализа данных языковых фактов Р.Ш. Халидова также приходит к вполне закономерному выводу о значимости родства со стороны отца, нежели со стороны матери, о высоком аксиологическом статусе родственников со стороны отца. Обращая внимание на выраженность гендерной асимметрии в сфере речевого этикета, Р.Ш. Халидова пишет: «система обращений, ориентированная на живых людей, основана на гендерных отношениях, которые и объясняют живую семантическую мотивированность выбора формы обращения. Семантическая мотивированность выбора вокативов рассматривается как типологически релевантный признак дагестанских языков» [Халидова 2023, с. 83–84].

2.2. Термины свойства в качестве вокативов

Референтивные термины приобретенного родства – «сноха» и «зять» – по-разному востребованы в функции вокативов во внутрисемейном общении исследуемых языков. Во всех нахских и дагестанских языках референтивный и вокативный термины «сноха» совпадают. Исключение составляет аварский язык, в котором термин *нус* «сноха» в вокативной функции приобретает форму ныне утраченного звательного падежа – *нус-ай*.

Термин *нус* «сноха» представлен не только в аварском, но и во всех нахских языках. В чеченском, ингушском и бацбийском языках данный термин употребляется как в референтивной, так и вокативной функциях. В других дагестанских языках термин *нус* «сноха», за исключением аварского языка, не встречается. Материально близкий термин *нуса* «сноха» представлен лишь в некоторых языках аваро-андийской группы: в каратинском языке, миарсинском диалекте ботлихского языка и тиндинском языке. Термин *нуша* «сноха» используется в ахвахском языке, вариант *нушашув* «сноха» – в ботлихском.

В даргинском и лакском языках для номинации снохи применяются описательные термины, представляющие собой сочетания слов со значением «сын» (род. п.) и «жена» (ном. п.): дарг. *дурхІяла хьунул* «сноха», «невестка», букв. «сына жена»; лак. *арснал щар* «сноха», «невестка», букв. «сына жена». В лакском языке функционирует также термин *жалин* «невеста», «новобрачная», заимствованный из тюркских языков.

В некоторых диалектах даргинского языка встречаются фонетические варианты термина *нус* «сноха»: в кадарском диалекте – *нуса* и в чирагском диалекте – *нуссе*. Термин *нус*, по всей вероятности, восходит к общекавказскому хронологическому уровню.

Мы уже отмечали в нашей совместной с Р.Ш. Халидовой статье, что в этимологическом словаре картвельских языков Г.А. Климов также поддерживает точку зрения лингвистов, полагающих что термин *нус* «невестка», «сноха» имеет индоевропейское происхождение [1964, с. 230]. «Значительный интерес представляет слово “нус”, наличествующее во многих кавказских языках, в том числе в армянском. Оно, по мнению большинства лингвистов, восходит к индоевропейской основе: др. груз. *нусадиа* – “жена дяди”; арм. – *нус*;

анд. – *нуса*; ср.: и. –е. *snusos* – “невестка”, “сноха”» [Хачукаева, Халидова 2018, с. 79-80].

На индоевропейское происхождение кавказского термина «нус» указывали в свое время еще В.Г. Гак и Н.З. Донадзе [1964, с. 143–150].

Для обозначения понятия «зять» в рассматриваемых языках функционируют следующие термины: чеч. *нуц*; инг. *найц*, *нейц*; бацб. *сидже* (заимствование из грузинского); авар. *дуриц*; лак. *куяв*; дарг. *куяв*; лезг. *йезне*, *язна*; таб. *язна*, *гияв* (лезг., таб. являются тюркскими заимствованиями).

Лезгинский и табасаранский языки для обозначения зятя пользуются тюркскими заимствованиями. Термин *гияв*, распространенный в некоторых говорах табасаранского языка, выявляет параллель с лакским *куяв* и даргинским *гуяв* (>*куяв*). В табасаранском языке, по мнению К.С. Кадыраджиева и К.К. Вазировой [1985, с. 163], «в анлауте представлен звонкий согласный *г*-, характерный для огузских языков, в лакском и даргинском языках здесь представлен глухой согласный. В то же время в табасаранском языке корневой гласный *-и-* сохраняется без изменения, а в лакском и даргинском языках он лабиализуется, по всей вероятности, под воздействием конечного губного согласного: кум. *гиев* → лак. *киев* → *куяв*» [Хачукаева, Халидова 2018, с. 80].

К.Т. Шалбузов считает, что слово *язна* «зять», которое используется в этегском и нитригском диалектах табасаранского языка, заимствовано из языка дербентских азербайджанцев.

Термин *гияв* «зять» употребляется в сувакском диалекте табасаранского языка и имеет такое же происхождение, как и слово *язна*. Термины свойства (приобретенного родства) *гияв* и *язна* употребляются в качестве вокативов при обращении к мужу дочери, сестры, племянницы и т. д. [Шалбузов 1985, с. 194].

В чеченском языке гендерное различие в семейном дискурсе проявляется в выборе вокативов для обращения к ближайшим родственникам мужа и жены. Муж может себе позволить называть как родителей, так и других родственников жены их собственными именами. Однако для жены – это табу. Жена не имеет права называть родителей мужа и других его родственников их собственными именами. Как указывает Л.М. Бахаева, жена, обращаясь к отцу мужа, употребляет вокатив – *дада* «отец» (может быть имя-прозвище, кличка); обращаясь к матери мужа, – *нана* «матушка, мама». Исследователь пишет: «К братьям, сестрам и другим родственникам, ближайшим друзьям мужа и другим членам семьи сноха применяет имена оценочного характера: к братьям – *КІант* (мальчик, парень), *Дика кІант* (хороший парень), *Жима кІант* (маленький мальчик), *Кура кІант* (гордый парень), *Ваша* (брат); *Хаза кІант* (красивый мальчик), *Лекха кІант* (высокий мальчик), *Лоха кІант* (низкий мальчик), *Хьоме кІант* (дорогой мальчик); к сестрам – *Ниша* (сестра), *Хаза йоІ* (красивая девочка), *Дика йоІ* (славная девушка), *Жима йоІ* (маленькая девочка), *Кура йоІ* (гордая девушка), *Коча йоІ* (изнеженная девочка). Особенного различия в обращении к сестрам и братьям мужа нет, за исключением второго корня: *йоІ, кІант*» [Бахаева 2009, с. 67].

Выбор формы вокатива зависит от статуса в семейной иерархии. Статус отца всегда выше статуса матери. Статус старших по возрасту детей выше статуса младших детей. Статус сына выше статуса дочери. Для достижения запланированного перлокутивного эффекта необходимо применять специальные маркеры вежливости. К таким маркерам в исследуемых языках относятся: притяжательные местоимения, прилагательные качественной оценки лица, различного рода модальные частицы, вокативные междометия, прилагательные, характеризующие нежные отношения адресанта к адресату и

некоторые другие. Употребление этих средств является обязательным условием, обеспечивающим достижение запланированного перлокутивного эффекта.

В индоевропейских языках термины, обозначающие сноху, имеют более древнее происхождение, чем термины, называющие зятя [Buck 1988, p. 93]. Свидетельством такого же положения в нахско-дагестанских языках может служить термин «сноха», «невестка», обнаруживающий материальную общность во всех исследуемых языках, причем в большинстве нахско-дагестанских языков данный термин выражен одной и той же лексемой. Что касается термина «зять», то в большинстве нахско-дагестанских языков он репрезентирован различными лексемами, в ряде языков для обозначения данного понятия применяются заимствования.

2.3. Структурная характеристика терминов родства, функционирующих в семейном дискурсе

С точки зрения структурной организации состав простых терминов во всех нахских и дагестанских языках совпадает. Это термины, обозначающие членов семьи, образующие ядро концепта «семья», такие как «мать», «отец», «сын», «дочь», «брат», «сестра», «муж», «жена», «невестка», «зять». В чеченском, аварском, лакском, даргинском, лезгинском и табасаранском языках термин родства со значением «бабушка» также представлен исконной производной лексемой. В большинстве исследуемых языков термины выражающие значение «бабушка» и «дядя» также обозначаются простыми исконными производными лексемами.

Термин лезгинского и табасаранского языков *халу* «дядя по матери» получен из азербайджанского слова *хала* «матери сестра». Термин

лезгинского языка *дайи* «дядя по матери» генетически восходит к азербайджанскому термину *дайи* «матери брат».

Бацбийские термины *жмисцІул* «племянник», *дисцІул* «племянница» заимствованы из грузинского языка *жмисцІули* и *дисцІули* [Климов, Халилов 2003, с. 61].

В большинстве языков нахско-дагестанской группы термины, передающие понятия «дедушка» и «бабушка» представлены сложными словами, образованными из сочетания соответствующих прилагательных со значением «большой», «большая» и существительных «папа» и «мама» или из сочетания имен в форме генитива и номинатива, например:

в чеченском языке *воккха дада* «большой отец», *йоккха баба* «большая бабушка»; *деда* «папин отец», *ненада* «мамин отец»; *ден деда* «отец деда», *ден ненада* «отец бабушки»;

в ингушском языке понятия «дедушка» и «бабушка» выражены сложными словами, образованными из сочетания имен в форме генитива и номинатива, например: *даь нана* «бабушка» (букв. «отца мама»), *наьна нана* «бабушка» (букв. «матери мама»), *даь да* «дедушка» (букв. «отца отец»), *наьна да* «дедушка» (букв. «матери отец»);

в аварском языке: *кІодозбел* «бабушка» (букв. «большая мама»), *дахІабаба* «бабушка» (букв. «красивая мама»), *кІудада* «дедушка» (букв. «большой папа»);

в даргинском языке: *хала дудеш* «дедушка» (букв. «большой отец»), *хала неш* «бабушка» (букв. «большая мама»).

в лакском языке: *хъунна бава* «большая мама», *ниттил нину* «мамина мама», *мяммал дада* «папина мама»;

в лезгинском языке: *чІехи диде* «бабушка» (букв. «большая мама»), *чІехи буба* «дедушка» (букв. «большой отец»);

в табасаранском языке: *аьхю аба* «дедушка» (букв. «большой папа»), *аьхю баб* «бабушка» (букв. «большая мама»).

Наряду со сложными словами функционируют и простые слова-термины: чеч. *баба*; авар. *кIодо*; лак. *аму*; дарг. *ада*; лезг. *баде*; таб. *баб* «бабушка», которые представлены непроизводными однокорневыми словами.

Такая же структурная организация характерна и для терминов родства для номинации дяди и тети, двоюродных братьев и сестер, племянников и племянниц, ср.:

чеч.: *ненавешин йоI* «двоюродная сестра (дочь дяди по материнской линии)», *ненайишин йоI* «двоюродная сестра (дочь тёти по материнской линии)», *девешин йоI* «двоюродная сестра (дочь дяди по отцовской линии)», *дейишин йоI* «двоюродная сестра (дочь тёти по отцовской линии)»;

авар.: *яццальлъул вас* «племянник» (букв. «сестры сын»), *ваццассул вас* «племянник» (букв. «брата сын»), *яццальлъул йас* «племянница» (букв. «сестры дочь»);

таб.: *халуйин риш* «двоюродная сестра» (дочь дяди по материнской линии), *халайин риш* «двоюродная сестра» (дочь тёти по материнской линии), *эмдин риш* «двоюродная сестра» (дочь дяди по отцовской линии), *эмейин риш* «двоюродная сестра» (дочь тёти по отцовской линии);

дарг.: *узила уриш* «племянник» (букв. «брата сын»), *рузила уриш* «племянник» (букв. «сестры сын»), *узила рурси* «племянница» (букв. «брата дочь»), *рузила рурси* «племянница» (букв. «сестры дочь»).

Приобретенные родственники:

чеч.: *марда* «свекор» (букв. «муж + отец»), *марнана* «свекровь» (букв. «муж + мама»), *марваша* «деверь» (букв. «муж + брат»); *маьрийиша* «золовка» (букв. «мужа сестра»); *стунда* «тесть» (букв. «жены отец»), *стуннана* «теща»

(букв. «жены мама»), *стунваиа* «шурин» (букв. «жены брат»), *стунйиша* «свояченица» (букв. «жены сестра»);

авар.: *вакьад-эмен* «свекор» (букв. «свекор + отец»), *йакьад-эбел* «свекровь» (букв. «свекровь + мама»);

таб. *сижар аба* «тесть», «свёкор», *сижар баб* «тёща».

Родители:

чеч.: *да-нана* (букв. «отец-мать»);

инг.: *да-нана* (букв. «отец-мать»);

бацб.: *дад-нан* (букв. «отец-мать»), *нан-дад* (букв. «мать-отец»);

авар.: *эбел-эмен* (букв. «мать-отец»);

лак.: *нину-ппу* (букв. «мать-отец»);

дарг.: *неш-дудеш* (букв. «мать-отец»), но в ицаринском говоре: *ттатти-ваба* «отец-мать»;

лезг.: *диде-буба* (букв. «мать-отец»);

таб. *абжур-бабар* (букв. «дед (мн.ч.) + бабка (мн.ч.)»), *аба на баб* (букв. «отец-мать»).

Внуки:

чеч.: *кIентан воI (кIант)* «внук», букв. «сын сына», *кIентан йоI* «внучка, дочь сына», *йоьIан воI (кIант)* «внук» (букв. «дочери сын»), *йоьIан йоI* «внучка» (букв. «дочери дочь») и т. д.

Как можно было заметить, слово «родители» во всех нахско-дагестанских языках имеет одинаковую структуру, состоит из слов с семантикой «отец» и «мать». Различия проявляются только в порядке расположения терминов, выражающих понятия «отец» и «мать». В аварском, лакском, лезгинском и даргинском языках на первом месте стоит слово, именующее мать, ср.: авар. *эбел-эмен*, лак. *нину-ппу*, лезг. *диде-буба*, дарг. *неш-дудеш* букв. «мать-отец».

В чеченском, ингушском, табасаранском языках и в ицаринском говоре даргинского языка слово, выражающее понятие «родители» представлено сочетанием терминов, именующих понятия «отец» и «мать»: чеч. *да-нана*; инг. *да-нана*; таб. *аба на баб*; ицар. *ттатти-ваба*. Примечательно, что в бацбийском языке представлены и одинаково функционируют оба варианта сочетания: *дад-нан* «отец-мать» и *нан-дад* «мать-отец».

Применение того или иного термина родства в качестве обращения определяется не языковыми особенностями, а скорее, культурными традициями. Например, в русской культуре термин «сноха», «невестка» не используется в качестве обращения. В нахской и дагестанской культуре термин «сноха», «невестка», напротив, располагает высоким вокативным потенциалом. В аварском языке существует даже специальная вокативная форма от слова *нус* «сноха», «невестка» – *нусай* (форма вокативного падежа, ныне утраченного в аварском языке).

Наибольшим вокативным весом обладают термины родства, именующие понятия: «мама», «папа», «бабушка», «дедушка». Данные термины отличаются самым большим диапазоном иллокутивной силы – от нейтрального до гипокористического. Негативный или ироничный характер употребления данных терминов во внутрисемейном общении носителей нахско-дагестанских языков исключается. Можно сказать, что все термины родства не применяются в нахско-дагестанских языках для выражения отрицательных эмоций со стороны адресанта, особенно в том случае, если адресант младше адресата.

В речевом акте основной функцией терминов родства является вокативная функция. В ряде случаев, в зависимости от иллокутивной цели высказывания, может реализоваться социально-регулятивная функция. В

минимальной степени проявляется в семейном дискурсе оценочно-характеризующая функция терминов родства. Исключение составляют аффиксальные и эллиптические варианты терминов родства, которые реализуют оценочно-характеризующую функцию.

Выводы ко II главе

1. Выбор формы обращения адресантом в семейном дискурсе носителей нахско-дагестанских языков определяется, прежде всего, статусом адресата в семейной иерархии (статус отца выше статуса матери, старших по возрасту детей выше младших, сына – выше дочери и т. д.). Для достижения задуманного перлокутивного эффекта применяются специальные маркеры вежливости. Такими маркерами в указанных языках являются: притяжательные местоимения, прилагательные качественной оценки лица, различного рода модальные частицы, вокативные междометия, прилагательные, характеризующие нежные отношения адресанта к адресату и т.д. Использование упомянутых выше средств обеспечивает достижение желаемого перлокутивного эффекта.

2. В качестве средств адресации названия лиц по степени родства широко распространены в семейном дискурсе. Обширные лексико-семантические группы терминов родства служат лексической базой для образования обращений. Термины родства, функционирующие в качестве обращений, в первую очередь являются средством привлечения внимания собеседника. Они отражают также статус адресата в семейной иерархии.

3. В ряде языков нахско-дагестанской группы до сих пор сохранился обычай табуирования имен, чаще всего имен, обозначающих мужа и родственников мужа вне зависимости от их возраста. В лезгинском языке

наиболее распространенным является обращение жены к мужу: *я да* «эй, парень», *я итим* «эй, мужчина». В некоторых говорах лезгинского языка встречается вокатив *къери* «старик». Жена к мужу никогда не обратится словом *гъувл* «муж», на употребление которого по сей день действует строгое табу. Исключением является лакский язык. Слово *лас* «муж» в лакском языке употребляется в вокативной функции, чаще в сочетании с притяжательным местоимением: *ттул лас* «мой муж», *ттул ххирасса лас* «мой дорогой муж», *ттул абзизсса лас* «мой любимый (дорогой, милый) муж», *ттул дакӀнилсса лас* «мой душевный муж» и т. д. Такие обращения не характерны для других нахско-дагестанских языков.

4. В некоторых дагестанских языках один и тот же термин родства в разных диалектах может располагать прямо противоположными значениями. Например, термин *адай* в урахинском диалекте даргинского языка означает «мама», а в мегебском диалекте – «папа». В аварском языке как в литературной форме, так и во всех диалектах и говорах северного и южного наречия термин *эмен* означает «отец», а в закатальском диалекте аварского данный термин родства реализует семантику – «отчим».

5. Термин родства со значением «жена» в вокативной форме не применяется в семейном дискурсе нахских языков, а в дагестанских языках имеет ограниченное употребление. В лезгинском языке термин *наб* «жена» в качестве вокатива функционирует, как правило, в сочетании с вокативным междометием *я* «о», «эй»: *я наб* «о, жена», «эй, жена». Исключение среди дагестанских языков составляет лакский язык, в котором термин *щарсса* «жена» в форме вокатива *щарссей* традиционно употребляется в качестве обращения мужа к жене. Особенностью семейного дискурса носителей данного языка является употребление такого обращения к супруге, как *ххирей* «дорогая», «любимая» в

присутствии посторонних. В остальных нахско-дагестанских языках для обращения к жене предпочтительны вокативные междометия, реже – имена собственные.

6. Во всех нахских и в большинстве дагестанских языков понятия «дочь» и «девочка», так же как понятия «сын» и «мальчик» передаются одной лексемой. Исключение составляют отдельные говоры некоторых андийских языков, в которых эти понятия дифференцированы.

7. В дагестанских языках для придания соответствующим обращениям дополнительного вокативного веса и увеличения их иллюкутивной силы чаще всего фигурирует русский деминутивный суффикс **-ик**, ср.: авар. *вацц* «брат» – *вацц-ик* «братик», «братишка», *йацц* «сестра» – *йацц-ик* «сестренка», «сестричка». В лакском языке в такой функции применяется русский уменьшительно-ласкательный суффикс **-ка**, например: *уссей* «брат» – *уссей-ка* «братик», «братишка». Употребление подобных форм вокативов формирует комфортные условия общения и поддерживает позитивный контакт.

8. Слова с низким вокативным потенциалом имеют ограниченные возможности. Однако каждый язык располагает рядом специальных «вокативизирующих средств», применение которых позволяет значительно расширить вокативные возможности лексем с низким потенциалом.

9. Заметные расхождения наблюдаются в нахско-дагестанских языках в употреблении вокативов со значением «дядя» и «тётя». Основное различие проявляется прежде всего в том, что в некоторых языках дядя называется по-разному, в зависимости от того, чьим братом он является: братом отца или братом матери. Таким образом, имеются разные

референтивные и вокативные единицы для обозначения дяди со стороны отца и дяди со стороны матери.

10. В ингушском языке дядя и по отцу, и по матери обозначается одним термином *воти*, но чаще с именем собственным. Например: *воти Муса*, *воти Султан*, *воти Амир*. При необходимости дифференцировать степень родства по отцу употребляют термин *даь воша* «отца брат», по матери – *ненан ваша* «мамин брат», *наьна воша* «мамин брат». Вокативные термины, применяемые в ингушском языке для обращения к тете по отцу – *даьци*, к тете по матери – *наьци*.

11. В бацбийском языке представлены референтивные термины для обозначения дяди по отцу *дадвашо* «отца брат», букв. («отец+брат») и референтивный термин для обозначения дяди по матери: *нанвашо* «мамин брат», букв. («мать+брат»). В бацбийском языке функционирует также соответствующий вокативный термин – *бидзи* «дядя», заимствованный из грузинского языка, вне зависимости от того, с какой стороны дядя – отцовской или материнской.

12. Тётя со стороны отца и тётя со стороны матери также представлены разными лексемами: лезг., таб. *хала* – «тётя стороны матери (сестра матери)» и лезг. *эме* (*биби*, *муа* – диал.), таб. *эм* – «тётя со стороны отца (сестра отца)». Вокатив *хала* «тётя» функционирует как обращение к родной тете, возможно и к любой взрослой женщине, как и в русском языке. Наименование тёти (сестры отца) обозначает только родственные отношения, в вокативной функции лезг. *эме* (*биби*, *муа* – диал.), таб. *эм* «тётя» употребляется только при обращении непосредственно к сестре отца. На этом основании можно сделать вывод о значимости родства со стороны отца, высоком аксиологическом статусе его родственников.

13. Во всех нахских языках и в аварском языке для обозначения невестки используется одно и то же слово *нус*. В лезгинском и табасаранском языках также применяются материально родственные термины. В аварском языке в качестве обращения задействована форма вокативного падежа с формантом *-ай*: *нусай*. В лакском языке для обозначения невесты выступает тюркское заимствование *жалин* «невестка». Особняком стоит даргинский термин *гелемеш* «невестка». В чирагском диалекте даргинского языка применяется термин общекавказского происхождения – *нусса* «невестка». В других диалектах и говорах распространен термин *цIукIури* в различных фонетических вариантах: *цIекIури*, *цIекIур*.

14. Для обозначения понятия «зять» в нахско-дагестанских языках фигурируют следующие термины: чеч. *нуц*; инг. *найц*, *нейц*; бацб. *сидже* (заимствование из грузинского); авар. *дурц*; лак. *куяв*; дарг. *куяв*; лезг. *йезне*, *язна*; таб. *язна*, *гияв* (лезг., таб. тюркские заимствования). Чеченский, ингушский и аварский термины обнаруживают материальную общность, а бацбийский язык заимствовал термин *сидже* «зять» с грузинского языка. Лакский и даргинский языки заимствовали термин *куяв* «зять» из кумыкского языка. В некоторых говорах даргинского языка употребляется фонетический вариант *гуяв* (>*куяв*). В чирагском диалекте даргинского языка используется термин *нуца*, а в мекегинском – *дурц*, заимствованный из аварского языка.

15. Во всех нахских и дагестанских языках термины, обозначающие членов семьи, образующие ядро концепта «семья», такие как «мать», «отец», «сын», «дочь», «брат», «сестра», «муж», «жена», «невестка», «зять», которые с точки зрения структурной организации представлены простыми лексемами. Термин лезг., таб. *халу* «дядя по матери» усвоен из

азербайджанского языка, ср.: *хала* «матери сестра». Термин лезг. *дайи* «дядя по матери» также восходит к азербайджанскому источнику. Ср.: *дайи* «матери брат».

16. Применение того или иного термина родства в качестве обращения определяется не столько языковыми особенностями, сколько культурными традициями. Если в русской культуре термин «сноха», «невестка» не используется в качестве обращения, то в нахской и дагестанской культуре термин со значением «сноха», «невестка», напротив, располагает высоким вокативным потенциалом. Только в аварском языке существует специальная вокативная форма от слова *нус* «сноха», «невестка» – *нусай* (вокативный падеж в аварском языке ныне утрачен).

ГЛАВА III. АНТРОПОНИМЫ, АНДРОНИМЫ, ЗОО- И ФИТОМОРФИЗМЫ В ФУНКЦИИ ВОКАТИВОВ

Речевой этикет носителей нахско-дагестанских языков основывается на универсальных морально-этических нормах, таких как почитание родителей (старшего поколения), уважение к старшим, забота о младших членах семьи, взаимная выручка и пр. Однако степень сохранения и соблюдения этих норм в различных культурах разная. Этнокультурные традиции и морально-этические принципы, по которым живет каждая конкретная семья, оказывают самое непосредственное воздействие на употребление конкретных вокативов для внутрисемейного общения.

3.1. Антропоним как средство обращения в семейном дискурсе

Антропонимы (имена собственные) являются универсальными обращениями, распространенными во всех типах дискурсов, не только в семейном дискурсе. В этом плане личные имена более востребованы, чем термины родства, поскольку функционирование последних, за редким исключением, ограничено рамками семьи. Личные имена обнаруживают максимальный вокативный потенциал, сфера их применения включает самые разнообразные коммуникативные акты.

Позиция обращений в структуре пропозиции определяется двумя факторами: лексической семантикой вокативов и выполняемой ими прагматической функцией. Имя собственное в функции обращений выполняет две основные задачи: 1) привлечение внимания; 2) поддержание контакта.

При использовании личного имени в функции привлечения внимания всегда имя собственное во всех языках исследования занимает препозицию, например:

чеч.: *Рамзан, хьо мичахь вара?*

инг.: *Рамзан, хьо мичахь вар?*

авар.: *Рамазан, мун кив вукIарав?*

дарг.: *Рабадан, хIу чинав уириг?*

лак.: *Рамазан, ина чув уссияв?*

таб.: *Рамазан, (уву) ноан айва?*

«Рамазан, ты где был?».

чеч.: *Мадина, схьало соьга и киншка, дашониг!*

инг.: *Мадина, хьадал, сона из книжка, дашониг!*

авар.: *Мадина, гьeб тIехь дихъе кье, месед!*

дарг.: *Мадина, биха ил жуз, дила мургъи!*

лак.: *Мадинай, була ттухъхъун та лу, муси!*

таб.: *Мадина, гьаму китаб ча узухъна, йиз бицIи гъизил!*

«Мадина, подай мне эту книгу, золотце!» и т.д.

Во всех нахских и дагестанских языках препозитивное положение личного имени в качестве вокатива «наряду с фатической функцией выполняет также дополнительную функцию идентификации адресата в коммуникативном пространстве. Использование антропонима-вокатива в постпозиции предложения наряду с функцией поддержания контакта выполняет также дополнительную функцию выражения положительного, негативного, тёплого, нежного, трепетного и т. д. отношения адресанта к адресату. Для реализации сопутствующей функции используется ряд дополнительных средств» [Халидова 2023, с. 65].

В функции поддержания контакта имя собственное во всех языках исследования занимает постпозицию, например:

чеч.: *Доккха баркалла хъуна, Аминат.*

инг.: *Доккх баркал хъона, Аминат!*

авар.: *КІудияб баркала дуе, Аминат.*

дарг.: *Халаси баркалла, хІед, Аминат.*

лак. *Хъунмасса барчаллагъ, Аминат.*

таб.: *Ахъю аферин увуз, Аминат.*

«Большое спасибо, тебе, Аминат».

чеч.: *Хъайн дог дика дойла хъан, Іали!*

инг.: *Хъай дог дика долда хъа, Іали!*

авар.: *РакІ боххаги дур, ГІали!*

дарг.: *ХІела уркІи разибиаб, ГІяли!*

лак. *Вил дакІ ххари хъуннав, Аъли!*

таб.: *ЮкІв шад ибширияв, Аъли!*

«Да возрадуется сердце твое, Али!»

Имя собственное, использованное в вокативной функции в постпозиции, как правило, репрезентирует также и отношение адресанта к адресату. Притяжательные местоимения и политесные слова, употребленные в препозиции к личным именам, позволяют наиболее полно реализовать данную функцию, например:

чеч.: *Доккха баркалла хъуна, хъоме Аминат!*

инг.: *Доккх баркалла хъона, хъоме Аминат!*

авар.: *КІудияб баркала дуе, хирияй Аминат!*

дарг.: *Халаси баркалла хІед, дурхъаси Аминат!*

лак. *Хъунмасса барчаллагъ вин, ххирасса Аминат!*

таб.: *Ахъю аферин увуз, гирами Аминат.*

«Большое спасибо тебе, **дорогая Аминат**»!

чеч.: *Хьайн дог дика дойла хьан, кІант (воІ) сан Іали!*

инг.: *Хьай дог дика долда хьа, кІаьнк са Іали!*

авар.: *РакІ боххаги дур, дир вас ГІали!*

дарг.: *ХІела уркІи разибиаб, дила урши, ГІяли! «*

лак. *Вил дакІ ххари хьуннав, ттул оьрчІ Аьли!*

таб.: *ЮкІв шад ибширияв, йиз бай Аьли!*

«Да возрадуется сердце твое, **сын мой Али**!».

В чеченском языке при обращении к мужчине сначала произносят имя отца, только потом имя того, к кому обращаются, например: *ХьочІакъан* (отец) *Іали* (сын), *ГІайрбекан* (отец) *Іумар* (сын), *Іабдал-Межедан* (отец) *Ильяс* (сын), *Бичаркъан* (отец) *Іулман* (сын), *Исламан* (отец) *Мохъмад* (сын).

В дагестанских языках также встречаются подобные обращения, но они не носят обязательный характер. Как правило, такие обращения употребляются, когда в одном роду или селе много одинаковых имен, в различительной функции, например: авар. *ГІисал МухІамад* «Исы (сын) Магомед», *ГІабдулал МухІамад* «Абдулы (сын) Магомед», *Мусал МухІамад* «Мусы (сын) Магомед», *ГІуммарил МухІамад* «Умара (сын) Магомед» и т. д.

В статье «Андронимы в качестве вокативов в языках различных культур» [Хачукаева 2018], мы уже отмечали, что разные языки различаются не только грамматическим строем и системой звуков и знаков, но и мировоззрением, спецификой восприятия мира. Оригинальность мышления и особенности мировоззрений накладывают яркий опечаток на внутрисемейное общение, семейный этикет, которые могут различаться не только в пределах одной этнической общности, одной нации, но и в пределах одного села. Применение личных имен в качестве вокативов не выявляет особых различий в семейном дискурсе указанных нахско-дагестанских языков. Характерной

функциональной особенностью личных имен во внутрисемейном общении носителей нахско-дагестанских языков, как и многих терминов родства, является то, что они могут выступать в базовых типах обращений вне зависимости от прагматических условий.

Личные имена часто соединяются с деминутивными и гипокористическими суффиксами, которые придают соответствующему обращению дополнительный вокативный вес, увеличивают их иллюкутивную силу. Наибольшее распространение на современном этапе развития дагестанских языков получил деминутивный суффикс **-ик**, который часто присоединяется к именам собственным, например:

жен. *Абидат – Абидат-ик, Рашидат – Рашидат-ик, Халимат – Халимат-ик, Салихат – Салихат-ик, Зулайхат – Зулайхат-ик, Зумруд – Зумруд-ик, Савдат – Савдат-ик* и т. д.;

муж. *Мурад – Мурад-ик, Магомед – Магомед-ик, Загид – Загид-ик, Ризван – Ризван-чик, Рашид – Рашид-ик, Гамзат – Гамзат-ик, Рамзан – Рамз-ик* и т. д.

К личным именам детей часто присоединяется также гипокористический (ласкательный) суффикс **-шка**, например:

муж.: *Али – Али-шка, Муса – Муса-шка, Наби – Наби-шка, Иса – Иса-шка, Гаджи – Гаджи-шка, Мирза – Мирза-шка, Кади – Кади-шка, Ибрагим – Ибра-шка, Абдула – Абдул-и-шка* и т. д. В последнем слове ауслаутный **-а** в уменьшительно-ласкательной форме заменяется переднеязычным **-и**;

жен.: *Зухра – Зухр-и-шка, Пата – Пат-ишка, Махружат – Махру-шка, Сапижат – Сапи-шка, Сибрижат – Сибри-шка, Аминат – Ами-шка, Патимат – Пати-шка, Салимат – Сали-шка, Сакинат – Саки-шка* и т. д.

Если имя трехсложное, последний слог, как правило, отсекается, например: *Ибрагим – Ибра-шка*, *Магомед – Мага-шка*, *Сулайман – Сула-шка*, *Махружат – Махру-шка*, *Сапижат – Сапи-шка*, *Сибрижат – Сибри-шка*, *Аминат – Ами-шка*, *Патимат – Пати-шка* и т. д.

Только личные имена мальчиков образуют уменьшительно-ласкательные формы посредством деминутивного суффикса **-чик**, например: *Абдул – Абдул-чик*, *Амир – Амир-чик*, *Азиз – Азиз-чик*, *Багир – Багир-чик*, *Гусейн – Гусейн-чик*, *Карим – Карим-чик*, *Рустам – Рустам-чик*, *Умар – Умар-чик*, *Юнус – Юнус-чик*, *Исмаил – Исмаил-чик*, *Шарип – Шарип-чик*, *Эльдар – Эльдар-чик* и т. д. Уменьшительно-ласкательный суффикс **-чик** присоединяется только к мужским именам с согласным ауслаутом.

Уменьшительные (ласкательные) формы посредством деминутивного суффикса **-ка** образуются от личных имен девочек, например: *Мадина – Мадин-ка*, *Зайнаб – Зайнаб-ка*, *Абидат – Абид-ка*, *Рашидат – Рашидат-ка*, *Халимат – Халимат-ка*, *Салихат – Салихат-ка*, *Салимат – Салимат-ка*, *Раисат – Раисат-ка*, *Зумрат – Зумрат-ка*, *Забихат – Забихат-ка* и т. д.

В зависимости от фonomорфологической структуры антропонима наблюдается следующая закономерность в употреблении деминутивных суффиксов:

1. Двусложные мужские имена с ауслаутным согласным присоединяют суффиксы **-ик** или **-чик**:

Загид – Загид-ик, *Магид – Магид-ик*, *Мурад – Мурад-ик* (Мура),
Фарид – Фарид-ик;

Расул – Расул-чик, *Шамил – Шамил-чик*, *Гасан – Гасан-чик*, *Эльдар – Эльдар-чик* и т. д.

Исключение из данного правила составляют имена *Малик, Халикъ, Джалил, Халил* и некоторые другие.

2. Трехсложные мужские имена с согласным в ауслауте присоединяют суффиксы *-ик* или *-чик*: *МухІамад – МухІамад-ик, Умахан – Умаханчик, Ибрагъим – Ибрагъим-чик, Рамазан – Рамазан-чик* и т. д.

3. К двусложным мужским именам с гласным в ауслауте прибавляется суффикс *-шка*, например: *Али – Али-шка, Наби – Наби-шка, Гаджи – Гаджи-шка, Мирза – Мирза-шка (Мирзик), Кади – Кади-шка, Хамза – Хамза-шка, Расул – Расул-и-шка, Абдул – Абдул-и-шка* и т. д. [Хачукаева 2018, с. 121–123]

Способность образовывать от полного имени уменьшительно-ласкательные личные имена состоит в одном из особенностей антропонимов, поскольку эти формы используются преимущественно в семейном дискурсе и за его пределами – в неформальных коммуникативных ситуациях.

Гипокористические антропонимы необходимы преимущественно для поддержания позитивного контакта. Функционирование таких антропонимов определяется как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

В современных нахско-дагестанских языках можно выделить несколько общих способов образования гипористических форм личных имен, возникших под влиянием русского языка. Формы собственного имени, образованные посредством деминутивных суффиксов, совмещают вокативную функцию с оценочно-характеризующей. Аффиксальные вариации имен собственных указывают также на душевную привязанность коммуникантов.

В семейном дискурсе часто употребляются эллиптические формы антропонимов, например: *Ами* (вм. – *Аминат*), *ПатIи* (вм. – *ПатIимат*), *Зюма* (*Зумруд*), *МохIо* (*МухIамад*), *Хади* (*Хадижат*), *Сапи* (*Сапижат*), *Саки* (*Сакинат*) и т. д. От некоторых эллиптических форм антропонимов, в свою очередь, могут быть созданы аффиксальные образования: *Ами-шка*, *ПатIи-шка*, *Хади-шка*, *Сапи-шка*, *Саки-шка*, *Рази-шка* и т.д. Аффикс *-шка* придает антропонимическому обращению яркий эмоциональный оттенок, а также репрезентирует семантику особой нежности. Вероятно, в связи с этим данные формы антропонимов-вокативов используются преимущественно при обращении к младшим членам семьи.

3.2. Андронимы как средство обращения в семейном дискурсе

Во всех нахско-дагестанских языках имеет место вокативное использование андронимов – наименований жены по имени супруга. Андроним может быть образован как на базе имени, так и фамилии или даже прозвища супруга. В ряде языков андронимы возникают на базе фамилии мужа. Такое положение характерно для русского языка, например: *Салтычиха*, *Супруниха*, *Гришкина*, *Гаврилючка*, *Сумарокова*, *Фёдоровская* и т. д.

В нахско-дагестанских языках андронимы, как правило, создаются на базе имени мужа, например:

чеч.: *Рамзаниг* (*Рамзанан зуда*) «жена Рамзана», *Махъмудниг* «жена Махмуда», *Ахъмадниг* «жена Ахмада», *Олхазарниг* «жена Олхазара», *Лечиниг* «жена Лечи», *Зелимханиг* «жена Зелимхана» и др.;

инг.: *Рамзанаяр* «жена Рамзана», *Махъмудаяр* «жена Махмуда», *Ахъмадаяр* «жена Ахмеда», *Iумараяр* «жена Умара», *Исламаяр* «жена Ислама», *Мусаяр* «жена Мусы», *Билалаяр* «жена Билала»;

авар.: *МахІмудилай* «жена Махмуда», *ГІисалай* «жена Исы», *ГІумарилай* «жена Омара», *Камалилай* «жена Камала», *Элдарилай* «жена Эльдара» и т. д. Встречаются и более сложные образования. В частности, личное имя *МухІама(д)* очень распространено среди носителей нахско-дагестанских языков, поэтому для различения прибегают к сложным антропонимам: *ГІумарил МухІама* «Магомед (сын) Омара», *ГІисал МухІама* «Магомед (сын) Исы», *Сиражил МухІама* «Магомед (сын) Сиража», *Ибрагьимил МухІама* «Магомед (сын) Ибрагима», *ГІабдурупил МухІама* «Магомед (сын) Абдурауфа», *Салимил МухІама* «Магомед (сын) Салима», *ГІабдулил МухІама* «Магомед (сын) Абдулла». Такие сочетания возможны не только с именем *МухІама(д)*, но и с другими личными именами, хотя реже, например: *Камалил Башир* «Башир (сын) Камала», *Сайгидул Баттал* «Баттал (сын) Сайгида», *ГІалил ГІумар* «Омар (сын) Али» и т. д. От таких сложных антропонимов также образуются соответствующие андронимы, например: *ГІисал МухІамалай* «жена Магомеда (сына) Исы», *Сиражил МухІамалай* «жена Магомеда (сына) Сиража», *Ибрагьимил МухІамалай* «жена Магомеда (сына) Ибрагима», *ГІабдурупил МухІамалай* «жена Магомеда (сына) Абдурауфа» и т. д.

В табасаранском языке также представлен подобный способ образования андронимов (имя мужа + суффикс генитива), например: *МахІмуд+инур* «жена Махмуда»; *Омар+инур* «жена Омара»; *Иса+йинур* «жена Исы»; *Камал+инур* «жена Камала» и т. д.

В лакском языке такие образования чаще встречаются в населенных пунктах, граничащих с аварскими селами. По этому поводу И.Х. Абдуллаев пишет: «В лакском языке, в ряде аулов вицхинского участка (Куркли, Чукна) можно отметить андронимы (женские имена от имени или прозвища мужа), ср. *Аьли-хъай* “(жена) Али, Алиевская”, *Абачара-хъай* “(жена) Абачары, Абачараевская”, *Узалав-хъай* “(жена) Узалава, Узалаевская” и др. По своей

структурной организации суффикс *-хъай* представляется сложным: он содержит элемент *-хъа-* (от аффикса мн. ч. *-хъул* в косвенных основах) и конечный *-й* (аффикс суперэссива “над” или же *-(а)й* как показатель “женского” класса в аварском языке), т. е. в семантическом плане этот элемент мотивирует отнесенность имени-прозвища к жене мужчины, от имени которого образован данный андроним» [Абдуллаев 2013, с. 100-101]. На наш взгляд, вторая версия является более верной, поскольку принцип образования андронима усвоен из аварского языка, в котором деривационный суффикс *-ай* состоит из двух компонентов: *-а* + *-й*. Вторым компонент является переменным классным показателем: *-а* + *-в* (мужской или первый грамматический класс); *-а* + *-й* (женский или второй грамматический класс), *-а* + *-б* (третий грамматический класс) и *-а* + *-л* (форма мн. ч. для всех трех грамматических классов).

При образовании андронима может быть употреблено сокращенное имя мужа, например: *Сирул Зинав* (*Сиру* – сокращённое от *Сиражудин*). Мужские имена тоже могут быть образованы от имён женщин (чаще всего от имени матери) посредством суффикса *-лав*, например: *Аьйшалав* «(сын) Айши», *ТутIулав* «(сын) Тути», *ПатIумалав* «(сын) Патимат», *БатIалав* «сын Баты» и т. д.

В даргинском языке, как и в лакском, может употребляться сочетание по модели: «имя мужа в генитиве + имя жены», типа *Хизрила ПатIумат* «Патимат (жена) Хизры». Возможно самостоятельное употребление андронима, типа аварского *Хизрилай* «Хизры (жена)», табасаранского *Камал+инур* «жена Камала» или русского *Иваниха*, *Супруниха*, *Гаврилючка* и др., здесь не встречается. Более подробно см. об этом: [Хачукаева 2018, с. 121–123].

3.3. Зооморфизмы в функции вокативов в нахско-дагестанских языках

Жизнь человека протекает в окружении животного мира. Человек наблюдает за животными, усваивает их привычки. Домашние и дикие животные находятся в постоянном взаимодействии с человеком. Изучая животный мир, люди стали приписывать себе те или иные качества животных. Затем люди стали называть друг друга, исходя из их характера и привычек соответствующими животными: храброго – львом, трусливого – зайцем, хитрого – лисой, упрямого – ослом, нежного – ягненком, лицемера – хамелеоном, нечистоплотного – свиньей и т. д. Из живых существ только животные подобно человеку обладают собственными повадками, каждому из них присущ особый тип поведения и образ жизни. Поэтому неудивительно, что слова, называющие животных, охотно используются для образного представления духовного облика человека и особенностей его поведения. В семейном дискурсе того или иного народа в функции обращений могут выступать зооморфизмы, основанные на стереотипах данной национальной культуры. В исследуемых языках в качестве вокативов используются похожие или одни и те же зоонимы.

Иллокутивная функция зооморфизмов в качестве обращений состоит в демонстрации ласковых, нежных (гораздо реже – негативных, неприязненных) чувств к коммуниканту.

Зооморфизмы, демонстрирующие позитивные качества, положительные черты характера, применяются, как правило, для поддержания позитивного контакта с адресатом и с целью создания позитивной атмосферы для общения.

Наиболее часто в качестве обращений родителей к детям (чаще бабушек к внукам) применяются следующие зооморфизмы:

чеч.: *Іахар* «ягненок», *буьхьиг* «козленок», *борз* «волк», *була* «зубр», *хьоза* «воробей», *дашо хьоза* «золотой воробей», *леча* «сокол», *ча* «медведь», *чайтаІ* «медвежонок», *аьрзу* «орел», *куьйра* «ястреб», *котаман кІорни* «цыпленок» – обращения к мальчикам; *йалсаманин хьоза* «райская птица», *тІаус* «павлин», *бІаьстенан хьоза* «вешняя птица (воробей), *чІегардиг* «ласточка» – обращения к девочкам.

авар.: *ххухх* «годовалый ягненок», *кьегІер* «ягненок», *бехуу* «козленок», *бахьин ххухх* «белый ягненок», *бацІ* «волк», *бацІил тІинчІ* «волчонок», *цидук* «медвежонок», *хьиргъу* «ястреб», *лачен* «сокол» – обращения к мальчикам; *хьахІмикки* «белая голубка», *милъиришо* «ласточка», *бул-бул* «соловей», *жайран* «джейран», «газель», *кьер меседилаб жайран* «золотистый джейран», *мокъокъ* «куропатка», *тІавус* «павлин», *ихдалил хІинчІ* «пташка вешняя», *кваркъи меседил хІинчІ* «златокрылая птица» – обращения к девочкам.

дарг.: *цІуба мукъара* «белый ягненок», *арцІа лагъа* «серебряная голубка», *бецІ* «волк», *къум лавгъа* «голубка», *дила хІебла чатІа* «моя весенняя ласточка», *къугъал жайран* «красивый джейран»;

лак.: *чІи* «ягненок», *гада* «козленок», *барцІ* «волк», *цухълул оьрчІ* «медвежонок», *лачин* «сокол», *къиргъу* «ястреб», *къиргъулул яру* «ястребиные глаза (глаза ястреба)» и т. д. – обращения к мальчикам.

къахъну «куропатка», *кІялахъхьи* «(белая) голубка», *читІу* «ласточка», *читІул оьрчІ* «птенец ласточки» *булбул* «соловей», *жайран* «джейран», «газель», *ятІул мусил жайран* «золотистый джейран» – обращения к девочкам.

лезг.: *джейран* «косуля», *чан зи джейран* «милая моя косуля», *чубарук* «ласточка», *чан зи чубарук* «милая моя ласточка» и т. д. – обращения к девочкам.

таб. *мудур* «ягненок», *дай, дайнукъ* «жеребенок», *ппаздин чиккв* «соколенок», *ппази* «сокол», *люкъ* «орел», *лачин* «сокол», *ппаздин чирккв* «соколенок» – обращения к мальчикам; *къакъба* «куропатка», *чяка* «птичка» и др. – обращения к девочкам.

Распространенный в русской лингвокультуре зооморфизм «зайчик» не встречается в большинстве нахско-дагестанских языков в качестве обращения к детям. Зато широко применяется зооморфизм «волк». Использование названий животных для образной характеристики человека объясняется экстралингвистическими причинами. Так, у большинства народов, носителей индоевропейских языков, образ волка – символ лицемерия, жестокости, жадности.

В нахско-дагестанских языках образ волка – символ мужества, бесстрашия, храбрости. Поэтому отец (чаще) или мать называют сына волком, чтобы подчеркнуть его храбрость или чтобы воспитать в нем упомянутые выше качества, характерные для волка.

Часто родители (чаще матери и бабушки) обращаются к детям, особенно к младшим, названиями красивых птиц, которые привлекают внимание ярким оперением или изяществом:

чеч.: *хьоза* «воробей», *чIегIардиг* «ласточка», *кхокха* «голубь», *леча* «сокол», *котамап кIорни* «цыленок», *йалсаманип хьоза* «райская птица», *дашо хьоза* «золотой воробей», *тIаус* «павлин», *аьрзу* «орел», *леча* «сокол», *туоти* «попугай», *куьйра* «ястреб»;

авар.: *тIавус* «пава», «павлин», *милъиришо* «ласточка», *мокъокъ* «куропатка», *микки* «голубь», *хIинчIчI* «птичка», *бул-бул* «соловей»;

дарг.: *дила хІебла чатІа* «моя весенняя ласточка», *дила булбул арцан* букв. «моя соловей птица», *хІяжсла чатІа* букв. «ласточка из Хаджа»;

лак.: *тІавс* «пава», «павлин», *читІу* «ласточка», *къахъну* «куропатка», *хъхъи* «голубь», *чІелму* «птичка», *бул-бул* «соловей»;

лезг.: *кард* «сокол», *къвед* «куропатка», *бюль-бюль* «соловей», *тІавус къуш* «павлин»;

табас.: *чатІа* «ласточка», *тІавуз* «пава», «павлин», *къакъба* «куропатка», *чяка* «птичка», *булбул* «соловей», *лачин* «сокол», *къарчигъа* «сокол», *мургъила дуклумар арцан* «златокрылая птица», *зубрала тІавуз* «небесная пава».

Часто названия птиц сопровождаются различного рода эпитетами, демонстрирующими расположение, нежность, симпатию, любовь и т.д. к коммуниканту, усиливающими иллокутивную функцию зооморфизмов в качестве обращений, например: авар. *кваркъи меседил хІинчІчІ* «золотокрылая птица», *зодил тІавус* «небесная пава», *хІатІал багІараб мокъокъ* «куропатка красноногая», *меседил хатІ тІад хъвараб хъахІул зобалъул тІавус* «с узорами золотыми небесный павлин» и т. д.

В качестве апеллятивов широко распространены также названия грациозных животных и птиц:

чеч.: *леча* «сокол», *тІаус* «павлин», «пава», *хъоза* «воробей», *кхокха* «голубь», *чІегІардиг* «ласточка», *сай* «олень», *дашо сай* «золотой олень», *бож* «козел», *цициг (пису)* «кошка»;

авар.: *жайран* «джейран», *марал* «горная серна», *ритІучІ* «лань», *микки* «голубь», *мокъокъ* «куропатка», *бул-бул* «соловей», *тІавус* «павлин», *зодил тІавус* «небесная пава» и т. д.

лак.: *жайран* «джейран», *гьинта* «лань», *хьхьи* «голубь», *къукъухъхьи* «голубь», *къахъну* «куропатка», *бул-бул* «соловей», *къарчигъай* «сокол» и др.

лезг.: *марал* «лань», *жейран* «джейран», *кард* «сокол», *къвед* «куропатка» и др.

Уважительное отношение членов семьи друг к другу в нахско-дагестанских культурах носит универсальный характер. Н. Э. Гаджихмедов пишет в связи с этим следующее: «Это почтительное отношение, очевидно, можно даже назвать культом, а уж считать кавказской культурно-этнической доминантой можно, вне всякого сомнения. Так, у многих народов Кавказа младший брат не обращается к старшему брату или старшей сестре по имени. Для этого существуют специальные термины родства.

Невестка, по старым обычаям многих народов Кавказа, не имела права называть по имени мужа, а также свекровь, свекра и т. д. Невестку близкие родственники жениха называют не по имени, а *гелиним* “моя невестка”, *алтыным* “мое золотце”, *гюлюм* “мой цветок”, *айдай* “словно луна”. Многочисленные подтверждения табуирования имен находим и в других этносах. Закрепление за именем определенной коннотации – это явление данной культуры, результат сложных ассоциаций, характеризующих именно данный национальный менталитет» [Гаджихмедов 2012, с. 59].

3.4. Фитоморфизмы в качестве вокативов в семейном общении в нахско-дагестанских языках

Растения занимают важное место в жизни человека. Он не только наслаждается их красотой, но и использует в повседневной жизни как продукт питания, лекарственное средство. Человек постоянно находится во взаимодействии с растениями, наиболее понравившимися из-за красоты или полезности, человек уподобляется растениям. Как правило, носители языков используют для этой цели те растения, которые произрастают на территории обитания народа – носителя языка.

Примечательно, что носители нахско-дагестанских языков используют в речи также названия растений, не произрастающих на территории их постоянного проживания, например: авар. *чамасдак* (*чамастак*), дарг. *чумиздаг*, лак. *чассаг* «финик», авар. *чамасдакил гъветI* «финиковое дерево», чеч. *хурма* «финик».

В аварском языке в качестве апеллятивов в семейном дискурсе наиболее распространенными являются следующие фитонимы:

чамасдак «финик», *найцIцIибил* «изюм», *микъир* «персик», *манарша* «фиалка», «фиалка ночная», *мугIрултIегъ* «эдельвейс», букв. «горы цветок», *махI берцинаб гIинтIи* «мускусная роза», букв. «шиповник с красивым ароматом», *гIадрадул тIегъ* «подснежник», *чамасдакил гъветI* «финиковое дерево» и т. д.

В лезгинском языке предпочтение отдается названиям плодов, например: *шефтел* «персик», *пIини* «черешня» и т. д.

Наиболее характерными обращениями к девочкам, особенно младшего возраста, являются названия цветов, например:

чеч.: *зезаг* «цветок», *ровзан* «роза», *петIамат* «мак», *баппа* «одуванчик», *ламзезаг* «эдельвейс», букв. «на скале цветок», *тобалкх* «фиалка», *жовжан* «лилия», *лайса* «подснежник» и т. д.;

авар.: *mIegъ* «цветок», *mIogъol kvaцIu* «букет цветов», *къурулълъ mIegъ* «эдельвейс», букв. «на скале цветок», *манарша* «фиалка», *гIадра (mIegъ)* «подснежник» и т. д.;

лак.: *mIutIu* «цветок», *mIutIal kaцI* «букет цветов», *муруллул mIutIu* «эдельвейс», букв. «на скале цветок», *гюнгутIu* «колокольчик», *банавша* «фиалка», *дараччи* «подснежник», *хъункIул mIutIu* «цветок шиповника», «горная роза», *бюргъил mIutIu* «подсолнух», *чIируннал mIutIu* «первоцвет», *ччиккул mIutIu* «примула», *гуламан mIutIu* «мак» и т. д.;

лезг. *цуйк* «цветок», *бевеша* «фиалка» и т. д.;

табас.: *вава* «цветок», *гулава* «фиалка» и т. д.

Название фиалки в качестве апеллятива встречается почти во всех нахско-дагестанских языках, в некоторых из них оно уже стало женским личным именем, например: у аварцев – *Манарша*, у даргинцев – *Манаша*, у лезгин – *Бевеша*, у лакцев – *Банавша* «фиалка» и т. д.

3.5. Эмоционально-оценочные апеллятивы в качестве вокативов

Семья является древнейшей ячейкой государства, созданной обществом для реализации целого ряда социальных функций. Семья – необходимый компонент для полноценного функционирования общества и выполнения им необходимых для этого социальных задач. Прежде всего она является необходимым условием для того, чтобы любой этнос мог полноценно хранить и транслировать из поколения в поколение этнические духовно-нравственные ценности. Функцию передачи из поколения в поколение этнических духовно-нравственных ценностей невозможно полноценно осуществлять без наличия в обществе института

семьи. Поэтому семейная коммуникация относится к одному из наиболее приоритетных направлений антропоцентрической парадигмы в лингвистике. Каждая этническая культура располагает характерными только для нее особыми представлениями о духовно-нравственных ценностях, в соответствии с которыми регулируются нормы и правила семейного общения. Именно этнические или национальные духовно-нравственные ценности регулируют применение тех или иных видов и формул обращений в семейной коммуникации.

Большое место во внутрисемейном общении носителей нахско-дагестанских языков занимают эмоционально-оценочные апеллятивы.

Эмоционально-оценочные обращения однотипны во всех рассматриваемых языках, в основном это названия драгоценных металлов, изделий из них, или драгоценных камней:

чеч.: *деши* «золото», *дети* «серебро», *жовхIар* «жемчуг», *маржан* «коралл», *алмаз* «алмаз», *мармар* «мрамор» и т. д.;

авар.: *месед* «золото», «золотце», *якъут* «рубин», *гIарац* «серебро», *жавгъар* «жемчужина», *меседил кичI* (андал.) «золотая пуговица», *гIарцул нацицу* «серебряная травинка», *гIарцул гъветI* «серебряное дерево» и т. д.;

дарг.: *мургъила гажин* «золотой кувшин», *арцла гажин* «серебряный кувшин» и т. д.;

лак.: *мусил кIичI* «золотце», букв. «золотая пуговица» (ласковое обращение к детям), *мусил хъюрт* «золотце», букв. «золотая груша», *ятIул муси* «червонное золото», *ятIул мусил жайран* «золотистый джейран» и т. д.;

лезг.: *зумруд* «изумруд», *якъут* «рубин», *маржан* «жемчуг», *мармар* «мрамор» и т. д.

Вокативы, составляющие названия драгоценных камней и металлов, настолько активно используются в нахско-дагестанских языках, что часть из них стала личными именами, например: *Алмаз, Гумюш, Деши, Дети, Дурия, Зумрат, Зумруд, Фируза, ЖовхІар, Маржан, Мерджан, Якъут* и др.

Иллокутивная функция эмоционально-оценочных обращений заключается больше в демонстрации нежных чувств (эмоций) к коммуниканту, нежели в привлечении внимания. Поэтому оценочно-характеризующую функцию можно выделить в качестве основной для эмоционально-оценочных обращений.

В этом плане эмоционально-оценочные аппеллятивы отличаются от терминов родства, выступающих в качестве обращений. Термины родства в аппеллятивной функции выполняют преимущественно вокативную функцию. Иллокутивная цель терминов родства совпадает с интенцией высказывания.

Наряду с вышеперечисленными аппеллятивами, в нахских и дагестанских языках широко используются обращения, основанные на различных ассоциациях с объектами окружающей действительности:

чеч.: *зезаг* «цветок», *лайса* «подснежник», *моз* «мед», *малх* «солнце», *седа* «звезда», *бутт* «луна», *дутьне* «планета земля», *Іалам* «природа», *жовхІар* «жемчуг», *жовжан* «лилия», *лайса* «подснежник» и т. д.;

авар.: *гьоцІцІо* «мед», *гьуьинай* «сладкая», *гьоцІцІо гІад(ин)ай* «словно мед», *берцинай* «красивая», «красавица», *йокьулей* «любимая», *гьитІич* «малыш(ка)», *шагьри моцІцІ* «полная луна», *меседил кІуни* «золотая шкатулка» (андал. диал.) и т. д.

дарг.: *ахъ дубурла вава* «высокогорный цветок», *мургьила гажин* «золотой кувшин», *цІуба мукьара* «белый ягненок», *хІаригьоди хІу амру* «полосатая фиалка», *арцла гажин* «серебряный кувшин», *арцла лагьа* «серебряная голубка», *арцла чІухІяри* «серебряный челнок»

лак.: *ницІ* «мед», *ницІал кунтІ* «сладкая (капля меда)», *ницІ* *кунмасса* «словно мед (сладкая)», *бабал хъюрт* «мамина груша», *ккурмуз* «черешня», *хъункІул тІутІи* «горная роза», *банавша тІутІи* «фиалка», *ккуркки барз* «полная луна», *чанна цІуку* «ранняя звезда», *бургьил тур* «лучик солнца» и т. д.

лезг.: *алма* «яблоко», *цук* «цветок», *бевеша* «фиалка», *варз* «луна», *маржан* «жемчуг» и т. д.

Этнокультурный компонент реализуется и через артефакты, характерные для конкретного региона, например:

авар.: *алжанальлѳул ах* «райский сад», *хІурулгІин* «гурия», *замзам иццул лѳлим* «вода из родника Зам-зам», *чамасдакил гѳветІ* «финиковое дерево» – аварская лингвокультура;

лезг.: *шекер набат* «сахарный леденец», *назлу кѳелем ширин алчадин* «горделивый саженец сладкой алычи», *ширин емиш* «сладкий плод» – лезгинская лингвокультура;

дарг.: *ахъ дубурла вава* «высокогорный цветок», *мургѳила гажин* «золотой кувшин», *цІуба мукъара* «белый ягненок», *хІаригъоди хІу амру* «полосатая фиалка», *арцла гажин* «серебряный кувшин», *арцла лагъа* «серебряная голубка», *арцла чІухІяри* «серебряный челнок» – даргинская лингвокультура.

Широкое распространение получили в нахско-дагестанских языках апеллятивы – названия небесных светил:

чеч.: *малх* «солнце», *дашо малх* «золотое солнце», *седа* «звезда», *бутт* «луна», *дуъне* «планета», *Іалам* «природа», *догІа* «дождь», *маѳлхан сурт* «солнечный рисунок», *маѳлхан йовхо* «солнечное тепло»;

инг.: *малх* «солнце», *дошо малх* «золотое солнце», *седкъа* «звезда», *бутт* «луна», *дуъне* «планета»;

авар.: *моцІцІ* «луна», *шагъри моцІцІ* «полная луна», *бакъ* «солнце», *рогъалил цІцІва* «утренняя звезда», *бакъул чІор* «лучик солнца»;

дарг.: *берхІи* «солнце», *баз* «луна», *ури* «звезда», *абулхъул берхІи* «восходящее солнце», *гІелабиркуси баз* «заходящая луна»;

лак.: *барз* «луна», *ккуркки барз* «полная луна», *баргъ* «солнце», *бургъил чани* «лучик солнца» (кулин. диал.), *чанна цІуку* «ранняя звезда», *бургъил тур* «лучик солнца», *цІуку* «звезда», *дуниял* «планета», *ттул дуниял* «моя планета»;

лезг.: *варз* «луна», *рагъ* «солнце», *экуьнин гъед* «утренняя звезда» и др.

В апеллятивной функции встречаются также названия коранических персонажей и предметов:

лак.: *хІуруэн* «гурия», *малаик* «ангел» и т.д.

лезг.: *абукевсер яд* «райская вода», *женнетдин багъ* «райский сад», *малаик / мелек* «ангел», *гъуьруь* «гурия»;

авар.: *алжаналълъул ах* «райский сад», *хІурулгІин* «гурия», *зарбо варакъулаб хІежалълъул Къуръан* «золотом в Мекке тисненный Коран», *Зам-зам иццул лълъим* «вода из родника Зам-зам» и т.д.

Во внутрисемейном общении носители нахско-дагестанских языков часто применяют апеллятивы – названия различных сладостей и сладких плодов:

лак.: *ахъвазан* «персик», *ницІ* «мед», *къюмай тІутІи* «виноград», *тІутІул яру* «виноградные глаза», *кишмитІутІи* «изюм», *кишимиш* «кишмиш», «изюм»;

лезг.: *вирт* «мед», *къенфет* «конфета», *ширин вирт* «сладкий мед (о возлюбленной)», *шекер набат* «сахарный леденец», *лацу шуьрбет* «белый сладкий напиток», *лумунат хъиз ширин* «сладкая как лимонад», *назлу*

къелем *ширин алчадин* «горделивый саженец сладкой алычи», *ширин емиш* «сладкий плод»;

авар.: *микъир* «персик», *гъоцІо* «мед», *цІцІубил* «виноград», *кишмиш* «изюм», *найцІцІубил* «кишмиш», «изюм», *хайдакъалъул гІеч* «хайдакское яблоко» и т. д.

Для аварского языка характерны эмоционально-оценочные аппеллятивы, состоящие из сочетания имени существительного и краткого прилагательного *берцин* «красивый», например: *цІцІар берцин* «с красивым именем», букв. «имя красивый», *махІ берцин* «с приятным запахом», букв. «запах красивый», *гІамал берцин* «с добрым нравом», букв. «нрав (характер) красивый» и т. д.

По своей структуре эмоционально-оценочные аппеллятивы делятся на 2 группы:

1) единицы, состоящие из одного слова:

чеч.: *хазаниг* «красавица», *диканиг* «хорошая», *дашониг* «золотая», *хъомениг* «дорогая», *жиманиг* «маленький», *йоккханиг* «большая», *кураниг* «гордая», *лекханиг* «высокий», *зезаг* «цветок» и др.;

авар.: *берцинай* «красавица», *гъуъинай* «сладкая», *йокъулей* «любимая», *гъитич* «малышка», *хІурулгІин* «гурия», *тІегъ* «цветок», *моцІцІ* «луна» и др.;

лезг.: *ич*, *алма* (диал.) «яблочко», *беневша* «фиалка», *гуъзел* «красавица», *гъуъруъ* «гурия», *дилбер* «любимая», *кІаниди* «любимая», *назани* «красавица», *назлу* «кокетливая», *суна* «красавица», *тават* «красавица», *цук* «цветок», *яр* «любимая» и др.;

2) единицы, представляющие собой словосочетания:

чеч.: *Іаържа бІаъргаи* «черные глаза», *хаза бІаъргаи* «красивые глаза», *сирла седа* «светлая звезда», *дашо седа* «золотая звезда», *дашо*

малх «золотое солнце»;

авар.: *гъоцІцІо* *гІадиной* «(сладкая) как мед», *бакъул чІор* «лучик солнца», *берал берцин* «с красивыми глазами», *берал чІегІер* «черноокая», *рогъалил цІцІва* «утренняя звезда», *чамасдакил гъветІ* «финиковое дерево», *Замзамалъул ицц* «родник Зам-зам», *мукъур сурмияб микки* «голубь с сизым оперением», *хъахІмикки* «белая голубка», *рохъимикки* «горлинка», «горлица» и т. д.;

лак.: *ттул тІутІи* «мой цветок», *ттул къарчигъай* «мой ястреб», *ттул аьнакІул оьрчІ* «мой цыпленок», *ттул бюрний* «мой олень», *ттул бул-бул* «мой соловей», *ттул шяруллул оьрчІ* «мой воробушек», *ттул къакъунттул оьрчІ* «моя куропаточка» («куропатки цыпленок») и т. д.

лезг.: *алагуьзли* «синеокая», *экуьнин гъед* «утренняя звезда»;

дарг.: *хайдакъла гІинц* «хайдакское яблоко», «яблоко из хайдакских садов», *дила хъяб хъанца лагъа* ««моя сизая голубка», *ва дила лагъа* «о моя голубка», *дила жагаси арцан* «мой прекрасный птенчик» и т. д.

Можно заметить, набор эмоционально-оценочных апеллятивов в исследуемых языках довольно однотипен, различия в частотности и способах их вербализации.

Мелиоративная лексика, употребленная в вокативной функции, формирует комфортные условия для общения и поддержания позитивного контакта. Как показал анализ, мелиоративно-коннотативная лексика не только способствует позитивному контакту в семейной коммуникации, но и придает речи эстетические качества. Мелиоративная лексика, занимает значительное место в речевом этикете нахско-дагестанских языков.

В семейном дискурсе всех этносов мелиоративно-коннотативная лексика выполняет функцию гармонизации отношений коммуникантов и достижения коммуникативной удачи.

Значительно меньшее место в семейном общении занимает лексика, выражающая пейоративную (негативную) оценку. Пейоративы (слова или сочетания слов, репрезентирующие негативную оценку) характерны, как правило, для общения детей между собой (приблизительно одного возраста) или старших детей по отношению к младшим.

Пейоративный оттенок во всех языках исследования передают следующие зооморфизмы со значениями: «осел», «мул», «баран», «козел», «кабан», «свинья», «собака», «змея», «лиса», «животное» и т. д.

В аварском языке зооморфизмы с пейоративной коннотацией в большинстве случаев представляют собой сочетаниями слов, реже – отдельные лексемы, например: *гIуриIем* «мул», *бартIи* «жеребец», *бахIри* «бродячая собака», *хIайван* «животное», *чорокаб гьой* «злопамятный человек», *багIараб гIака* (букв. «красная корова») по отношению к слабохарактерному человеку, *бакъараб кето* «попрошайка» (букв. «голодная кошка»), *ццидал хIелеко* «злой человек» (букв. «злостный петух»), *чIегIераб борохь* «злая душа» (букв. «чёрная змея»), *царал рачIчI* «хитрая(-ый), коварная(-ый)» (букв. «лисий хвост»), *кIал бегIерал гIункIкIал* «воры» (букв «с острым ртом мыши»), *сихIираб цер* «хитрый лис» и т. д.

В даргинском языке зооморфизмы: *эмхIе* «осел», *гIямултар эмхIе* «хитрый осел», *хя мухI* «собачий рот», *хяла дурхIя* «собачье отродье» (букв. «щенок»), *хялду ваца* «худая мышка», в значении «вездесущий», *цIудара чIичIала* «чёрная змея» и т. д. реализуют пейоративную коннотацию.

Иллокутивной целью пейоративно-коннотативной зооморфной лексики является выделение особо выраженной негативной черты характера или особенности внешности, сходной с тем или иным животным или зверем,

например, в чеченском языке: *цхьогал* «лиса», *жIаьла* «собака», *боьха* *жIаьла* «грязная собака», *вон жIаьла* «плохая собака», *йовссар* «беспородный пес», *кIеза* «щенок», *мекара цхьогал* «хитрая лиса», *ча* «медведь», *чагIалкх* «шакал», *нал* «кабан», *акха хьакха* «дикая свинья», *хьуьнан хьакха* «лесная свинья», *акха хIума* «дикое животное», *айгIар* «жеребенок», *котам* «курица», *дахка* «мышь», *мукадахка* «крыса», *гIаз* «гусь», *газа* «коза», *уьстагI* «баран», *нIаьнакIорни* «цыпленок петух», *вон кьи*г «недобрая ворона», *пхьид* «лягушка», *йетт* «корова», *гомаш* «буйвол», *вира* «осел», *маймал* «обезьяна», *лаьхьа* «змея», *боьха хIума* «гадина», «змея», *моьлкьа* «ящерица», *йахкйелла хьакха* «гнилая свинья».

В нахско-дагестанском семейном дискурсе применение пейоративно-коннотативной лексики исключается при обращении детей к родителям, младших к старшим, женщин к мужчинам. Семейных этикет всех исследуемых языков порицает такое использование пейоративов.

Прозвища также достаточно активно включаются в семейный дискурс в качестве вокативов, поскольку вокативная функция является одной из востребованных их функций. Безусловно, прозвища относятся к коннотирующим именам, однако некоторые из них со временем могут утратить свою смысловую нагрузку. В случае её утраты прозвища выражают только вокативную функцию, как средство установления контакта. Если же смысловая нагрузка сохраняется, то прозвища выполняют две функции: вокативную и оценочно-характеризующую. В последнем случае иллокутивная цель прозвищ совпадает с интенцией высказывания.

Прозвища могут иметь как положительную, так и негативную коннотацию. Положительную коннотацию репрезентируют ласковые прозвища типа чеч.: *борз* «волк», *чайтаI* «медвежонок», *Iахар* «ягненок»,

бож «козел», *буьхьиг* «козленок», *хьоза* «воробей», *дашо хьоза* «золотой воробей», *кхокха* «голубь», *леча* «сокол», *чIегIардиг* «ласточка», *аьрзу* «орел» *цициг* «кошка», *сай* «олень», *дашо сай* «золотой олень», *котаман кIорни* «цыпленок», *хьекъале корта* «умная голова», *бицаьлдиг*, *гаколг*, *гаки* «кукла», «детская игрушка», *кIорни* «птенец», *хьекъалдерг* «умница» и др. Основная функция прозвищ с положительной коннотацией – оценочно-характеризующая, которая реализуется посредством выражения добрых, нежных отношений к коммуниканту, особенно, если речь идет об обращении к детям, или об общении супругов. В случае супружеской коммуникации прозвища с положительной коннотацией способствуют укреплению отношений.

Оскорбительные прозвища очень редко встречаются в семейном речевом этикете нахских и дагестанских языков, которые также выполняют эмоционально-оценочную функцию. Иллокутивной целью оскорбительных прозвищ является акцент на негативные качества адресата, связанные с внешностью человека. Например, чеч.: *бунпаз* «карапуз», *чхьоча* «здоровяк», *шад* «сучок», *букказ* «горбатый», *бицIалг*, *нинолг*, *цIинцIолг* «крошка»; авар.: *къарач* «толстяк», «толстушка», «карапуз» или указывающие на черты характера: чеч.: *бунчIарг* «сорвиголова», *бунтIуз* «балда», *уьстагI* «баран», *букъарш* «разбитной весельчак», *дIама* «барсук», *йоккха Iовдал* «большой дурак», *айгIар* «жеребец», *Iаспар* «кляча», *къиг* «ворона», *маккхал* «коршун», *дуьненан айгIар* «земной жеребец», *боьха дог* «грязное сердце», *цIийза* «пискливый», «плакса»; авар.: *магIигъуд* «плакса», *гIодухъвата* «плакса», *пударухъан* «врун», «врунья», *гIамалкIодо* «гордец», *хIелеко* «забияка», *хIама* «упрямец» и т. д.

В некоторых случаях одни и те же прозвища в зависимости от конкретной ситуации могут реализовать как мелиоративное, так и пейоративное значение, например:

чеч.: *хьекъале корта* «умная голова», *хьекъалдерг* «умница», *буппаз* «карапуз», *бицаьлдиг* «кукла», *чхьоча* «здоровяк»;

авар.: *гIакълудул бетIер* «умная голова» (букв. «ума голова»), *гIамал берцин* «добронравный» (букв. «нрав красивый»), *цIуIар берцин* «обладатель красивого имени» (букв. «имя красивый»), *гIелмудал ралъад* «море знаний». В зависимости от контекста они могут приобрести мелиоративный оттенок в том случае, если адресат действительно обладает данными качествами.

Эти же прозвища могут приобрести пейоративный оттенок, если адресат не обладает данными качествами, тогда адресант употребляет их для выражения насмешки, иронии, подчеркивания отсутствия у адресата именно данных качеств и выражения своего негативного к нему отношения.

Одним из показателей национально-культурной специфики вокативов в семейном дискурсе дагестанских языков является употребление некоторых личных имён для выражения пренебрежительного отношения к человеку. Так, женское имя *ГIашура* «Ашура» в аварском и даргинском языках функционирует иногда как нарицательное в значениях «неумеха», «глупышка», «дура». Например: *йо ГIашура* в значении «эй, дурочка», *гIантай ГIашура* «дурочка», «тупица», «неумеха», букв. «дурная Ашура».

3.6. Притяжательные местоимения в составе обращений

В общении между членами семьи притяжательные местоимения играют важную роль. Это происходит в связи с тем, что для человека, как психического индивидуума, характерно эгоцентрическое желание все хорошее,

положительное признать «своим». Поэтому, по всей вероятности, притяжательные местоимения занимают доминирующее положение и играют важную роль в апеллятивном вокабуляре семейного дискурса. Притяжательные местоимения сопровождают не только эмоционально-оценочные апеллиативы, но и почти все языковые средства, выступающие в качестве вокативов в семейном дискурсе. Исключение составляют, скорее всего, антропонимы и андронимы.

Притяжательные местоимения в нахско-дагестанских языках относятся к специальным маркерам вежливости, которые следует применять для достижения задуманного перлокутивного эффекта. Их использование, как и других специальных «вокативизирующих средств», позволяет существенно расширить вокативные возможности лексем с низким вокативным потенциалом. Наряду с этим, притяжательные местоимения в сочетании с терминами родства компенсируют отсутствие в нахско-дагестанских языках уменьшительно-ласкательных суффиксов и довольно ограниченный набор политесных слов.

Для выражения добрых, нежных отношений адресанта к адресату, достижения запланированного перлокутивного эффекта наличие притяжательных местоимений является обязательным условием, например:

чеч.: *сан воI (кIант)* «мой сын», *сан йоI* «моя дочь»;

инг.: *са воI (кIаьнк)* «мой сын», *са йоI* «моя дочь»;

авар.: *дир вас* «мой сын», *дир яс* «моя дочь»;

лак.: *ттул душ* «моя дочь», *ттул оьрчI* «мой сын»;

дарг.: *дила рурси* «моя дочь», *дила урши* «мой сын»;

лезг.: *зи руш* «моя дочь», *зи хва* «мой сын»;

таб.: *из риш* «моя дочь», *из бай* «мой сын» и т. д.

Притяжательные местоимения часто применяются в сочетании с качественными прилагательными:

чеч.: *сан хаза йоI* «моя красивая дочь», *сан дика йоI* «моя хорошая дочь», *сан дика воI (кIант)* «мой хороший сын», *сан хьоме (воI) кIант* «мой дорогой сын»;

инг.: *са дика воI* «мой хороший сын», *са дика йоI* «моя хорошая дочь», *са хоз воI (кIаьнк)* «мой красивый сын», *са хоз йоI* «моя красивая дочь», *са хьоме воI (кIаьнк)* «мой дорогой сын»;

авар.: *дир берцинай яс* «моя красивая дочь», *дир льльикIай яс* «моя хорошая дочь», *дир цIцIодорав вас* «мой умный сын», *дир лебалав вас* «мой храбрый сын»;

лак.: *ттул ххуйсса душ* «моя хорошая дочь», *ттул ялаххуймур душ* «моя самая красивая дочь», *ттул аькьлу бусса оьрчI* «мой умный сын», *ттул виричусса оьрчI* «мой храбрый сын»; *ттул ххирасса душ* «моя любимая (дорогая) дочь», *ттул ххирамур оьрчI* «мой дорогой сын»;

дарг.: *дила цIуба мукьара* «мой белый ягненок», *дила хайдакьла гIинц* «моё хайдакское яблоко»;

лезг.: *зи иер руш* «моя красивая дочь», *зи акьулла руш* «моя умная дочь», *зи акьулла хва* «мой умный сын»;

таб.: *йиз уччвур риш* «моя красивая дочь», *йиз зигьим айи риш* «моя умная дочь», *йиз зигьим айи бай* «мой умный сын», *йиз ужур бай* «мой хороший сын» и т. д.

Очень часто притяжательные местоимения сопровождают фито- и зооморфизмы, например:

чеч.: *сан зезаг* «мой цветок», *сан кхокха* «моя голубка», *сан хьоза* «мой воробей», *сан чIегIардиг* «моя ласточка», *сан цIциг* «моя кошка», *сан меь* «моя куропатка»;

инг.: *са зиза* «мой цветок», *са кхокх* «моя голубка», *са циск* «мой котенок», *са чIагарг* «моя ласточка»;

авар.: *дир тIегъ* «мой цветок», *дир тIогъол квацIи* «мой букет цветов»; *дир микки* «моя голубка», *дир мокъокъ* «моя куропатка», *дир чамасдак (чамастак)* «мой финик» и т. д.;

дарг.: *дила чумиздаг* «мой финик», *дила къиргъу* «мой ястреб» и т.д.;

лак.: *ттул чассаг* «мой финик» и др.

«Примечательно, что притяжательные местоимения никогда не сопровождают бранные слова и жаргонизмы, используемые крайне редко в нахско-дагестанских языках, в силу с устоявшимися нормами, принятыми в данных лингвокультурах» [Хачукаева 2017, с. 88].

Притяжательные местоимения не сочетаются с зоо- и фитоморфизмами с пейоративной оценкой, типа «баран», «осёл», «мул», «свинья», «змея» и др.

Как указывает А.И. Халидов, «эта часть речи неоднородна не только лексико-грамматическими свойствами, позволяющими делить прилагательные на качественные, относительные и притяжательные так, как это принято в грамматиках многих языков, – в соответствии с семантикой, и некоторыми дифференциальными признаками, или так, как это сделано отдельными исследователями русского и чеченского языков – с выделением двух разрядов (качественных и относительных). Различия между отдельными классами и разрядами прилагательных здесь глубже. <...> В том виде, в каком они представлены в чеченском и других нахских языках, прилагательные дают основание для признания обоснованным мнения о том, что в некоторых языках, в силу особенностей их грамматического строя, необязательно наличие прилагательного как части речи» [Грамматика чеченского языка 2013, с. 577–578].

В авароведении традиционная точка зрения на статус местоимений, типа *дир, дур, нижер, нилъльер, гъоссул, гъессул, нужер* и др., сводится к тому, что их считают генитивными формами личных и указательно-личных местоимений. Точка зрения, что в функции притяжательных местоимений употребляются личные и возвратные местоимения в форме родительного падежа, преобладает и в остальных дагестанских языках. В связи с этим З.К. Тарланов пишет: «... классического типа, привычного нам по образцам синтетических индоевропейских языков, притяжательных (посессивных) местоимений в агульском языке, как и в других языках лезгинской группы, все же не существует. Говорить о подобного рода местоимениях в этих языках можно лишь условно.

Реально по строгим грамматическим основаниям, речь может идти только о посессивных *функциях генитива*, который в определенных синтаксических условиях принимает тот самый формант, который считается показателем слов, выражающих признак» [Тарланов 2013, с. 159].

Мы придерживаемся мнения исследователей дагестанских языков считающих, что притяжательные местоимения в дагестанских языках представлены самостоятельным разрядом слов.

3.7. Вокативные междометия

В нахских языках не наблюдаются гендерные разграничения в употреблении вокативных междометий. Так, чеч. *xIей* «эй», инг. *йэй* «эй» применяются как для оклика мужчин, так и для оклика женщин, например:

чеч.: *xIей Рамзан!* «эй Рамазан!» и *xIей Амнат!* «эй Аминат!»;

инг.: *йэй Муса!* «эй Муса!» и *йэй Амнат!* «эй Аминат!».

В некоторых дагестанских языках используются разные вокативные междометия для обращения к женщинам и мужчинам, например:

авар.: *Ле Муса!* «эй Муса!», *Ле Рамазан!* «эй Рамазан!», *Йо Аминат!* «эй Аминат!», *Йо Халимат!* «эй, Халимат».

В табасаранском языке при обращении к любому полу употребляется одно и то же междометие: *Я Муса!* «эй Муса!», *Я Рамазан!* «эй Рамазан!», *Я Аминат!* «эй Аминат!».

В даргинском языке также нет гендерномаркированных междометий (за исключением некоторых диалектов), и к женщинам, и к мужчинам обращаются одинаково: *Ва Муса!* «эй Муса!», *Ва Рабадан!* «эй Рабадан!», *Ва Аминат!* «эй Аминат!».

В статье З.М. Маллаевой и З.М. Рамазановой «Гендерно маркированные вокативы в дагестанских языках» отмечается, что «во всех дагестанских языках представлены формулы речевого этикета, которые характеризуются рядом примечательных особенностей и носят четко регламентированный гендерный характер. Так, некоторые вокативные междометия, обслуживающие речевой этикет носителей дагестанских языков, употребляются исключительно для привлечения внимания мужчин, в то время как другие вокативные междометия служат для оклика женщин. Обращение (вокатив) в дагестанских языках является наиболее распространенным гендерным маркером» [Маллаева, Рамазанова 2018, с. 363].

В этой связи А.С. Казакова указывает: «не только вокативные, но и некоторые эмоциональные местоимения также носят гендерно маркированный характер» [Казакова 2017, с. 46].

В качестве характерной особенности дагестанских языков З.М. Маллаева и З.М. Рамазанова отмечают «наличие в них гендерно

маркированных ответных междометий. В даргинском языке в ответ на обращение мужчина употребляет ответное междометие *йей*, а женщина – ответное междометие *йав*, например: *ва, Хасай!* «эй, Хасай» (ответ – *йей!*); *ва Муса!* «эй, Муса!» (ответ – *йей!*); *ва Хадижат!* «эй, Хадижат!» (ответ – *йав!*); *ва Аминат!* «эй, Аминат» (ответ – *йав!*); *ва, рурси!* «эй, девушка!» (ответ – *йав!*); *ва, урши!* «эй, парень!» (ответ – *йей!*) и т. д.» [Маллаева, Рамазанова 2018, с. 363].

В дагестанских языках гендерно маркируются не только вокативные и ответные междометия, но и некоторые эмоционально-экспрессивные междометия, выражающие различные эмоции: удивление, радость, восторг, страх, боль, тревогу, возмущение.

В чеченском речевом этикете не принято обращаться супругам друг к другу по имени. Как жена к мужу, так и муж к жене обращаются посредством междометия *xIей* «эй». Однако, если муж с женой остаются одни, табу снимается, и супруги могут называть друг к друга по имени.

В нашей статье «К вопросу о гендерной ассиметрии в сфере речевого этикета (на материале нахско-дагестанских языков)» [Хачукаева 2017, с. 233–236] мы уже отмечали, что дифференциация междометий на «женские» и «мужские» наблюдается во всех нахско-дагестанских языках. Можно сказать, что гендерно маркированные междометия являются типологической общностью кавказских языков. Однако в дагестанских языках, как нам представляется, такая дифференциация носит более выраженный характер. Звательные междометия в дагестанских языках характеризуются выраженной гендерной регламентацией, например:

авар. *йо*, дарг. *гъей* «эй», по отношению к женщине», авар. *ва, ле*, дарг. *гъуй* «эй», по отношению к мужчине».

В даргинском языке в качестве обращения к жене вместо табуированного личного имени употребляется междометие *гъей*, в диалектах – междометие *жав* «эй».

У некоторых дагестанских народов до сих пор существует табу – строгий запрет на произнесение личных имен в семейном этикете.

Во многих языках запрета уже нет, однако традиция сохраняется.

З.М. Маллаева и З.М. Рамазанова на основе анализа междометий, функционирующих в качестве обращений в дагестанских языках, пришли к закономерному выводу, «что гендерный аспект наиболее чётко отображается в звательных междометиях. В некоторых языках гендерные отношения проявляются также в выборе ответных междометий и (реже) эмоционально-экспрессивных междометий» [Маллаева, Рамазанова 2018, с. 365].

В чеченском языке, отвечая на обращение, и мужчина, и женщина пользуются одинаковыми ответными междометиями *хIов* и *хIан*,

например:

ХIей, Расул! – ХIов! или ХIан!

ХIей Муса! – ХIов! или ХIан!

ХIей, Рашидат! – ХIов! или ХIан!

ХIей, Амнат! – ХIов! или ХIан!

В даргинском языке мужское ответное междометие имеет форму – *йав*, а ответное женское междометие – *йей*, например:

Ва Аминат! – Йей!

Ва Рашидат! – Йей!

Ва МахIмуд! – Йав!

Ва Юсун! – Йав!

Не допускается употребление ответного междометия *йав!* мужчинами и *йей!* женщинами. Данная регламентация строго соблюдается и по сей день.

Для «женских» междометий характерна большая выразительность, экспрессивность, а также наблюдается более частое использование нежных, ласковых и тонких нюансов эмоций. В «женских» междометиях, как правило, употребляются мягкие звуки, тогда как в «мужских» междометиях – более грубые, резкие звуки.

Характерной особенностью нахско-дагестанских языков является наличие различных формул благопожеланий и проклятий в вокативной функции. Благопожелания и злопожелания могут выступать в функции обращений при наличии определенных прагматических условий. Благопожелания в вокативной функции служат поддержанию позитивного контакта. Иллокутивная функция злопожеланий или проклятий в качестве обращений состоит в демонстрации негативных, неприязненных чувств к коммуниканту.

Дальнейшее изучение вокативов, функционирующих во внутрисемейном общении у носителей нахско-дагестанских языков, будет способствовать расширению наших представлений о мировоззрении, нравах, культуре и обычаях носителей указанных языков.

Выводы к III главе

1. Антропони́мы обнаруживают максимальный вокативный потенциал в семейном дискурсе всех нахско-дагестанских языков.

2. Имя собственное в функции обращения выполняет две основные функции: 1) привлечение внимания; 2) поддержание контакта.

3. При использовании личного имени в функции привлечения внимания всегда имя собственное во всех указанных языках занимает препозицию. Такое положение личного имени (наряду с основной функцией привлечения внимания) выполняет также второстепенную функцию идентификации адресата. В функции поддержания контакта имя собственное во всех языках без исключения занимает постпозицию.

4. Личные имена в качестве вокативов не обнаруживают особых различий в семейном дискурсе исследуемых языков. Они могут выступать в базовых типах обращений вне зависимости от прагматических условий. В семейном дискурсе нахско-дагестанских языков в функции обращений могут выступать зооморфизмы, основанные на стереотипах данной национальной культуры.

5. Личные имена часто соединяются с деминутивными и гипокористическими суффиксами, которые придают соответствующему обращению дополнительный вокативный вес, увеличивают их иллюкутивную силу. Наибольшее распространение на современном этапе развития дагестанских языков получил заимствованный из русского языка деминутивный суффикс *-ик*, который в одинаковой мере присоединяется как к женским, так и к мужским именам собственным.

6. Гипокористические антропонимы применяются преимущественно для поддержания позитивного контакта. Функционирование таких антропонимов определяется как лингвистическими закономерностями, так и экстралингвистическими факторами.

7. Национально-культурные традиции оказывают большое влияние на выбор антропонимов в качестве вокативов.

8. Иллокутивная функция зооморфизмов в качестве обращений состоит в демонстрации ласковых, нежных (гораздо реже – негативных, неприязненных) чувств к коммуниканту. Зооморфизмы, демонстрирующие позитивные качества, положительные черты характера, применяются с целью поддержания позитивного контакта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в данной работе лингвокультурологический анализ обращений, применяемых во внутрисемейном общении в нахско-дагестанских языках, позволил выявить как общее, характерное для всех исследуемых языков, так и специфическое, характерное для отдельных нахско-дагестанских языков. Через семейное общение можно получить наиболее полную информацию об этнической, национальной, культурной норме, поскольку именно семья является хранителем этнической, национальной культуры, которая усваивается и передается через непосредственное семейное общение.

Понятие «дискурс», означающее процесс языковой деятельности и коммуникативного взаимодействия, остается одним из наиболее дискутируемых и неоднозначно трактуемых в лингвистике. Первоочередной задачей коммуникативной лингвистики является уточнение интерпретации дискурса в отношении к таким смежным терминам, как «текст», «речь», «монолог» и «диалог». Дискурс-анализ (discourse analysis) утвердился как приоритетная междисциплинарная парадигма. В русистике, несмотря на новизну самого термина, прочный фундамент для дискурсивных исследований был заложен в 1970–1980-е годы трудами Е. А. Земской и сотрудников Института русского языка АН СССР в рамках проектов по изучению русской разговорной речи.

Анализ современного состояния дискурс-анализа позволил систематизировать существующие дефиниции дискурса в рамках четырех ведущих подходов: 1) *коммуникативного (функционального)*, трактующего дискурс как вербальное общение в форме диалога или беседы с учетом позиций адресанта и адресата; 2) *структурно-синтаксического*, понимающего дискурс как фрагмент текста или сверхфразовое единство (микротекст), объединенное

смысловыми связями; 4) *структурно-стилистического*, фиксирующего высокую контекстность и ассоциативность, свойственные разговорной речи; 5) *социально-прагматического*, рассматривающего текст в неразрывном единстве с ситуацией общения и его прагматической силой.

В ходе анализа теоретических истоков дискурс-анализа определено ключевое влияние трех научных парадигм второй половины XX века: 1) *лингвистической прагматики и теории речевых актов* (Дж. Остин, Дж. Сёрл), сместивших фокус исследований на интенциональные цели высказываний, прагматические пресуппозиции и типы речевого поведения; 2) *социолингвистики* (У. Лабов, С. Эрвин-Трипп, В. И. Карасик), детерминировавшей необходимость изучения речевой вариативности под воздействием социально-бытовых факторов; 3) *этнографии коммуникации* (Д. Хаймс, Дж. Гамперц), заложившей теоретический фундамент дескрипции устной речи через призму культурных характеристик и контекста.

Современная российская традиция дискурс-анализа, преемственно опираясь на достижения отечественной психолингвистики и текстологии, характеризуется переходом от абстрактного изучения языковых уровней к исследованию институциональных и персональных типов общения, среди которых приоритетный статус приобретает семейный дискурс. На основе синтеза изученных подходов семейный дискурс определен как сложное социолингвистическое явление, представляющее собой тематически ограниченную совокупность преимущественно устных текстов, функционирующих строго в сфере внутрисемейных отношений. Обладая максимальной приближенностью к живой разговорной речи, семейный дискурс выступает ключевым транслятором и репрезентантом системы ценностей, традиций и ролевых установок конкретного лингвокультурного сообщества.

Проведенный в диссертации анализ позволил установить, что выбор формы обращения в семейном дискурсе носителей нахско-дагестанских языков жестко регламентирован внутрисемейным статусом адресата в рамках гендерно-возрастной иерархии (доминирование статуса отца над статусом матери, старших детей над младшими, сыновей над дочерьми). Перлокутивный эффект и гармонизация интенций адресата обеспечиваются за счет вариативного использования специализированных лексико-грамматических маркеров вежливости (притяжательных местоимений, качественных и аффективных прилагательных, модальных частиц, вокативных междометий).

В нахско-дагестанских языках ключевым средством адресации и привлечения внимания выступают лексико-семантические группы терминов родства. Функционируя в качестве обращений, данные термины эксплицируют статус адресанта в семейной структуре.

Выявлено устойчивое сохранение этнокультурного феномена лингвистического табуирования личных имен в исследуемой группе языков. Обычай наложения речевого запрета преимущественно проецируется на номинацию супруга и родственников по линии мужа вне зависимости от их возраста, что маркирует высокий уровень сохранения традиционных нормативных установок в семейном дискурсе региона.

Выявлены случаи межвариантной и междиалектной семантической поляризации однокоренных терминов родства в дагестанских языках. Данная асимметрия проявляется как в радикальной инверсии денотата по гендерному признаку, например, лексема *адай* в урахинском диалекте даргинского языка означает «мать», а в мегебском – «отец», так и в сужении/трансформации семантического объема понятия, например, переход общеаварского *эмен* «отец» в категорию «отчим» в закатальском диалекте аварского языка.

Определена строгая этнокультурная и прагматическая регламентация использования термина «жена» в функции вокатива. Установлено, что в нахских языках данная номинация полностью исключена из устного обращения, а в большинстве дагестанских – имеет строго детерминированное употребление, например, в лезгинском – исключительно в рамках фатической конструкции с императивным междометием *я наб*.

Установлены идиоэтнические маркеры лакского семейного дискурса. На фоне общей тенденции предпочтения междометий и личных имен в регионе, лакский язык демонстрирует уникальную лингвокультурную специфику на фоне остальных нахско-дагестанских языков. Она выражается как в нормативном закреплении традиционного вокатива *щарссей* «жена», так и в прагматически обусловленной замене его аффективным обращением *ххирей* «дорогая» в присутствии третьих лиц.

В диссертации доказано, что лексемы с низким вокативным потенциалом обладают ограниченной прагматической сочетаемостью в структуре речевого акта. Вместе с тем в исследуемых языках верифицирован комплекс специализированных «вокативизирующих средств» (интонационные контуры, дейктические и модальные маркеры), интеграция которых позволяет компенсировать семантические ограничения и существенно расширить прагматические возможности данных лексем в роли прямого обращения.

Выявлены системные расхождения в структурно-семантической организации вокативов со значением «дядя» и «тетя» в нахско-дагестанских языках. Основной дифференциальный признак заключается в экспликации линии родства, при которой референтивные и вокативные единицы жестко разграничиваются в зависимости от отцовской или материнской принадлежности родственника (дифференциация номинаций брата отца и брата

матери), что свидетельствует о высокой степени детализации родственных связей в кавказском лингвокультурном пространстве.

Доказано, что ядерная зона концепта «семья» во всех исследуемых нахских и дагестанских языках репрезентирована базовыми терминами родства первой степени деривации («мать», «отец», «сын», «дочь», «брат», «сестра», «муж», «жена», «невестка», «зять»), которые на морфемном уровне характеризуются моноксемной структурой. При этом периферийные элементы лексико-семантической группы отражают процессы межязыковой интерференции, что подтверждается наличием заимствований из тюркских источников (в частности, лезгинские и табасаранские термины *халу* и *дайи* «дядя по матери», восходящие к азербайджанскому языку).

Верифицировано, что прагматическая активность и вокативная продуктивность терминов родства обусловлены экстралингвистическими (культурно-традиционными) факторами, а не собственно языковой системой. В отличие от русской лингвокультуры, где номинации «сноха» / «невестка» исключены из устной адресации, в нахско-дагестанском семейном дискурсе данные лексемы обладают высоким вокативным потенциалом. Идиоэтническая специфика зафиксирована в аварском языке, сохранившем в устной коммуникации специализированную реликтовую форму вокатива *нусай* (при общей утрате категории вокативного падежа в парадигме имени).

Установлено, что личные имена обладают максимальным вокативным потенциалом в семейном дискурсе всех исследуемых языков и не демонстрируют существенных межъязыковых различий, функционируя инвариантно к прагматическим условиям коммуникации. Выявлена строгая зависимость синтаксической позиции антропонима от его прагматической функции в речевом акте: в препозиции имя собственное реализует первичную функцию фатической аттракции (привлечения внимания) и сопутствующую

функцию идентификации адресата; в постпозиции антропоним направлен исключительно на поддержание коммуникативного контакта.

Установлено, что прагматический вес антропонимических вокативов существенно возрастает при интеграции деминутивных и гипокористических суффиксов, увеличивающих иллокутивную силу высказывания. В современной деривационной системе дагестанских языков верифицирована высокая продуктивность заимствованного из русского языка форманта *-ик*, который демонстрирует гендерную инвариантность, присоединяясь как к мужским, так и к женским личным именам.

Доказано, что функционирование гипокористических антропонимов синкретично детерминировано как внутриязыковыми закономерностями, так и экстралингвистическими факторами. Выступая ключевым инструментом фатического моделирования и поддержания позитивного коммуникативного контакта, выбор данных вокативов в качестве базовых типов обращений прямо коррелирует с национально-культурными традициями конкретного этноса.

Анализ прагматического потенциала зооморфизмов в функции обращений, основанных на стереотипах национальной культуры, позволил эксплицировать их иллокутивную направленность. В семейном дискурсе исследуемых языков данные единицы преимущественно реализуют мелиоративную оценку, транслируя аффективные интенции (ласку, нежность) с целью поддержания позитивного контакта, и лишь дискретно (в редких случаях) – пейоративную семантику.

Таким образом, проведенное исследование доказывает, что семейный дискурс носителей нахско-дагестанских языков представляет собой уникальную, строго иерархизированную и этнокультурно маркированную систему, в которой лингвистические механизмы вокативности находятся в

нерасторжимой синкретичной связи с нормативными традициями кавказского лингвокультурного пространства.

Дальнейшее изучение вокативов, применяемых во внутрисемейном общении носителями нахско-дагестанских языков, будет способствовать расширению наших представлений о мировоззрении, нравах, культуре и обычаях носителей этих языков.

СОКРАЩЕНИЯ

- авар. – аварский язык
акуш. – акушинский диалект даргинского языка
анд. – андийский язык
андал. – андалальский диалект аварского языка
арм. – армянский язык
ахвах. – ахвахский язык
бежт. – бежтинский язык
багв. – багвалинский язык
ботл. – ботлихский язык
бухт. – бухтинский говор андалальского диалекта аварского языка
в-карах. – верхнекарахский говор карахского диалекта аварского
языка
вицхинск. – вицхинский говор дакского языка
гин. – гинухский язык
годоб. – годоберинский язык
губд. – губденский диалект даргинского языка
гунз. – гунзибский язык
др.-груз. – древнегрузинский язык
закат. – закатальский диалект аварского языка
инг. – ингушский язык
кабард. – кабардинский язык
карат. – каратинский язык
кубач. – кубачинский диалект даргинского языка
кулинск. – кулинский диалект лакского языка

кум. – кумыкский язык
мекег. – мекегинский диалект даргинского языка
мурег. – мурегинский говор даргинского языка
нац. – нацинский говор даргинского языка
н.-карах. – нижекарахский говор карахского диалекта аварского
языка
рус. – русский язык
салт. – салтинский говор андалальского диалекта аварского языка
согр. – согратлинский говор андалальского диалекта аварского языка
таб. – табасаранский язык
тинд. – тиндинский язык
урах. – урахинский говор даргинского языка
ург. – урганинский говор даргинского языка
урк. – уркарахский говор даргинского языка
хайд. – хайдакский диалект даргинского языка
хварш. – хваршинский язык
цез. – цезский язык
цудах. – цудахарский диалект даргинского языка
чад. – чадоколобский говор анцухского диалекта аварского языка
чамал. – чамалинский язык
чеч. – чеченский язык
чираг. – чирагский говор даргинского языка.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ:

1) аварский язык:

Хайбулаева Мадина Магомедрасуловнаб 1966.г.р. канд. филол. наук, доц. кафедры дагестанских языков ДГПУ.

2) даргинский язык:

Чапаева Раисат Муртузалиевна, 1958 г. р. канд. филол. наук, доц. кафедры дагестанских языков ДГПУ им.Р.Гамзатова.

3) лакский язык:

Саадулаева Римляна Щамхаловна, 1970.г.р. канд. филол. наук, доц. кафедры дагестанских языков ДГПУ.

4) лезгинский язык:

Таджибова Разият Раджидиновна, 1968 г.р., канд. филол. наук, доц. кафедры английской филологии ФИЯ ДГУ.

5) табасаранский язык:

Дашдемиров Шарафудин Закиевич, 1962 г.р. научный сотрудник ИЯЛИ ДФИЦ РАН.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абаев, В. И.** О родовых отношениях и терминах родства у осетин / В. И. Абаев. – Текст : непосредственный // Энгельс и языкознание : сборник статей ; под ред. В. Н. Ярцева [и др.]. – Москва : Наука, 1972. – С. 233–242.
2. **Абдуллаев, А. А.** Лакские термины родства в условиях двуязычия / А. А. Абдуллаев. – Текст непосредственный // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства : сборник статей / Дагестанский фил. АН СССР, Ин-т истории, яз. и лит. им. Г. Цадасы ; [сост. К. С. Кадыраджиев]. – Махачкала : [б. и.], 1985. – С. 187–190.
3. **Абдуллаев, З. Г.** К генезису терминов родства даргинского языка / З.Г. Абдуллаев. – Текст : непосредственный // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства : сборник статей / Дагестанский фил. АН СССР, Ин-т истории, яз. и лит. им. Г. Цадасы ; [сост. К. С. Кадыраджиев]. – Махачкала : [б. и.], 1985. – С. 50–71.
4. **Абдуллаев, З. Г.** Даргинский язык : в 3 ч. Ч 2 : Морфология : монография / З. Г. Абдуллаев – Москва : Наука, 1993. – 473 с. – Текст : непосредственный.
5. **Абдуллаев, И. Х.** Материалы и исследования по аваро-лакским языковым взаимоотношениям : монография / И. Х. Абдуллаев. – Махачкала : Алеф, 2013. – 136 с. – Текст : непосредственный.
6. **Агаширинова, С. С.** Субстратные термины родства у лезгин / С. С. Агаширинова. – Текст : непосредственный // Всесоюзная сессия по итогам

полевых этнографических и антропологических исследований 1978-1979 гг.: тезисы докладов / редкол. : В. Н. Басилов ; Н. В. Бикбулатов, И. С. Гурвич ; АН СССР. ИЭ, Башкир. фил. АН СССР. Ин-т истории, языка и лит. – Уфа, 1980. – С. 124–125.

7. Алиева, Б. М. Исследование гендерно-обусловленных структурных аспектов в английском и лакском языках / Б. М. Алиева. – Текст : непосредственный // Вестник ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 2 (12). – С. 92–97.

8. Алиева, Б. М. Гендерно-обусловленные структурные аспекты стратегии речевого поведения в лакском и английском языках : специальности 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации: кавказские языки», 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Алиева Бадрижат Маликовна. – Махачкала, 2009. – 31 с. – Место защиты: Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. – Текст : непосредственный.

9. Алироев, И. Ю. Нахские языки и культура : монография / И. Ю. Алироев. – Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978. – 289 с. – Текст : непосредственный.

10. Алироев, И. Ю. Язык, история и культура вайнахов : монография / И. Ю. Алироев. – Грозный : Чеч.-Инг. изд.-полигр. об-ние «Книга», 1990. – 364 с. – ISBN 5-7666-0102-6 (В пер.) – Текст : непосредственный.

11. Алироев, И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов : монография / И. Ю. Алироев. – Махачкала : [б. и.], 1975. – 386 с. – Текст : непосредственный.

12. Алпатов, В. М. Категория вежливости в современном японском языке : монография / В. М. Алпатов. – Москва : Наука, 1973. – 109 с. – Текст : непосредственный.

13. Аль-Кадими, Т. Т. Обращение в современном русском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Аль-Кадими Тарик Тахир. – Баку, 1968. – 19 с. – Место защиты: Азерб. гос. ун-т им. С. М. Кирова. – Текст : непосредственный.

14. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики : монография / Ю. Д. Апресян. – Москва : Просвещение, 1966. – 301 с. – Текст : непосредственный.

15. Апресян, Ю. Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – Текст : непосредственный // Проблемы структурной лингвистики : сборник статей. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 102 – 149.

16. Арсакаева, Х. С. Основные речевые формулы русского и чеченского этикета / Х. С. Арсакаева. – Текст : непосредственный // Известия Чеченского государственного университета. – 2018. – № 3 (11). – С. 108–115.

17. Арсакаева, Х. С. Речевые этикетные формулы вежливости в чеченском языке : специальность 5.9.5. «Русский язык. Языки народов России» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Арсакаева Хапта Салтмуратовна. – Махачкала, 2024. – 22 с. – Место защиты: Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН. – Текст : непосредственный.

18. Арутюнова, Н. Д. Функции языка / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Русский язык : энциклопедия / Ин-т рус. яз. АН СССР ;

редкол.: Р. И. Аванесов, В. И. Борковский, Т. А. Ганиева [и др.] ; гл. ред. Ф. П. Филин.. – Москва : Советская энциклопедия, 1979. – 431 с.

19. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений (Оценка, событие, факт) : монография / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 341 с. – ISBN 5-02-010870-7. – Текст : непосредственный.

20. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова. – Текст: непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

21. Арутюнова, Н. Д. Дискурс. Речь // Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 136–137.

22. Багамаева, З. З. Зоометафоры в функции этикетных формул (на материале дагестанских языков) / З. З. Багамаева. – Текст : непосредственный // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. – 2021. – №5. – С. 138–143.

23. Балкаров, Б. Х. Адыго-нахские языковые встречи / Б. Х. Балкаров. – Текст : непосредственный // Материалы Первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков : [Посвящается 70-летию акад. А. С. Чикобава] / под ред. проф. Г. Б. Муркелинского ; Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, яз. и литературы им. Г. Цадасы. – Махачкала : [б. и.], 1969. – С. 162–183.

24. Бахаева, Л. М. Гендерный фактор в чеченском языке : специальности 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (чеченский и ингушский), 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бахаева

Лейла Мухарбековна. – Грозный, 2009. – 193 с. – Текст : непосредственный.

25. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества : сб. избр. тр. / М. М. Бахтин ; прим. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. – Москва : Искусство, 1979. – 423 с. – Текст : непосредственный.

26. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; пер. с фр. Ю. Н. Караулова [и др.] ; общ. ред. Ю. С. Степанова. – [4-е. изд.] – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – 446, [1] с. – ISBN 978-5-397-00968-3.

27. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике : монография / В. Г. Борботько. – Москва : КомКнига, 2007. – 288 с. – Текст : непосредственный.

28. Бюлер, К. Теория языка : репрезентативная функция языка : [пер. с нем. / Карл Бюлер] ; общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной ; вступ. ст. Т. В. Булыгиной и А. А. Леонтьева. – [2-е изд.] – Москва : Прогресс, 2000. – 501, [1] с. – ISBN 5-01-004658-X. – Текст : непосредственный.

29. Вагапов, А. Д. Этногенез чеченцев с точки зрения языкознания / А. Д. Вагапов. – Текст : непосредственный // Вестник Академии наук Чеченской Республики – 2006. – № 4. – С. 61–73.

30. Ван Дейк, Т. А. К определению дискурса : монография / Т. А. ван Дейк. – Лондон : Сэйдж Пабликэйшнз, 1998. – 384 с. – Текст : непосредственный.

31. Василенко, Ю. И. Модальные слова в диалоге / Ю. И. Василенко. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 1984. – № 6. – С. 37–40.

32. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание : [пер. с англ.] / А. Вежбицкая ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. – Москва : Русский словарь, 1996. – 411 с. – ISBN 5-89216-002-5. – Текст : непосредственный.

33. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов. / А. Вежбицкая ; [пер с англ. А. Д. Шмелева]. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 287 с. – ISBN 5-7859-0189-7. Текст : непосредственный.

34. Гаджихмедов, Н. Э. Язык как индикатор этнического менталитета (на материалах русского и кумыкского языков) / Н. Э. Гаджихмедов. – Текст : непосредственный // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2012. – № 3.– С. 57–61.

35. Гайсина, Р. М. Средства речевого контакта в отношении к структуре предложения / Ф. М. Гайсина. – Текст : непосредственный // Вопросы синтаксиса русского языка. – Ростов-на Дону: Пед. ин-т, 1971. – С. 36–44.

36. Гак, В. Г. Названия зятя по материалам Лингвистического атласа Европы / В. Г. Гак, Н. З. Донадзе. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1998. – № 4. – С. 143–150.

37. Гак, В. Г. Повторная номинация на уровне предложения / В. Г. Гак. Текст : непосредственный // Синтаксис текста : сб. статей / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. Г.А. Золотова. – Москва : Наука, 1979. – С. 91–102.

38. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования : монография / И. Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1981. – 139 с. – Текст : непосредственный.

39. Ганиева, Ф. А. Отраслевая лексика лезгинского языка : монография / Ф. А. Ганиева ; Российская акад. наук, Дагестанский научный центр РАН, Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. –

[изд. 2-е, доп.] – Махачкала, 2012. – 359 с. – ISBN 978-5-91431-070-4. – Текст : непосредственный.

40. Гарунова, К. И. К вопросу о терминах родства в некоторых говорах южного наречия аварского языка / К. И. Гарунова. – Текст : непосредственный // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства : сборник статей / Дагестанский филиал академии наук СССР, Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы ; сост. К. С. Кадыраджиев. - Махачкала : [б. и.], 1985. – С. 21–30.

41. Гасанова, С. М. Термины родства и свойства в даргинском языке (по данным диалектов) / С. М. Гасанова. – Текст : непосредственный // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства : сборник статей / Дагестанский филиал академии наук СССР, Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы ; сост. К. С. Кадыраджиев. – Махачкала : [б. и.], 1985. – С. 72-87.

42. Геймунова, Н. К. Лингвистические особенности делового дискурса / Н. К. Геймунова. – Текст : электронный // Молодой ученый. – 2016. – № 2. – С. 886–891. – URL: <https://moluch.ru/archive/106/25391/> (дата обращения: 26.01.2018).

43. Голикова, В. В. Функции обращения в семейном дискурсе / В. В. Голикова. – Текст : непосредственный // Теория языка и межкультурная коммуникация : межвузовский сборник научных трудов. – Курск : КГУ, 2007. – С. 38–45.

44. Гольдин, В. Е. Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин ; под ред. Л. И. Баранниковой. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 127, [2] с. – Текст : непосредственный.

45. Гольдин, В. Е. К определению сущности обращения / В. Е. Гольдин. – Текст : непосредственный // Язык и общество. – 1982. – № 6. – С.46–59.

46. Гольдин, В. Е. К проблеме обращения как лексической категории / В. Е. Гольдин. – Текст : непосредственный // Язык и общество. – 1977. – № 4. – С. 19–31.

47. Гольдин, В. Е. Обращение в организации направленности речи / В. Е. Гольдин. – Текст : непосредственный // Проблемы организации речевого общения : сб. статей / АН СССР, ин-т языкознания ; редкол.: Е. Ф. Тарасов (отв. ред.) и др. – Москва : [б. и.], 1982. – С.78–90.

48. Горохова, Н. В. Проблема многозначности понятия «дискурс» / Н. В. Горохова. – Текст : непосредственный // Омский государственный технический университет. – 2014. – № 10. – С. 90–94.

49. Грайс, Т. П. Логика и речевое общение / Т. П. Грайс. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике : научная литература. Выпуск XVI / сост. Арутюнова, Н. Д. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 217–237.

50. Грамматика чеченского языка : монография в 3 т. / авт. проекта и науч. ред. А. И. Халидов ; Акад. наук Чеченской респ., Комплексный науч.-исслед. ин-т им. Х. И. Ибрагимова Российской акад. наук. Введение в грамматику. Фонетика. Морфемика. Словообразование / [А. И. Халидов, А. Д. Тимаев, М. Р. Овхадов] Текст : непосредственный. – Грозный : Грозненский рабочий, 2013. – 848 с. ISBN 978-5-4314-0080-3.

51. Гумбольдт, фон В. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / Гумбольдт фон В. ; общ. ред. Г. В. Рамишвили ; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – Москва : Прогресс, 2000. – 400 с. – ISBN 5-01-004661-X. – Текст : непосредственный.

52. Гумбольдт, фон В. О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие / Гумбольдт фон В. – Текст : непосредственный // Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / под ред., с предисл. Г. В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 1984. – С. 324–326.

53. Гумбольдт, фон В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития / Гумбольдт фон В. – Текст : непосредственный // Звегинцев, В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях : в 2 ч. Ч. 1. / В. А. Звегинцев. – [3-е изд., доп.]. – Москва : Просвещение, 1964. – С. 73–104.

54. Гюльмагомедов, Г. А. Дагестанские формулы этикета / Г. А. Гюльмагомедов. – Текст : непосредственный // Языкознание в Дагестане. Лингвистический ежегодник. – Махачкала : [б. и.], 1998. – №2. – С. 69–71.

55. Даниэль, М. А. «Новый» русский вокатив: история формы усеченного обращения сквозь призму корпуса письменных текстов / М. А. Даниэль. – Текст : непосредственный // Корпусные исследования по русской грамматике : сб. статей / Институт языкознания РАН ; ред. К. Киселева. – Москва : Пробел-2000, 2009. – С. 224–244.

56. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация : монография / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петров ; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. – Москва : Прогресс, 1989. – 310, [2] с. – Текст : непосредственный.

57. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров : монография / В. В. Дементьев. – Москва : Знак, 2010. – 594 с. : ил., табл. – ISBN 978-5-9551-0409-6 (в пер.) – Текст : непосредственный.

58. Джавахадзе, Н. В. Термины родства у горных ингушей / Н. В. Джавахадзе. – Текст : непосредственный // Кавказский этнографический сборник. II: Очерки графики Горной Ингушетии. – Тбилиси, 1968. – С. 226–236.

59. Джидалаев, Н. С. Термины родства и свойства в лакском языке / Н. С. Джидалаев. – Текст : непосредственный // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования ; сост. К. Ш. Микайлов ; Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. – Махачкала: ИИЯЛ, 1984. – С. 6–19.

60. Ерофеева, Е. В. К вопросу о соотношении понятий текст и дискурс / Е. В. Ерофеева., А. Н. Кудлаева. – Текст : непосредственный // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / отв. ред. Т. И. Ерофеева ; Перм. ун-т. – Пермь, 2003. – Вып. 3. – С. 28–36.

61. Звягинцева, В. В. Антропонимические средства адресации в семейном дискурсе / В. В. Звягинцева. – Текст : электронный // Теория языка и межкультурная коммуникация : межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т. Ю. Сазоновой. – Курск : КГУ, 2009. – № 2 (6). – URL: <http://tlic.kursksu.ru/pdf/006-08.pdf> (дата обращения: 26.01.2018).

62. Звягинцева, В. В. Оценочно-характеризующие обращения в семейном дискурсе русского и английского языков / В. В. Звягинцева. – Текст : непосредственный // Известия Курск. ГТУ. – Курск : Курск ГТУ, 2010. – Вып. 3. – С. 143–148.

63. Звягинцева, В. В. Обращения в семейном дискурсе : специальность 10. 02. 19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Звягинцева Виктория Валерьевна. – Курск, 2011. – 21 с. – Место защиты : Курский гос. ун-т. – Текст : непосредственный.

64. Иванов, В. В. Хеттский язык : монография / В. В. Иванов. – Москва : Изд-во вост. лит., 1963. – 222 с. – Текст : непосредственный. (Языки зарубежного Востока и Африки/ Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. Под общ. ред. проф. Г. П. Сердюченко).

65. Кадыраджиев, К. С. Тюркские термины родства и свойства в нахско-дагестанских языках / К. С. Кадыраджиев., К. К. Вазирова. – Текст : непосредственный // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства : сб. статей / Дагестанский фил. АН СССР, Ин-т истории, яз. и лит. им. Г. Цадасы ; [сост. К. С. Кадыраджиев]. . – Махачкала : [б. и.], 1985. – С. 161–167.

66. Казакова, А. С. Этнокультурные особенности вербальных этикетных формул в языках различных групп / А.С. Казакова. – Текст : непосредственный // Общественные науки. – 2017. – № 2–1. – С. 45–51.

67. Казиев, Г.К. Термины родства в аварском литературном языке / Г. К. Казиев // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства. – Махачкала, 1985. – С. 31-40.

68. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография / В. И. Карасик. – Москва, 2004. – 331 с. – Текст : непосредственный.

69. Карасик, В. И. Парадигма вокативности / В. И. Карасик // Языковые парадигмы и их функционирование. – Волгоград : Перемена, 1992. – С. 49–51.

70. Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян. – Текст : непосредственный // Фундаментальные направления современной американской лингвистики : сб. обзоров / МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак.; под ред. А. А. Кибрика и др. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – С. 276–339.

71. Кибрик, А. А. Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян. – Текст : непосредственный // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / МГУ

им. М. В. Ломоносова, филол. фак.; под ред. А. А. Кибрика и др. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – С. 307–322.

72. Климов, Г. А. Этимологический словарь картвельских языков / Г. А. Климов; Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. – Москва : Изд-во АН СССР, 1964. – 306 с. – Текст : непосредственный.

73. Кронгауз, М. А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства / М. А. Кронгауз. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Образ человека в зеркале разных языков и культур : монография / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – Москва : Индрик, 1999. – С. 124–134.

74. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова : монография / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1981. – 200 с. – Текст : непосредственный.

75. Кубрякова, Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров. – Москва : РАН. ИНИОН, 2000. – С. 5–13.

76. Куркиев, А. С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка / А. С. Куркиев. – Грозный, 1979. – 254 с. – Текст : непосредственный.

77. Леонович, Е. О. Английские термины родства и внутрисемейных отношений как обращение / Е. О. Леонович. – Текст : электронный // Университетские чтения / Пятигор. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2008. – URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/V/uch_2008_V_00036.pdf (дата обращения: 17.06.2011).

78. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / РАН. Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б.

Левонтина. – Москва : Индрик, 1999. – 422 с. – ISBN 5-85759-091-4. – Текст : непосредственный.

79. Лиджиев, А. Б. Калмыцкие деминутивы в контексте современности / А. Б. Лиджиев. – Текст : непосредственный // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2008. – № 3. – С. 42–44.

80. Магометов, А. А. Кубачинский язык (Исследование и тексты) / А. А. Магометов ; / Акад. наук Груз. ССР. Ин-т языкознания. – Тбилиси : Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1963. – 341 с. – Текст : непосредственный.

81. Мадиева, Г. Б. Антропонимы как средство выражения национальной культуры / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград: ВГПУ, 2010. – № 6. – С. 96–102.

82. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса : монография / М. Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 280 с. – ISBN 5-94244-005-0 : 2500 – Текст : непосредственный.

83. Маллаева, З. М. Грамматические категории аварского языка (модальность, залоговость) : монография / З. М. Маллаева. – Махачкала : Юпитер, 2002. – 192 с. – ISBN: 5-7895-0001-3. – Текст : непосредственный.

84. Маллаева, З. М. Некоторые речевые особенности ритуала приветствия в дагестанских языках / З. М. Маллаева. – Текст : непосредственный // Фольклор и лингвокультурология народов Кавказа: материалы Международного симпозиума «Фольклор и лингвокультурология народов Кавказа». – Тбилиси, 2012. – С. 196–201.

85. Маллаева, З. М. Этнолингвистический феномен Дагестана / З. М. Маллаева. – Текст : непосредственный // Материалы республиканской научной конференции, посв. 2000-летию г. Дербента «Этнокультурное

измерение общедагестанского единства: Историческая традиция и вызовы современности». – Махачкала, 2015. – С. 32–39.

86. Маллаева З. М. Гендерно маркированные вокативы в дагестанских языках / З. М. Маллаева, З. М. Рамазанова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 5(83). – Ч. 2. – С. 362–366.

87. Манджиева, Э. Б. Этнокультурные особенности русских и калмыцких этикетных формул / Э. Б. Манджиева. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. – 2008. – № 4. – С. 75–79.

88. Мациев, А. Г. Очерки лексикологии современного чеченского языка / А.Г. Мациев ; Чечено-Ингуш. науч.-исслед. ин-т истории яз. и литературы. – Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973. – 146 с.

89. Мейланова, У. А. Основные термины кровного родства в языках лезгинской группы / У. А. Мейланова. – Текст : непосредственный // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. – Тбилиси, 1985. – Т. XII. – С. 310–317.

90. Моисев, А. И. Термины родства в современном русском языке / А. И. Моисев. – Текст : непосредственный // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. – 1963. – № 3. – С.120–133.

91. Морган, Л. Г. Древнее общество : монография / Л. Г. Морган. – Ленинград : Изд.-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР. – 1934. – 350 с. – Текст : непосредственный.

92. Мусаев, М.-С. М. Даргинский язык / М.-С. М. Мусаев. – Текст : непосредственный // Языки Дагестана : сб. статей. – Махачкала – Москва : [б. и.], 2000. – С. 98–114.

93. Муталов, Р. О. Фатическая (контактоустанавливающая) функция речевых формул в ицаринском даргинском / Р. О. Муталов. – Текст :

непосредственный // Международная конференция Лингвистический форум 2022: традиционные речевые формы и практики Институт языкознания РАН. – Москва, 2022. – С. 79–80.

94. Муталов, Р. О. Речевой этикет в ицаринском даргинском: формулы установления контакта / Р. О. Муталов. – DOI: 10.25136/2409-8698.2022.12.39512. – Текст : электронный // Litera. – 2022 а. – № 12. – С. 91–99. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39512 (дата обращения: 28. 05. 2023).

95. Навразова, Х. Б. К вопросу об иллокутивных функциях междометий в чеченском языке / Х. Б. Навразова, Б. Н. Исакова. – Текст – непосредственный // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы чеченского языка и литературы: история и современность». – Грозный : [б. и.], 2021. – С. 166–169.

96. Натаев, С. А. Система родства и этнические связи чеченцев / С. А. Натаев. – Текст : непосредственный // Вестник АН Чеченской Республики. – 2007. – № 1. – С. 172–176.

97. Натаев, С. А. Термины родства чеченцев. Этнографический аспект / С. А. Натаев. – Текст : непосредственный // Нана. – Грозный [б. и.], 2008. – № 1. – С. 30-41.

98. Оздоева, Э. Г. Лексика родства в ингушском языке : специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (кавказские языки) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Оздоева Эсет Герихановна. – Нальчик, 2007. – 24 с. – Место защиты : Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. – Текст : непосредственный.

99. Оздоева, Э. Г. Генезис терминов, обозначающих некровное родство в ингушском языке / Э. Г. Оздоева. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 3 (57). – Ч. 2. – С. 120–122.

100. Панек, Л. Б. О некоторых терминах родства и грамматических классах в дагестанских языках / Л. Б. Панек. – Текст : непосредственный // Языки Дагестана : сб. статей. – Махачкала : [б. и.], 1954. – С. 227–234.

101. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике IV. Глагол, местоимение, числительное, предлог : монография / А. А. Потебня ; Акад. наук СССР. Ин-т яз. и мышления им. Н. Я. Марра. – Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. – 318 с. – Текст : непосредственный.

102. Рыжова, Л. П. Обращение как компонент коммуникативного акта : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Рыжова Людмила Павловна. – Калинин, 1982. – 14 с. – Текст : непосредственный.

103. Саидова, П. А. Терминология родства и свойства в аваро-андийских языках / П.А. Саидова. – Текст : непосредственный // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства : сб. статей / Дагестанский фил. АН СССР, Ин-т истории, яз. и лит. им. Г. Цадасы ; [сост. К. С. Кадыраджиев]. – Махачкала : [б. и.], 1985. – Махачкала, 1985. – С. 6–20.

104. Самедов, Д. С. К вопросу о речевом этикете / Д. С. Самедов, Т. В. Гамалей, Т. М. Мусаева. – Текст : непосредственный // Вестник Дагестанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2002. – Вып. 3. – С. 62–68.

105. Серль, Джон Р. Классификация иллокутивных актов / Джон Р. Серль. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике:

теория речевых актов / сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой, В. З. Демьянкова ; общ. ред. Б. Ю. Городецкого ; [послел. Р. И. Павилениса]. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 170–194.

106. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков : монография / АН СССР, Дагестанский филиал, Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы ; [отв. ред., авт. предисл. Г. Б. Муркелинский]. – Москва : Наука, 1971. – 295 с. – Текст : непосредственный.

107. Суперанская, А. В. Структура имени собственного: Фонология и морфология : монография / А. В. Суперанская. – Москва: Наука, 1969. – 206 с. – Текст : непосредственный.

108. Супрун, В. И. Антропонимы в вокативном употреблении / В. И. Супрун. – Текст : непосредственный // Известия Уральского гос. ун-та. – 2001. – № 20. – С. 92–96.

109. Сусов, И. П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И.П. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1984. – С. 3-12.

110. Тарланов, З. К. Проблемы общей грамматики и грамматики агульского языка : монография / З. К. Тарланов. – Махачкала, 2013. – 392 с. – Текст : непосредственный.

111. Тарнаева, Л. П. Видовые различия делового дискурса: лингводидактический аспект проблем / Л. П. Тарнаева. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 12 (42). – Ч.3. – С. 171–174.

112. Темирбулатова, С. М. Хайдакский диалект даргинского языка : монография / С. М. Темирбулатова. – Махачкала, 2004. – 304 с. – Текст : непосредственный.

113. Темирбулатова, С. М. Отраслевая лексика даргинского языка. 2-е издание / С. М. Темирбулатова. – Махачкала, 2012. – 448 с. – Текст : непосредственный.

114. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : монография / С. Г. Терминасова. – Москва : Слово/Slovo, 2008. – 264 с. – Текст : непосредственный.

115. Услар, П.К. Этнография Кавказа. Языкознание.V. Хюркилинский язык. / П. К. Услар. – Тифлис, 1892. – 497 с. – Текст : непосредственный.

116. Формановская, Н. И. Речевое воздействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – Москва : ИКАР, 2007. – 480 с. – ISBN: 978-5-7974-0141-1. – Текст : непосредственный.

117. Формановская, Н. И. Вы сказали: «Здравствуйте!» : Речевой этикет в нашем общении / Н. И. Формановская. – Москва : Знание, 1989. – 156 с. – Текст : непосредственный.

118. Формановская, Н. И. Культура общения и речевой этикет / Н. И. Формановская. – Текст : непосредственный // Русский язык в школе. – 1993. – № 3. – С. 25–79.

119. Формановская, Н. И. Речевой этикет и речевая ситуация / Н. И. Формановская. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 1979. – № 3. – С. 77–80.

120. Хайдаков, С. М. Очерки по лакской диалектологии : монография / С. М. Хайдаков ; АН СССР, Ин-т языкознания – Москва : Наука, 1966. – 224 с. – Текст : непосредственный.

121. Халидова, Р. Ш. Аварский речевой этикет в свете прагмалингвистики : монография / Р. Ш. Халидова. – Махачкала : ДГПУ, 2023. – 159 с. – ISBN 978-5-907698-86-4. – Текст : непосредственный.

122. Хроленко, А. Т. Основы современной филологии : учебное пособие для студентов и магистров филологических факультетов высших учебных заведений / А. Т. Хроленко. – Москва : Флинта : Наука, 2013. – 344 с. – ISBN 978-5-9765-1418-8. – Текст : непосредственный.

123. Халимбекова, М. К. Некоторые особенности формул обращения в лезгинском и английском речевых этикетах / М. К. Халимбекова // Труды Международной конференции «Инноватика 2011». Том I. – Ульяновск, 2011. – С. 207.

124. Халимбекова, М. К. Этикетная лексика в языках различных культур: лезгинском и английском : монография / М. К. Халимбекова. – Махачкала : АЛЕФ, 2012. – 134 с. – Текст : непосредственный.

125. Хачукаева, М. Я. Гендерная маркировка междометий в нахско-дагестанских языках / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Языки народов мира и Российской Федерации. – Махачкала : ДГУ, 2017. – С. 248–251.

126. Хачукаева, М. Я. К вопросу о частеречном статусе терминов родства, употребленных в функции вокативов / М.Я. Хачукаева // Материалы V Международного симпозиума лингвистов-кавказоведов, посв. 120-летию со дня рождения академика А. С. Чикобава. – Тбилиси, 2018. – С. 206–207.

127. Хачукаева, М. Я. Проявление гендерных различий в речевом этикете нахско-дагестанских языков / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи : материалы VI Международной научной конференции, памяти выдающегося кавказоведа, академика А. С. Чикобава (1898-1985). – Махачкала : Алеф, 2018. – С. 377–382.

128. Хачукаева, М. Я. Термины родства, функционирующие в качестве средств адресации в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков / М. Я.

Хачукаева. – Текст : непосредственный // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. – 2017. – № 12. – С. 87–91.

129. Хачукаева, М. Я. Андронимы в качестве вокативов в языках различных культур / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. – 2018. – № 13. – С. 121–123.

130. Хачукаева, М. Я. К вопросу о гендерной ассиметрии в сфере речевого этикета (на материале нахско-дагестанских языков) / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Современный ученый. – 2017. – № 7. – С. 233–236.

131. Хачукаева, М. Я. Лингвокультурологические особенности традиционных этикетных формул, обслуживающих семейный дискурс в нахско-дагестанских языках / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры и образования. – 2019. – №2 (75). – С. 513–515.

132. Хачукаева, М. Я. Обращение в функции «оператора» семейного дискурса в чеченском речевом этикете / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Материалы Межвузовской студенческой научно-практической конференции «Наука молодых: актуальные вопросы филологии». – Махачкала : ДГПУ, 2024. – С. 75–80.

133. Хачукаева, М. Я. Особенности вербального и невербального этикетного общения чеченцев и дагестанцев-билингвов / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Материалы I Международной научной конференции «Языки и культуры народов России и мира». – Махачкала, 2019. – С. 479–482.

134. Хачукаева, М. Я. Термины приобретенного родства (свойства) в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков / М. Я.

Хачукаева., Р. Ш. Халидова. – Текст : непосредственный // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. – 2018. – № 71. – С. 77–82.

135. Хачукаева, М. Я. Традиционные формулы коммуникации между супругами (на материале нахско-дагестанских языков) / М. Я. Хачукаева. – DOI: 10.34775/o2359-8216-2055-w. – Текст : непосредственный // Родные языки: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Махачкала : ДГПУ им. Р. Гамзатова, 2024. – С. 53–57.

136. Хачукаева, М. Я. Эмоционально-оценочные вокативы в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Материалы Международной научно-практической конференции «Сохранение и развитие языкового наследия в поликультурной образовательной среде». – Майкоп, 2021. – С. 55–59.

137. Хачукаева, М. Я. Эмоционально-стилистические особенности вокативов в нахско-дагестанских языках, обслуживающих общение супругов между собой / М. Я. Хачукаева., Р. Ш. Халидова. – Текст : непосредственный // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2018. – № 12 (2). – С. 87–91.

138. Хурматуллин, А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике / А. К. Хурматуллин. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, кн. 6. – С. 31–37.

139. Чернышева, М. А. Культура общения / М. А. Чернышева. – Ленинград : Ленингр. орг. о-ва «Знание» РСФСР, 1983. – 32 с. – Текст : непосредственный.

140. Шавхелишвили, Б. А. Термины родства в нахских языках : специальность 10.02.09 «Кавказские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шавхелишвили Бела Абрамовна. – Москва : [б. и.], 1978. – 20 с. – Текст : непосредственный.

141. Шалбузов, К. Т. Термины родства и свойства в табасаранском языке / К. Т. Шалбузов // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства : сб. статей / Дагестанский фил. АН СССР, Ин-т истории, яз. и лит. им. Г. Цадасы ; [сост. К. С. Кадыраджиев]. – Махачкала : [б. и.], 1985. – С. 191–195.

142. Шамилева, Р. Д. Термины родства в чеченских паремиях / Р. Д. Шамилева. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 2. – С. 158–161.

143. Ширяева, Т. А. К вопросу о статусе дискурса / Т. А. Ширяева. – Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2006. – № 3. – С. 30–37.

144. Ширяева, Т. А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Ширяева Татьяна Александровна. – Краснодар, 2008. – 50 с. – Место защиты: Кубан. гос. ун-т. – Текст : непосредственный.

145. Шлёпкина, М. А. Деловой дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе / М. А. Шлёпкина. – Текст : непосредственный // Современная филология: материалы междунар. заоч. науч. конф. / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. – Уфа : Лето, 2011. – С. 222–227.

- 146. Яковлев, Н. Ф.** Ингуши : Популярный очерк / Н. Ф. Яковлев. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1925. – 134, [2] с. – Текст : непосредственный.
- 147. Яковлев, Н. Ф.** Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей / Н. Ф. Яковлев. – Москва, 1925. – Текст : непосредственный.
- 148. Яковлев, Н. Ф.** Современные термины родства у народов Северного Кавказа / Н. Ф. Яковлев. – Т. 1. – Москва, 1930. – Текст : непосредственный.
- 149. Яковлев, Н. Ф.** Термины «мать-отец», «сестра-брат», «дочь-сын» в северокавказских яфетических и некоторых других языках. – Текст : непосредственный // Уч. зап. Института этнографии и национальной культуры Востока. Т. 2. – Москва, 1930а.
- 150. Brown, G., Yule, G.** Discourse Analysis / G. Yule G. Brown. – Cambridge, 1983. – Текст : непосредственный.
- 151. Buck, C. D.** A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages / C. D. Buck. – Chicago : The University of Chicago Press, 1988. – 1515 p. – Текст : непосредственный.
- 152. Busse, B.** Vocative constructions in the languages of Shakespeare / B. Busse. John Benjamins Publishing Company. – 2006. – 526 p. – Текст : непосредственный.
- 153. Coulthard, M.** An Introduction to Discourse Analysis / M. Coulthard. – London : Longman, 1977. – Текст : непосредственный.
- 154. Dijk, van Teun A.** Studies in the pragmatics of discourse / Teun A. van Dijk. – The Hague etc.: Mouton, 1981. – Текст : непосредственный.
- 155. Dijk, Teun A.** Studies in the pragmatics of discourse / Teun A. van Dijk. – The Hague : Mouton, 1981. – 331p. – Текст : непосредственный.

- 156. Harris, Z. S.** Discourse analysis / Z. S. Harris. – Текст : непосредственный // Language. – The Hague: Mouton, 1963. – 73 p.
- 157. Schiffrin, D.** The language of discourse: Connections inside and out / D. Schiffrin. – Текст : непосредственный // Text. – 1990. – vol. 10. – Pp. 97–100.
- 158. Slagell, Amy.** 21st century communication: a reference handbook / Amy Slagell ; general editor William F. Eadie. – SAGE Publications. – 2009. – 942 p. – Текст : непосредственный.
- 159. Gumperz, John J.** Discourse Strategies / John J. Gumperz. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – Текст : непосредственный.
- 160. Stubbs, M.** Discourse analysis: the sociolinguistic analysis of natural language / M. Stubbs. – Chicago : University of Chicago Press, 1983. – 272 p. – Текст : непосредственный.
- 161. Widdowson, H. G.** Discourse analysis. Oxford / H. G. Widdowson. – New York : Oxford University Press, 2007. – 136 p. – Текст : непосредственный.
- 162. Schegloff, E.** Schegloff's texts' as "Billig's data": a critical reply / E. Schegloff // Discourse and society. – 1999. – Vol. 10. – Pp. 558–572. – Текст : непосредственный.
- 163. Sacks, H.** A simplest systematics for the organization of turntaking for conversation / H. Sacks, E. Schegloff, G. Jefferson. – Текст : непосредственный // Language. – 1974. – Vol. 50. – No. 4 (part 1). – Pp. 696–735.
- 164. Werneck, H.** Psychologie der Familie / H. Werneck, S. Werneck-Rohrer. – Wien, 2000. – 355 s. – Текст : непосредственный.
- 165. Hammersley, M.** Conversation analysis and discourse analysis: methods or paradigms? / M. Hammersley. – Текст : непосредственный // Discourse and society. – 2003. – Vol. 14. – P. 751–781.

166. Halliday, M. Current Ideas in Systemic Practice and Theory / M. Halliday. – London: Pinter, 1991. – Текст : непосредственный.

167. Habermas, J. Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns / J. Habermas. – Текст : непосредственный // Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verl., 1989. – Ss. 571–606.

СЛОВАРИ

1. **Абдуллаев, И. Х.** Лакско-русский словарь / И. Х. Абдуллаев. – Махачкала : ИЯЛИ ДНЦ РАН ; АЛЕФ, 2018. – 980 с. – Текст : непосредственный.
2. **Аварско-русский словарь** : около 30 тыс. слов / под ред. М. М. Гимбатова. – Махачкала : ДНЦ РАН, 2006. – 909 с. – Текст : непосредственный.
3. **Абдуллаев З. Г.** Даргинско-русский словарь : 12 тыс. слов, терминов и выражений / Абдуллаев З. Г. – Махачкала : ИЯЛИ ДНЦ РАН ; Алеф, 2017. – 646 с. – ISBN 978-5-4242-0583-5. – Текст : непосредственный.
4. **Ахманова, О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с. – Текст : непосредственный.
5. **Байсултанов, Д. Б.** Чеченско-русский фразеологический словарь : около 12 тыс. фразеологических единиц чеченского языка : в трёх томах / Д. Б. Байсултанов. – 2-ое изд., доп., перераб. – Грозный : Грозненский рабочий, 2016. – 734 с. – Текст : непосредственный.
6. **Вагапов, А. Д.** Этимологический словарь чеченского языка / А. Д. Вагапов. – Тбилиси: Меридиани, 2011. – 733 с. – Текст : непосредственный.
7. Васильева, Н. В. Краткий словарь лингвистических терминов / Н.В. Васильева, В.А. Виноградов, А. М. Шахнарович // – Москва : Изд-во «Русский язык», 1996. – 175 с.
8. **Краткий словарь лингвистических терминов** / Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович. – Москва : Рус. яз., 1995. – 176 с. – ISBN 5-200-02243-6. – Текст : непосредственный.

9. Исмаилов, А. Т. Слово. Размышления о родном языке : Русско-чеченский словарь = Дош. Нохчийн матах йолу ойланаш / А. Т. Исмаилов ; ответ. ред. З. Д. Джамалханов. – Элиста : Джангар, 2005. – 928 с. – ISBN 5-94587-035-8. – Текст : непосредственный.

10. Карасаев, А. Т. Русско-чеченский словарь : 40 тыс. слов / А. Т. Карасаев, А. Г. Мациев. – Москва : Русский язык, 1978. – 728 с. – Текст : непосредственный.

11. Климов, Г. А. Этимологический словарь картвельских языков / Г. А. Климов. – Москва: Изд-во АН СССР, 1964. – 306 с. – Текст : непосредственный.

12. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики / Г. А. Климов, М. Ш. Халилов ; РАН. Ин-т языкознания ; Дагест. науч. центр, Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы. – Москва : Восточная литература, 2003. – 510, [1] с. – ISBN 5-02-018283-4. – Текст : непосредственный.

13. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

14. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 688 с. – Текст : непосредственный.

15. Мациев, А. Г. Чеченско-русский словарь. С приложением краткого грамматического очерка чеченского языка / А. Г. Мациев. – Грозный : Грозненский рабочий, 2010. – 656 с. – ISBN 978-5-900231-53-2. – Текст : непосредственный.

16. Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики / Т. М. Николаева. – Москва : Прогресс, 1978. – 480 с. – Текст : непосредственный.

17. **Оздоев, И. А.** Русско-ингушский словарь : 40 тыс. слов / И. А. Оздоев. – Москва : Русский язык, 1980. – 832 с. – Текст : непосредственный.
18. **Оздоева, Ф. Г.** Ингушско-русский фразеологический словарь / Ф. Г. Оздоева. – Нальчик : Эль-Фа, 2003. – 132 с. – Текст : непосредственный.
19. **Подольская, Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская, отв. ред. А. В. Суперанская, Институт языкознания АН СССР. – Москва : Наука, 1978. – 201 с. – Текст : непосредственный.
20. **Жеребило, Т. В.** Словарь лингвистических терминов : более 900 терминов / Т. В. Жеребило. – Магас.: Изд-во ИнГУ, 2004. – 155 с. – Текст : непосредственный.
21. **Хайдаков, С. М.** Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков / С. М. Хайдаков ; АН ГССР, Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1973. – 179 с. – Текст : непосредственный.
22. **Юсупов, Х. А.** Русско-даргинский словарь : 47 тыс. слов и фразеологических выражений / Х. А. Юсупов. – Махачкала : Юпитер, 2005. – 520 с. – ISBN 5-7895-0021-8. – Текст : непосредственный.